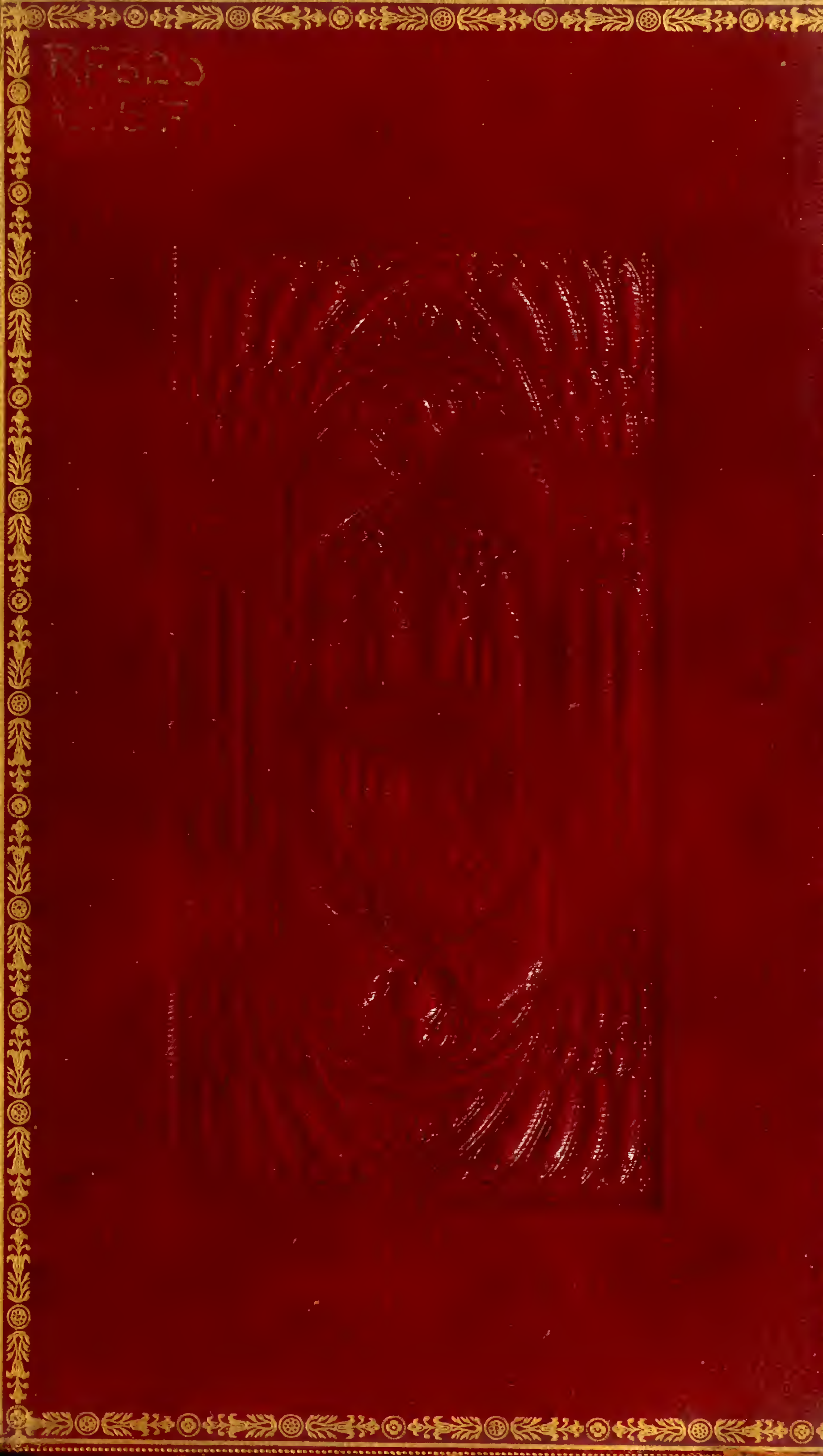

ГЛУХО-НѢМЫЕ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИХЪ СОСТОЯНІЮ И КЪ СПОСОБАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ САМЫМЪ СВОЙСТВЕННЫМЪ ИХЪ ПРИРОДѢ.

ГЛУХО-НѢМЫЕ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИХЪ СОСТОЯНІЮ

И

КЪ СПОСОБАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ

САМЫМЪ СВОЙСТВЕННЫМЪ

ИХЪ ПРИРОДѢ.

СОЧИНЕНІЕ

ВИКТОРА ФЛЁРИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1835.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. — С. Петербургъ, Декабря 24 дня 1834 года.

Ценсоръ Ф. Шармуа.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

вѣрноподданный

ВИКТОРЪ ФЛЁРИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прочитавъ статистику глухо-нѣмыхъ, изданную въ Парижѣ въ 1832 году, и основанную на самыхъ достовѣрныхъ вычисленіяхъ, изумляешься прежде всего скудости вспомоществованій, предлагаемыхъ нѣкоторыми странами, сравнительно съ другими (*).

Славящаяся такимъ множествомъ человѣколюбивыхъ заведеній, посвященныхъ сиротству, Россія имѣетъ однакожъ только одно училище глухо-нѣмыхъ, тогда какъ, по упомянутой нами статистикѣ, число сихъ несчастныхъ превышаетъ въ ней 27,000. И что эта

(*) См. перечень сей статистики, которою оканчивается книга.

цифра не преувеличена, доказывается офиціяльною ревизіею глухо-нѣмыхъ въ Пруссіи и Даніи, по которой число ихъ простирается, въ первомъ изъ сихъ государствъ до 8,223, а во второмъ до 1,260 человѣкъ.

И если глухо-нѣмые допускаемы были къ собиранію только небольшой части жатвы на томъ обширномъ полѣ, которое благотворительность открываетъ въ Россіи каждому злополучію, то неоспоримо отъ того только, что они въ ней не извѣстны, что они въ ней считаются незначительною дробью многочисленнаго семейства несчастныхъ, участвующихъ въ пособіяхъ ея человѣколюбія.

Это разсужденіе было и первою причиною, возбудившею во мнѣ мысль написать эту книгу.

Съ другой стороны думалось мнѣ, что трудъ, котораго цѣлью было бы ознакомить публику съ состояніемъ глухонѣмаго, степенью его способностей, воз-

можностью его образованія и способами, удобнѣйшими къ доставленію ему такого благодѣянія, могъ бы быть полезнымъ и семействамъ, имѣющимъ дѣтей, удрученныхъ этимъ двойнымъ недугомъ, равно какъ и наставникамъ глухо-нѣмыхъ, не имѣющимъ еще всей нужной практики въ искусствѣ преподаванія.

Эта книга не есть, какъ то могутъ иные думать, ни извлеченіе, ни сокращеніе обнародованныхъ касательно глухо нѣмыхъ свѣдѣній; но только перечень частныхъ замѣчаній одного наставника въ продолженіе не кратковременной практики. Впрочемъ, тѣмъ лучше, если я иногда встрѣчался съ другими, тѣмъ лучше еще, если нахожусь иногда въ несогласіи съ ними; смѣю думать, что дѣло отъ этого не потерпитъ.

Между тѣмъ попытаюсь быть полезнымъ дѣлу глухо нѣмыхъ, къ которымъ привязываетъ меня старое сострастіе; и щедро буду я вознагражденъ, лишь только сильный и благородный откоол-

сокъ встрѣтятъ мои желанія: да участвуютъ глухо-нѣмые въ большемъ числѣ благодѣянію воспитанія, и вийдутъ въ полное обладаніе выгодами человѣка и христіанина!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛУХО-НѢМЫЕ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИХЪ СОСТОЯНІЮ И КЪ СПОСОБАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ САМЫМЪ СВОЙСТВЕННЫМЪ ИХЪ ПРИРОДѢ.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ИСКУССТВО ПРЕПОДАВАНІЯ ГЛУХО-НѢМЫМЪ.

Педро Понче, Бенедиктинецъ въ городѣ Оньа въ Испаніи, почитается изобрѣтателемъ искусства обученія глухо-нѣмыхъ. (Онъ умеръ въ 1584 году.) Онъ не оставилъ никакого сочиненія, но современники его и регистры его монастыря единогласно утверждаютъ и превозносятъ успѣхи сего наставника въ образованіи многихъ глухо-нѣмыхъ отъ рожденія, которыхъ обучилъ онъ говорить и писать, и *изъ коихъ нѣкоторые*, говоритъ самъ Педро Понче, *столь-*

ко успѣли въ наукахъ, что считались бы учеными и въ присутствіи Аристотеля.

Около полу-вѣка позже, другой Испанецъ, Жанъ-Поль Боне, старался также доставить глухо-нѣмымъ благотворное образованіе. Онъ изложилъ способы свои въ одномъ доселѣ сохранившемся сочиненіи, въ которомъ заключается очень много разсудительныхъ доводовъ и богатыхъ слѣдствіями началъ. Кажется, онъ не зналъ о трудахъ Оньаскаго инока, потомучто не говоритъ объ нихъ, и выдаетъ себя за изобрѣтателя своей методы. Твореніе Боне имѣетъ заглавіе: *Reduccion de las letras, y arte para enseñar a hablar los mudos.*

Оно содержитъ въ себѣ ручную азбуку, служившую образцемъ Аббату де Лепе, и которую Испанскій наставникъ употреблялъ, при обученіи своихъ воспитанниковъ, вмѣстѣ съ гортанною азбукою, прежде нежели сообщалъ имъ понятіе о языкѣ посредствомъ письма и постепенныхъ чтеній. Боне совѣтуетъ употребленіе природной пантомимы въ изученіи чувственныхъ предметовъ; касательно же нравственныхъ понятій, онъ справедливо замѣчаетъ, что *для обученія глухо-нѣмаго именамъ разныхъ страстей, должно ожидать пока онъ самъ ихъ почувствуетъ, и тогда только заставить его замѣтить то, что испыталъ онъ внутренне.*

Жилъ еще въ Испаніи, нѣсколько лѣтъ послѣ Боне, глухо-нѣмой отъ рожденія, по имени Рамирезъ де Каріонъ, котораго высокое образованіе представляетъ странный феноменъ, если правда, какъ утверждаютъ, будто онъ не слыхалъ о столь удачно сдѣланныхъ опытахъ обоихъ наставниковъ, ему предшествовавшихъ. Несомнѣнно то, что глухо-нѣмой, о которомъ мы говоримъ, предался съ успѣхомъ наставленію своихъ товарищей несчастія, такимъ образомъ, что нѣкоторые ученые предписали ему честь изобрѣтателя искусства. Онъ обнародовалъ книгу, имѣющую заглавіемъ: *Maravillas de naturaleza, en qua se contienen doz mil secretos de cosas naturales*. Если вѣрить Моргоффу, этотъ глухонѣмой наставникъ образовалъ Эммануила Филиберта, Принца Кариньянскаго, глухо-нѣмаго отъ рожденія, который писалъ и говорилъ на четырехъ языкахъ.

Первый, занимавшійся въ Италіи, около половины 17-го столѣтія, воспитаніемъ глухонѣмыхъ, былъ Піетро де Кастро, врачъ Мантуанскаго Герцога. Онъ образовалъ, говорятъ, сына Принца, Ѳому Савойскаго. Метода его не извѣстна. До него многіе писатели той же страны разсуждали философически объ искусствѣ обучать глухо-нѣмыхъ; но ни одинъ изъ нихъ не испыталъ ввести въ употребленіе свои тео-

ріи. Самый древній и жившій даже прежде Педро Понче, былъ Героцимъ Карданъ, родившійся въ Павіи, въ 1501-мъ году; слѣдовательно и ему принадлежала бы честь, что онъ первый положилъ и доказалъ возможность доставить образованіе глухо-нѣмымъ.

Въ Англіи Джонъ Больверъ обнародовалъ въ Лондонѣ, въ 1648-мъ году, своего *Философа или Друга глухо-нѣмыхъ.* Онъ издалъ еще прежде два сочиненія, относящіяся къ тому же самому предмету, и которыя затеряны. Ихъ заглавія были слѣдующія: *Хирономія, или искусство ручной Риторики, и Хирологія, или природный языкъ руки.* Но не видно впрочемъ, чтобъ онъ занимался практикою обученія. Только около 1660 года, другой Англичанинъ Валлисъ, не имѣвшій никакого извѣстія, по собственному его признанію, о сочиненіяхъ своего соотечественника, предпринялъ доставить глухо-нѣмымъ двойное благодѣяніе членораздѣльнаго языка и искусства выражать мысли посредствомъ письма.

Около того же самаго времени, одинъ лекарь Іоаннъ Конрадъ Амманъ, родомъ изъ Шафгаузена, но практиковавшій въ Амстердамѣ, взялся, въ семъ послѣднемъ, давать воспитаніе глухо-нѣмымъ. Онъ началъ предпріятіе свое, когда еще не слышалъ ни о Валлисѣ, ни о

трудахъ, совершенныхъ въ Испаніи. Метода Аммана не имѣетъ того философическаго характера, какой имѣетъ метода Валлиса; первый не думалъ, чтобы глухо-нѣмой былъ способенъ образоваться иначе, какъ посредствомъ изустнаго языка, которому онъ приписывалъ мистически Божественное происхожденіе, между тѣмъ, какъ Англійскій наставникъ, желавшій извлекать изъ членораздѣльнаго языка всю возможную пользу, однако употреблялъ предпочтительно письмо и чтеніе, равно какъ и философскія методы.

Германія уже произвела многія творенія, въ которыхъ рожденіе искусства было показано, извѣстныя тогда теоріи разсудительно оцѣнены, и предложены новыя свѣдѣнія, дабы облегчить приложеніе ихъ. Но только въ началѣ 18-го столѣтія правила искусства образовать глухонѣмыхъ приведены были въ дѣйствіе Кергеромъ, въ городѣ Лигницѣ въ Силезіи. Не пренебрегая помощію его предшественниковъ, но призывая ее съ разборчивостію на пользу своихъ учениковъ, Кергеръ придалъ однако своимъ способамъ новый характеръ, большею важностію, которую приписалъ онъ природной пантомимѣ, какъ способу преподаванія. Послѣ него и въ теченіе того же столѣтія, многіе ученые люди и наставники въ Германіи продол-

жали распространять полезныя истины какъ въ теоріи, такъ и въ приложеніи сего искусства. Таковы были Лазіусъ, духовный, разсматривавшій методу съ точки зрѣнія наибольшаго ея упрощенія, и который употреблялъ письмо и чтеніе какъ исключительныя средства образованія его учениковъ; пасторъ Арнольди, который, кромѣ искуственнаго произношенія и письма, съ удачею распространилъ употребленіе рисованія въ обученіи глухо-нѣмыхъ; наконецъ Самуилъ Гейнике, изъ Саксоніи, который, будучи одаренъ отличною способностію къ наставленію глухо-нѣмыхъ, заслужилъ, что Саксонскій Курфирстъ довѣрилъ ему управленіе первымъ Институтомъ, основаннымъ правительствомъ, и который сей Государь учредилъ въ Лейпцигѣ, въ 1778-мъ году. Метода его вся основана на употребленіи искуственнаго слова; онъ даже выдумалъ какія-то механическія споровки, чтобъ облегчить пріобрѣтеніе его своимъ ученикамъ.

Только въ концѣ 18-го столѣтія начала Франція устремлять филантропическое вниманіе на глухо-нѣмыхъ отъ рожденія. Одинъ Португалецъ Родригъ Перейра первый научилъ въ Парижѣ двухъ глухо-нѣмыхъ, и представилъ ихъ Академіи Наукъ, которая отдала полную справедливость степени ихъ образованности и искус-

ству ихъ наставника, не обнаруживъ однако своего мнѣнія касательно употребленной имъ методы, изъ которой онъ и самъ сдѣлалъ тайну. Нѣсколько лѣтъ спустя Эрно явился соперникомъ Перейры, и равномѣрно удостоенъ былъ одобренія Академіи. Аббатъ Дешанъ также содержалъ въ то же самое время частное училище глухо-нѣмыхъ въ Орлеанѣ. Эти три наставника — современники болѣе или менѣе основывали методы свои на обученіи искуственному произношенію.

Между тѣмъ, Аббатъ Де Лепе уже начиналъ благородное свое предпріятіе, бывшее занятіемъ всей его жизни, дать большее распространеніе воспитанію глухо-нѣмыхъ, сдѣлать его, если можно, всеобщимъ, и возбудить благосклонность Государей и народовъ къ симъ несчастнымъ, тогда какъ до него обученіе глухо-нѣмыхъ оставалось монополіею, а для нѣкоторыхъ даже тайнымъ предметомъ корыстолюбія. Независимо отъ ученаго его достоинства, пылкая и неутомимая ревность, съ самаго начала оказанная имъ въ дѣлѣ глухо-нѣмыхъ, была бы достаточна, чтобъ заслужить ему вѣчное благоговѣніе и признательность человѣчества. То, что отличаетъ методу его отъ предъидущихъ, до него употребляемыхъ въ разныхъ странахъ, есть преимуще-

ство, которое онъ далъ пантомимѣ надо всѣми другими способами преподаванія, такимъ образомъ, что онъ сдѣлалъ ее основаніемъ своей методы наставленія вмѣсто членораздѣльнаго языка и ручнаго письма, господствовавшихъ сначала, которымъ однакожъ далъ онъ не маловажную роль въ обученіи своихъ учениковъ. Аббатъ Сикаръ наслѣдовалъ ему и принялъ его начала, размножилъ ихъ, наполнилъ многіе важные недостатки, и многочисленные ученики, образованные сими двумя учителями, скоро распространились по Европѣ и даже по Америкѣ, чтобы заняться общественнымъ воспитаніемъ глухо-нѣмыхъ.

Мы не попытаемся оцѣнить здѣсь методу, изобрѣтенную Аббатомъ Де Лепе, ни обозначить важныя измѣненія, сдѣланныя въ оной его наслѣдникомъ; мы равномѣрно уклонялись отъ разсмотрѣнія способовъ, прежде нихъ употребленныхъ, и иногда вовсе противныхъ ихъ способамъ; вездѣ гдѣ мы ни находимъ, что глухо-нѣмой доведенъ былъ до того, что понималъ какой либо языкъ, писалъ или говорилъ на немъ, мы хвалимъ и методу и способы преподаванія, каковы бы они ни были. Однако есть такія исключительныя и рѣшительныя утвержденія, которыхъ невозможно не осуждать для пользы усовершенствованія ис-

кусства; тѣ, напримѣръ, которые отказывають письму возможность служить удовлетворительнымъ способомъ наставленія для глухонѣмыхъ, или которые напротивъ отнимаютъ ту же самую способность у членораздѣльнаго слова, или даже отвергаютъ употребленіе всякой пантомимы; словомъ всѣ утвержденія, слѣпо опровергающія то, что не согласуется съ любимою ихъ системою. По мѣрѣ того, какъ методы становятся болѣе философическими, первымъ слѣдствіемъ ихъ усовершенствованія должно бъ было прежде всего быть распространеніе ихъ объема, расширеніе круга ихъ дѣятельности, такъ, чтобъ можно было обнять всю общность пособій, которыя представляетъ исторія искусства съ самаго его дѣтства, и лучше всего сливать разныя методы взаимными уступками, внушаемыми благоразуміемъ.

Не говоря уже о пользѣ письма и высокой его важности, которой не льзя у него оспорить съ нѣкоторымъ основаніемъ, какъ въ обученіи глухо-нѣмыхъ, такъ и въ образованіи всякаго человѣка; еслибъ надлежало съ другой стороны рѣшить споръ между пантомимою и словомъ, являющимися съ успѣхами почти равными, одержанными ими въ наукѣ языка, кто и на минуту сомнѣвался бы отдать преи-

мущество слову? Однако въ слѣдствіе упомянутыхъ нами правилъ исключенія, сіе послѣднее свержено было пантомимою, даже казалось будто оно должно бъ было быть выключеннымъ изъ преподаванія, и если къ счастію образумились въ нѣкоторыхъ училищахъ, довольно еще есть такихъ, гдѣ бѣдный глухонѣмой, который желалъ бы безъ сомнѣнія образоваться, и какъ то довольно часто встрѣчается, пользовался можетъ быть еще нѣсколько слухомъ или словомъ, которыя надлежало бы обработать, обрѣтаетъ дѣйствительно искомое имъ образованіе, но при выходѣ изъ заведенія дѣлается совершенно и на вѣкъ глухимъ и нѣмымъ, тогда какъ онъ былъ только полу-глухъ и полу-нѣмъ при входѣ въ оное.

Не должно забывать, что первый наставникъ глухо-нѣмыхъ, о которомъ упоминаетъ исторія, научилъ учениковъ своихъ вмѣстѣ и говорить и писать, и торжество методы только тогда совершенно, когда стремится она къ выполненію этой двоякой обязанности. Столь же мало нужды отдавать предпочтеніе такому-то способу, какъ отрицать всѣ прочіе безъ разбора; довольно будетъ не смѣшивать никогда цѣли съ средствами; и по сему-то пантомима въ особенности, какъ и все то, что не есть письмо или слово, должно считаться только

временнымъ орудіемъ, наподобіе рычага, остающагося почти такимъ же, какимъ вы его нашли въ лѣсу, и который тотчасъ бросаешь далеко отъ дороги, какъ скоро имъ уничтожишь преграду. Мы будемъ имѣть случай болѣе распространиться объ этомъ важномъ предметѣ.

Однако Россія, съ жадностію овладѣвающая всякимъ нововведеніемъ, имѣющимъ предметомъ благо человѣчества, не могла оставаться чуждою всеобщему сострастію, которое возбудилъ въ мірѣ Аббатъ Де Лепе въ пользу глухо-нѣмыхъ. Одинъ Институтъ былъ учрежденъ въ оной благодѣтельною волею Августѣйшей Государыни (*), которая опредѣлила для него доходы, обезпечила существованіе его и будущее благоденствіе, и окружая его благородною и трогательною своею попечительностію, старалась перенести въ него господствующую методу, и на сей конецъ призвала для управленія образованіемъ, одного Профессора, образовавшагося подъ руководствомъ Аббата Сикара. Съ 1806 года, эпохи сего благотворительнаго учрежденія, Санктпетербургское Училище глухо-нѣмыхъ существуетъ на одинаковыхъ основаніяхъ; лишившееся своей Основательни-

(*) Въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

цы, оно не лишилось ни того сильнаго покровительства, которое породило его, ни нѣжныхъ попеченій, которыя лелѣяли его младенчество; Ея Величество Императрица Александра Ѳеодоровна приняла его подъ высокое Свое попечительство.

ГЛАВА II.

О ГЛУХО-НѢМОТѢ.

Глухота бываетъ двухъ родовъ: природная и случайная. Когда сія послѣдняя постигаетъ дитя до развитія его разума, то почти не отличается отъ первой, и вліяніе обѣихъ почти одинаково; такимъ образомъ, что дитя, страждущее глухотою отъ рожденія и дитя, лишившееся слуха въ первыхъ годахъ существованія, скоро подвергаются одинаковой участи.

Должно также различать два рода нѣмоты: одна относительная, которая есть только послѣдствіе лишенія слуха; другая совершенная, происходящая отъ отсутствія или какого либо важнаго поврежденія органовъ произношенія.

Сей послѣдній случай, кромѣ того, что онъ весьма рѣдокъ, не влечетъ за собою пагубныхъ и печальныхъ послѣдствій нѣмоты соединенной съ глухотою.

Представимъ себѣ человѣка, удрученнаго совершенною и неизлечимою неспособностію къ произношенію членораздѣльныхъ звуковъ, хотя однако пользующагося полнотою своего слуха: положеніе его въ обществѣ будетъ, безъ сомнѣнія, весьма жалкое, но все же онъ будетъ владѣть полною способностію образовать себя, и подобно другимъ, обогащать свой разумъ сокровищами человѣческихъ познаній.

Истинно несчастный человѣкъ, долженствующій возбудить все наше состраданіе и призвать его на помощь, — это дитя, никогда не слыхавшее материнскаго голоса, или для котораго онъ невозвратно затерялся какъ бы въ пустынѣ. Глухой отъ рожденія необходимо нѣмъ; если онъ не говоритъ, то отъ того, что лишенъ способности слышать; но впрочемъ если его органы рта не имѣютъ поврежденія, то онъ будетъ въ состояніи, посредствомъ искусства, пріобрѣсть употребленіе слова, независимо отъ слуха.

Случайно сдѣлавшійся глухимъ, если говорилъ до потери слуха, будетъ продолжать произносить слова, которыя до того зналъ; но

если будетъ оставленъ на произволъ, то воспоминанія его скоро изгладятся, и его слово погаснетъ по недостатку пищи со стороны слуха; тогда онъ будетъ вмѣстѣ и глухой и нѣмой.

Сверхъ того различаются разныя степени глухоты.

Между одержимыми природною глухотою, рѣдко встрѣчаются такіе, которые были бы способны къ принятію самыхъ высокихъ звуковъ голоса, даже раскатовъ грома или пушечныхъ выстрѣловъ; правда случается имъ иногда извѣстить васъ о стукѣ кареты, о грохотѣ пушки, или даже о приближеніи стремительныхъ, но еще отдаленныхъ и невидимыхъ шаговъ, ударяющихъ о полъ; но это происходитъ не отъ потрясенія уха, а отъ поколебанія дома или пола, отъ содроганія стекла или дрожательнаго движенія пробѣжавшаго по паркету.

Однакожъ весьма часто встрѣчается у случайно потерявшихъ слухъ, такое состояніе глухоты соединенной съ нѣмотою, что глухо-нѣмой, не принимая еще членораздѣльныхъ звуковъ, ни различныхъ оттѣнковъ голоса, составляющихъ слово, различаетъ уже гласныя или склады сильно произносимыя и повторяетъ при диктовкѣ слова, коими уши его будутъ поражены.

Для нѣкоторыхъ нужно кричать, для другихъ довольно сдѣлать удареніе на складѣ; од-

ни повторятъ немедленно сказанныя имъ слова; другіе услышавъ, еще не въ состояніи ихъ повторить; но всегда потребно, принадлежащихъ къ сему разряду отличать отъ совершенно глухо-нѣмыхъ и обращать на нихъ особенное вниманіе. Надобно еще сдѣлать утѣшительное замѣчаніе, что въ двойномъ классѣ не вполнѣ и совсѣмъ глухихъ, только меньшая часть совершенно неспособна подражать съ большимъ или меньшимъ трудомъ, съ большею или меньшею вѣрностію, игрѣ слова, и это разсужденіе должно придать новую важность изученію изустнаго языка.

Мы ничего не сказали объ одной причинѣ глухоты, которую предполагали менѣе общею, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть, особливо въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи; мы говоримъ о кретинизмѣ (природной глупости), въ которомъ человѣкъ страдаетъ двойною тупостію, физическою и нравственною, не слышитъ, не говоритъ, и кажется иногда нечувствительнымъ. Мы имѣли случай видѣть въ семъ состояніи молодую дѣвицу, несчастную глухо-нѣмую, коей физіогномія не была лишена пріятности и не представляла ни одной черты свойственной кретинамъ Валлисскимъ, и которую можно было щипать, даже колоть булавкою, не возбуждая въ ней почти никакой

чувствительности; однимъ словомъ, она сохранила только смѣхъ съ инстинктомъ привязанности и свободы. Въ большомъ числѣ глухо-нѣмыхъ намъ извѣстныхъ, не нашелся ни одинъ до такой степени безсмысленный; а много если два или три, въ которыхъ замѣтны были нѣкоторые признаки тупоумія. Сей разрядъ несчастныхъ возбуждаетъ глубокое сожалѣніе; онъ требуетъ всей помощи человѣколюбія, но не можетъ быть предметомъ изслѣдованій искусства.

Если природная тупость часто влечетъ за собою лишеніе органовъ, а именно органовъ слуха; глухо-нѣмота напротивъ не лишаетъ человѣка ни его способностей, ни какого либо чувства, коихъ дѣятельность и остроту, кажется, еще болѣе усиливаетъ, хотя роковое вліяніе онаго тяготитъ несчастнаго другимъ образомъ, какъ мы то увидимъ въ послѣдствіи.

Но разсматривая состояніе глухо-нѣмаго, сего нравственнаго выкидыша общества, обреченнаго по видимому на существованіе чисто-прозябательное, мы постараемся предохранить его отъ предубѣжденій ложнаго сожалѣнія, которое часто побуждало унижать, даже до степени скота, существо, конечно отъ природы обиженное, но въ которомъ отнюдь не изгла-

дился природный отпечатокъ достоинства человѣка.

ГЛАВА III.

О ВЛІЯНІИ ГЛУХО-НѢМОТЫ НА РАЗВИТІЕ УМА.

Перенесемся къ колыбели глухо-нѣмаго отъ рожденія, подлѣ которой стоитъ и колыбель однихъ съ нимъ лѣтъ дитяти, едва слышащаго, едва лепечущаго. Первоначальный наставникъ у нихъ одинъ и тотъ же: это нужда, это побужденіе боли или удовольствія. Однѣ слезы, одни крики, одни восхищенія.

Послѣдовательно съ невольнымъ испытаніемъ ощущеній, они имѣютъ оба одинакій языкъ.

Горло у нихъ сохнетъ отъ жажды, и они умоляютъ подать прохладительное питье однимъ и тѣмъ же языкомъ, они указываютъ на него пальцемъ, призываютъ устами.

Съ одинаковыми чувствами, они должны и языкъ имѣть сходный. Дитя, которое слышитъ, будучи еще не въ состояніи повторить условныя слова нашихъ языковъ, употребляетъ по инстинкту, согласно съ молодымъ своимъ соперникомъ, знаки самою природою ему внушае-

мые, и оба одинаково испытуютъ колеблющіеся шаги свои, когда не замѣтно еще большой разницы въ успѣхахъ ихъ разума.

Однако взгляните на эту мать, наклонившуюся надъ колыбелью своего ребенка; она, кажется, хочетъ излить душу свою въ душу младенца; тысячу разъ звучатъ въ его нѣжномъ сердцѣ сладкія ея рѣчи, кои материнскій голосъ дѣлаетъ столь удобопонятными, столь мудро-краснорѣчивыми: наконецъ тщательно называетъ она своему дитяти непосредственные предметы возникающихъ его желаній, представляя ихъ его зрѣнію и указывая своею рукою.

Здѣсь-то бѣдный глухо-нѣмой достоинъ сожалѣнія!

Сіи первые уроки для него безполезны. Ни одно изъ этихъ столь нѣжно убѣдительныхъ словъ не достигаетъ души его. Онъ будетъ жаловаться, и восклицаніе его бѣдствія умретъ не встрѣчая отголоска.

О, еслибъ, по крайней мѣрѣ, хотя осужденный безмолвно предаваться скорби своей и не вкушать сладости утѣшенія, кромѣ какъ въ улыбкѣ матери или въ сожалѣніи ея взора, сей несчастный имѣлъ чѣмъ расторгнуть оболочку своего ума; еслибъ его разумъ не долженствовалъ, подобно сердцу, увянуть въ са-

момъ сѣмени и поблекнуть по недостатку одного чувства! Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что глухо-нѣмой ребенокъ лишенъ необъятнаго способа образованія; однакожъ не всѣ пути къ просвѣщенію ему пресѣчены.

Онъ не имѣетъ другаго побужденія, кромѣ необходимости, и крикъ или его указательный палецъ служатъ ему первымъ языкомъ; онъ съ самаго начала съ удовольствіемъ видитъ, что всякой его понимаетъ; но если требуемый желаніемъ его предметъ въ отсутствіи, онъ не запинаясь скажетъ истинное его названіе, и если хоть немного вы ему окажете послушное и снисходительное вниманіе, будьте увѣрены, что станете понимать его безъ затрудненія.

Сверхъ того, поелику онъ самъ будетъ опредѣлителемъ каждой имъ пріобрѣтаемой мысли, то можетъ быть, въ тѣсной своей сферѣ, будетъ имѣть преимущество надъ дитятемъ, которое часто только повторяетъ звуки, не присоединяя къ нимъ никакой идеи.

Такимъ образомъ, разумъ молодаго нѣмаго будетъ способенъ къ постепенному развитію, по мѣрѣ вниманія и благосклонности, которыми будетъ окруженъ; ибо если не поступятъ съ нимъ преступнымъ образомъ, какъ съ существомъ отверженнымъ, а напротивъ того образованные и любящіе родители стараться бу-

дутъ употреблять его языкъ со всевозможною для него выгодою, то онъ легко соберетъ запасъ простыхъ мыслей, весьма достаточныхъ для его сношеній. И такъ глухо-нѣмому несравненно нужнѣе, нежели иному кому либо, благопріятное стеченіе обстоятельствъ; а какъ члены его семейства обыкновенно не имѣютъ ни времени, ни необходимыхъ познаній для занятія съ нимъ, то онъ коснѣетъ въ своемъ одиночествѣ и наконецъ совершенно притупляется.

Мы далѣе будемъ имѣть случай сказать свое мнѣніе о возможности распространить, безъ пособія слова, начала образованія, которыя представляетъ природная мимика; но опасаясь чтобы кому либо, при первомъ взглядѣ, не показалось всякое о такомъ предметѣ мнѣніе чисто предположительнымъ, спѣшимъ подкрѣпить оное вещественными доказательствами.

Дѣти глухо-нѣмыя отъ рожденія представлены были намъ, когда едва достигли возраста умственнаго развитія; мы съ ними тотчасъ входили въ разговоръ, распрашивали ихъ, и доводили до того, что они передавали намъ свои сужденія. Они съ полнымъ успѣхомъ преодолѣвали первыя испытанія, вовсе не хуже чѣмъ говорящіе; нѣкоторыя изъ сихъ самыхъ дѣтей, не бывъ въ состояніи выучиться какому либо письменному языку, успѣли, безъ всякаго дру-

гаго пособія, одними знаками тѣлодвиженія, познать свои обязанности. Они шествовали по пути человѣка, по стезѣ христіанина надежнымъ шагомъ и съ убѣдительнымъ сознаніемъ своего долга. Это отъ того, что владѣя тою же долею понятливости, какою небо одаряетъ людей вообще, они нашли чѣмъ оплодотворить ее въ сожительствѣ своемъ съ подобными себѣ. Это послѣднее, весьма значительное условіе, можетъ быть замѣняемо семейными сношеніями и обыкновеннымъ обращеніемъ въ обществѣ.

Мы имѣли сильное тому доказательство въ лицѣ одного глухо-нѣмаго, прибывшаго изъ родины своей, Якутска. Сей несчастный, не имѣвъ никогда другаго средства для своего образованія, кромѣ своего природнаго пантомимнаго языка и силы своей воли надъ тѣми, между которыми жилъ, изъяснялся совершенно правильно и понятно; драматически разсказывалъ разныя похожденія своего младенчества въ пустыняхъ; всякое преступное дѣяніе возбуждало глубочайшее его омерзѣніе, хотя впрочемъ притворяться и представляться умѣлъ онъ лучше всякаго образованнаго человѣка; другаго училища онъ не имѣлъ однакожъ кромѣ полукочующаго общества родныхъ своихъ степей!

Эти вещественныя наблюденія послужатъ доказательствомъ, что глухо-нѣмой не столько находится ниже прочихъ людей, чтобъ иногда не могъ, собственными счастливо споспѣшествуемыми силами, возвыситься на степень понятій грубаго горца, не умѣющаго читать, и котораго языкъ столько же чуждъ наукѣ, сколько и природный языкъ глухо-нѣмаго. Что касается сего послѣдняго, не надобно терять изъ виду, что живя, подобно намъ, посреди безпрестанно движущагося и дѣйствующаго общества, и одаренный проницательнымъ и жаднымъ взоромъ, онъ находитъ, въ разсматриваніи явленій природы и свѣтскаго быта, краснорѣчивыя происшествія, которыя не менѣе живо проникаютъ его душу какъ и звуки голоса; великія истины имѣютъ другіе органы, гдѣ обнаруживаются, кромѣ губъ человѣка и языка книгъ; глухо-нѣмой, если не можетъ опредѣлить Бога, пойметъ можетъ быть его удовлетворительно выводя его величіе и всемогущество изъ самыхъ поразительныхъ явленій природы; вопль совѣсти его также извѣститъ о преступленіи и несправедливости, и этотъ естественный законъ, котораго люди предубѣжденные хотѣли лишить глухо-нѣмаго, онъ также носитъ его въ глубинѣ души своей, гдѣ вырѣзанъ онъ рѣзкими чертами; онъ так-

же безошибочно понимаетъ его въ дѣвственной своей простотѣ, не имѣя надобности ссылаться на человѣческую науку, которая можетъ затмить его своими теоріями. Глухо-нѣмой такимъ образомъ можетъ достигнуть до извѣстной степени образованія безъ помощи наставника, чрезъ одно только обращеніе съ себѣ подобными, или чрезъ мудрую попечительность своихъ родителей, кои посредствомъ часто повторяемыхъ указаній и выразительнаго содѣйствія, составили бы съ самой его колыбели связь постояннаго сообщенія между глухонѣмымъ дитятемъ и членами его семейства, съ одинаковою ревностію готовыми помогать ему.

Но если глухо-нѣмой обладаетъ, какъ всѣ прочіе, даромъ понятливости; если независимо отъ настоящаго наставленія, обращеніе въ обществѣ можетъ довести его до пріобрѣтенія самыхъ необходимыхъ познаній; если даже возможно, чтобъ онъ болѣе возвышался, всегда однако, сравнительно съ человѣкомъ пользующимся всѣми своими органами, онъ находится въ состояніи достойномъ сожалѣнія; и что такое для него жизнь, если онъ долженъ влачить ее не участвуя ни въ какомъ изъ сокровищъ слова, самаго удивительнаго памятника воли человѣка и употребленія его способностей? Оно одно можетъ утѣшить невѣрный и

безпокойный разумъ его, и только чрезъ него хотѣніе его души въ состояніи будетъ стремиться къ незыблемымъ основаніямъ живительной вѣры и укрѣпляющей надежды.

ГЛАВА IV.

О НРАВСТВЕННЫХЪ СКЛОННОСТЯХЪ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Глухо-нѣмой, говоря откровенно, не хуже и не лучше прочихъ людей. Онъ носитъ въ себѣ одинаковые зародыши страстей, владѣетъ одинаковыми стихіями усовершенствованія; всю разницу, которая въ немъ замѣтна, можно приписать обстоятельствамъ, окружающимъ его въ расходящейся имъ пробѣгаемой линіи; и мы вѣрно уподобились бы ему, еслибъ должны были преодолѣть одинакія точки прикосновенія, или были подвержены тѣмъ же касаніямъ на нашей площади существованія.

Пробѣжимъ нѣкоторыя изъ самыхъ разительныхъ и замѣчательныхъ чертъ характера въ многочисленномъ семействѣ, которымъ занимаемся. Гордость и самонадѣянность, это одна

изъ явныхъ противоположностей, которыя прежде всего поражаютъ, и которыя не должны изумлять того, кто знаетъ, что нравственная напыщенность находится въ обратной пропорціи съ щепетильностію. Но странное происходитъ изъ этого слѣдствіе, именно то, что глухо-нѣмой вооружается симъ чувствомъ, чтобы свою судьбу поставить, по крайней мѣрѣ, наровнѣ съ нашею, къ чему удивительнымъ образомъ ведетъ его то общее участіе, которое онъ замѣчаетъ съ нашей стороны въ его положеніи. Если онъ и не почитаетъ себя отличнымъ существомъ, то тѣмъ не менѣе удаленъ отъ мысли считать себя въ немилости, — и соединеніе этихъ многихъ увѣренныхъ въ себѣ самолюбій рождаетъ систематическій духъ партіи, который дѣлается источникомъ множества нравственныхъ уклоненій, каковы: недовѣрчивость, буйство, и особливо постоянная вражда противъ всякаго, кто не глухо-нѣмой. Посѣвая плевела раздора, охотно овладѣвая всякимъ знакомъ вражды, изъ котораго составляютъ себѣ оружіе, они пускаютъ свою стрѣлу съ какою-то странною жалостію, и кажутся возмутителями, какъ по системѣ, такъ и по наслажденію. Не менѣе трудно постигнуть ту утонченность лицемѣрства, которое проникаетъ во все ихъ существо, и по которому они такъ

хорошо умѣютъ соразмѣряться съ степенью легковѣрія каждаго. Другія ихъ слабости суть излишнее любопытство, къ которому сначала почитаемъ себя обязанными быть снисходительными, но которое также дѣлаетъ ихъ иногда весьма безпокойными; хвастовство дикаря, смѣлость не рѣдко смѣшная. Ихъ еще обвиняли въ неблагодарности, но это можетъ быть происходитъ отъ того, что они не имѣютъ подобно намъ словъ, которыми бы платили за благодѣянія, или что они почитаютъ наличною монетою, однѣ только услуги охотно имъ оказываемыя. Не имѣютъ ли они съ другой стороны достойныхъ уваженія качествъ, изъ коихъ каждое можетъ вознаградить многіе ихъ недостатки? Терпѣніе, это мужество добродѣтели, кто имъ украсилъ ихъ душу? Наложите на дитя глухо-нѣмое самые тяжкіе труды, самыя мучительныя стонанія; рѣжьте ему больной палецъ; просверлите, если угодно, барабанъ его уха; выдерните ему зубъ, — вы увидите дитя-стоика, достойное удивленія. Неужели это ослабленіе чувствительности? По ихъ словамъ, они ужасно страдали; можетъ быть менѣе кричитъ, кто не можетъ слышать своего крика.

Смерть не страшитъ нѣмаго; онъ на нее смотритъ хладнокровно; смѣется нашей въ

этомъ слабости; «вы страшитесь смерти, говоритъ онъ, мы ей смѣемся, мы любимъ умирать.» По этому, безъ сомнѣнія, чувству никогда почти не замѣчали, чтобъ ихъ глаза когда либо овлажены были слезами при смерти друга, ни чтобъ истинная горесть облекала когда трауромъ безстрастное ихъ лице; мы однакожъ въ разныхъ случаяхъ отличали на немъ присутствіе многихъ страстей и сильныхъ движеній, но рѣдко замѣчали отпечатокъ душевной скорби. Легко можетъ статься, что глухо-нѣмой посреди пустоты и уединенія, его окружающихъ, имѣлъ болѣе случаевъ оцѣнить ничтожность того, что возбуждаетъ сожалѣніе прочихъ людей. Другое у глухо-нѣмыхъ замѣчательное качество есть неутомимая услужливость. Мало людей столь услужливыхъ какъ они, столь мало щадящихъ себя въ крайнихъ обстоятельствахъ. Мы бы могли безъ сомнѣнія болѣе распространить списокъ сихъ данныхъ, но можетъ быть тогда занялись бы общностями, лишенными всякой занимательности, или частностями, ничего не доказывающими, и по сему заключимъ эту статью замѣчаніемъ, что многіе изъ недостатковъ глухо-нѣмыхъ суть чисто случайные и что Природа одарила ихъ превосходными качествами, кото-

рыя даютъ имъ право на живѣйшее содѣйствіе съ нашей стороны.

ГЛАВА V.

ФИЗИЧЕСКОЕ СЛОЖЕНІЕ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Исключая глухоту и слѣдующую за нею нѣмоту, глухо-нѣмой въ физическомъ отношеніи, кажется, не отличается отъ прочихъ людей. Смотря на него въ кругу говорящихъ, вы не отличили бы ни одного знака на его физіогноміи, который бы обнаруживалъ его недостатокъ; то же лице, тѣ же пріемы.

Если приближитесь, чтобъ его лучше разсмотрѣть, глазъ его вамъ покажется безпокойнымъ, испытующимъ, ибо вся его душа тамъ обитаетъ; вы можете еще замѣтить у нѣкоторыхъ легкое сжатіе у носовыхъ ямокъ; ихъ поступь вообще неловка и тяжела; они своими ногами не ступаютъ на землю, но какъ бы только ударяютъ оную или тащутъ ихъ небрежно, потому безъ сомнѣнія, что имъ не достаетъ размѣрителя въ походкѣ, какъ и въ прочихъ движеніяхъ.

Впрочемъ, ихъ наружность не представляетъ никакой другой особенности.

Но если смотрѣть, съ другой стороны, на безпрестанное удареніе, производимое членораздѣльными звуками на легкія, грудь и горло говорящихъ, то не льзя сомнѣваться, чтобы отъ этого не послѣдовало со временемъ значительныхъ измѣненій въ сихъ частяхъ тѣла, которыя упражненіе еще усиливаетъ и укрѣпляетъ, между тѣмъ какъ ихъ постоянное бездѣйствіе можетъ нечувствительно причинить имъ поврежденіе, уменьшеніе или совершенное безсиліе. Самый дѣйствующій изъ всѣхъ органовъ рта, языкъ, признается за меньшій объемомъ у тѣхъ, которые неспособны производить имъ звука, и это такъ же легко понять какъ и разницу въ толстотѣ, замѣчаемую между обѣими руками десноручнаго. Носъ глухо-нѣмаго, какъ мы сей часъ упомянули, испытывая менѣе расширенія, представляетъ равномѣрно въ своемъ основаніи большее стѣсненіе, нежели у прочихъ людей, и вѣроятно, что тоже самое измѣненіе терпятъ и гортань (ларинксъ) и внутренніяя части, которыя въ произношеніи содѣйствуютъ къ издаванію голоса.

Но измѣненіе малозначущее для одного органа весьма легко можетъ сдѣлаться для другаго причиною неестественнаго съуживанія.

Отъ этого ангины, зобы и иногда опасныя засоренія, часто критическія, коимъ подвергаются глухо-нѣмые и къ которымъ они, кажется, предрасположены.

То же самое можно сказать о поврежденіяхъ легкаго и о чахоткѣ, при чемъ упомянемъ о любопытномъ случаѣ, — хотя мы не первые его замѣтили, но имѣемъ однако доводы подтвердить его истинность, — а именно о томъ, что послѣдняя изъ сихъ болѣзней, противясь въ большей части больныхъ усиліямъ искусства, когда уже достигла извѣстной степени ожесточенія, была признаваема, по убійственнѣйшимъ примѣтамъ, неизлечимою у глухонѣмыхъ, въ которыхъ сами медики отчаявались, со всѣмъ тѣмъ не рѣдко была совершенно вылечиваема, вопреки предвѣщаніямъ науки.

Странно бъ было, еслибъ та же самая причина, которая первоначально возбудила сѣмя болѣзни, въ тоже время воспрепятствовала развитію вреднаго ея начала и прекратила ея злокачественность.

Это былъ бы единственный случай, въ которомъ лишеніе слова у глухо-нѣмаго имѣло бы предохранительное дѣйствіе на его сложеніе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что глухонѣмой въ отношеніи здоровья представляетъ любопытныя особенности, которыя побуждаютъ

насъ питать къ нему съ самаго нѣжнаго его возраста просвѣщенную снисходительность въ отношеніи къ его содержанію. Достойное бъ было дѣло со стороны непосредственныхъ Управленій заведеніями глухо-нѣмыхъ, призывать врачебное искусство къ предписанію рода жизни наиболѣе свойственнаго ихъ природѣ, которому гимнастическія упражненія служили бы основаніемъ. Сколько юныхъ здравій, уже увядшихъ и почти изнемогшихъ подъ тяжкою атмосферою слишкомъ строгаго затвора, ожили снова и опять разцвѣли подъ дѣятельнымъ правленіемъ отцовскаго крова! Недостатокъ въ движеніи есть, безъ сомнѣнія, главнѣйшая причина смертности у глухо-нѣмыхъ, или по крайней мѣрѣ, рахитизма (Англійской болѣзни), либо преждевременной старости.

Касательно сего послѣдняго въ особенности, прибавимъ, что большая часть глухо-нѣмыхъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ заключаютъ молодость свою гораздо ранѣе прочихъ людей и впадаютъ вь тѣлесное разслабленіе до обыкновеннаго возраста. Наконецъ, можно бъ было сдѣлать разныя любопытныя и полезныя замѣчанія, которыя впрочемъ по недостатку удовлетворительныхъ свѣдѣній доселѣ остаются спорными, но со временемъ явно проистекутъ изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, столь естествен-

но возбуждаемыхъ положеніемъ глухо-нѣмыхъ. Между тѣмъ не льзя не похвалить распространяющагося въ Училищахъ введенія изустнаго языка; нравственная важность сего предмета преподаванія тѣсно соединена съ его физическою пользою, особливо если требуете отъ дитяти, чтобъ оно давало своему голосу всю возможную протяжность; многократное произведеніе громкихъ звуковъ слова, потому именно, что требуетъ первоначально нѣкоторыхъ усилій, дѣлается настоящею гимнастикою, которой благопріятное вліяніе достойно особеннаго вниманія.

ГЛАВА VI.

СПОСОБЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Послѣ сказаннаго нами относительно способностей глухо-нѣмаго и его средствъ, пріобрѣсти однимъ обращеніемъ въ общественной жизни самыя необходимыя познанія, намъ остается теперь изслѣдовать методу, способы и педагогическія орудія, посредствомъ которыхъ онъ можетъ расширить кругъ своихъ понятій,

отдать себѣ отчетъ въ оныхъ и сообразить ихъ такъ, чтобы составить сужденія. Но прежде всего одна основательная истина и жизненное условіе умственнаго преуспѣянія глухо-нѣмаго, есть неразлучность воспитанія его съ настоящимъ наставленіемъ. Что здравый умъ, соединенный съ указаніями опыта, съ сожалѣніемъ видитъ пренебреженнымъ или преданнымъ въ жертву древнему обыкновенію почти во всѣхъ педагогическихъ уставахъ, гдѣ наука и нравственность разсматриваются отдѣльно, умъ и сердце шествуютъ въ несогласіи, становится несравненно важнѣйшимъ, когда дѣло идетъ о глухо-нѣмыхъ, которыхъ не столько хотимъ дѣлать учеными, сколько человѣками, а этого не льзя достигнуть просто уроками, но единственно посредствомъ семейственныхъ, ежедневныхъ и непрерывныхъ сношеній, въ которыхъ личныя дѣйствія, случайныя отношенія будутъ попросту превращены въ схоластическія упражненія, сравниваемы, объясняемы, оцѣняемы. Однимъ словомъ, для глухо-нѣмаго необходимо воспитаніе семейное, если желаемъ, чтобъ оно принесло ему пользу, а со стороны тѣхъ, которые посвящаютъ себя ихъ образованію, если не совершенное ото всего отчужденіе, по крайней мѣрѣ, значительное употребленіе времени и заботъ.

Дѣйствительно, здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ только изученіи какого либо языка, его грамматики и механизма, или особенной какой либо науки въ опредѣленномъ кругѣ, наконецъ не техническому ученію намѣреваемся подвергнуть едва вылупившееся дитя природы.

Какое обширное поле предстоитъ человѣколюбію опредѣляется неизмѣримымъ промежуткомъ, которымъ отдѣлило отъ насъ лишеніе слуха семейство глухо-нѣмыхъ, и въ которомъ слабому ихъ разсудку надлежало бы необходимо затеряться по недостатку нити руководительницы! Слышащее дитя едва достигло до возраста разсудительности, какъ уже владѣетъ языкомъ, при помощи котораго ежеминутно подвигается впередъ на поприщѣ своего образованія, какъ-бы подъ руководствомъ благодѣтельнаго свѣтила.

По мѣрѣ того, какъ разумъ его сталкивается съ какимъ нибудь новымъ предметомъ, оно укрѣпляетъ болѣе и болѣе въ рукѣ своей рычагъ для устраненія препятствій, и такимъ образомъ безвредно и безъ труда доходитъ до своего предѣла, гдѣ не оставляя ускорительнаго орудія завѣщаннаго ему кормилицею, оно уже болѣе мощною рукою упражняется въ употребленіи безчисленныхъ способовъ, кои люди наслѣдовали отъ опытовъ столѣтій.

И такъ, необходимо изъ двухъ вещей: или чтобы глухо-нѣмой одаренъ былъ большею, чѣмъ другіе, легкостію и способностію, или чтобъ превосходство методы замѣняло для него многократность случаевъ и безпрерывность упражненій, которыхъ онъ лишенъ.

Изъ этихъ условій, первое рѣдко встрѣчается, и на одномъ только второмъ можно основать надежду какого либо успѣха. Но, съ другой стороны, весьма ошибочно было бы полагать достоинство методы въ остроумномъ очеркѣ доказательствъ или въ искуственномъ употребленіи аналитики. Наилучшая метода будетъ всегда та, которая наиболѣе опирается на обстоятельствахъ и чаще доставляетъ вниманію случай изворачиваться и возвращаться къ самому себѣ.

Не состоитъ ли она въ постепенной и упорной, такъ сказать, переписи предметовъ, по мѣрѣ ихъ случайной или нарочной встрѣчи? Постоянное переписываніе дѣйствій передъ глазами наставника лучше всего уравновѣситъ и одно можетъ уравнять многообразность пріобрѣтеній, доставляемыхъ употребленіемъ и важность которыхъ, равно какъ и трудность, даже при быстромъ взглядѣ явно обнаруживаются.

Наименовать предметы и овладѣть ими мыслію, отдѣльно — ихъ разбирая, совокупно — сравни-

вая, собирательно — соображая, и вмѣстѣ согласуя, противоположно — подвергая ихъ разсужденію; распознать безчисленныя ихъ принадлежности, неотдѣльные или заимствованные виды, дѣйствительныя или умственныя качества; пробѣжать необозримый кругъ дѣйствій, имъ принадлежащихъ, въ многообразныхъ ихъ отношеніяхъ къ обстоятельствамъ времени, мѣстности, образа; устроить всѣ эти стихіи слова, и изъ нихъ составить фразы, по правиламъ иногда весьма страннымъ: мы научились этому труду, слѣдуя легкой стезѣ привычки; но безъ этого, сколько долженствовали бы мы напрягать усилій памяти, разсудка и устойчивости? Не невозможнобъ было перестроивать систематически эту истинно Вавилонскую башню и составить реестръ всѣмъ ея частямъ; это значилобъ открыть себѣ безъ всякой пользы неровную дорогу, покрытую утомительными буграми; рѣшеніе, кажется, наиболѣе достойное одобренія и наискорѣйшее, будетъ — вступить въ просторный и гладкій путь привычки, призвать лучше употребленіе и менѣе увлекаться теоріями. Вся грамматическая терминологія, эти длинные списки опредѣленій, раздѣленій и подраздѣленій, нужно будетъ тщательно устранить и отложить до послѣдняго періода обученія, когда уже обладая языкомъ

воспитанникъ будетъ призванъ, смотря по его способностямъ, сдѣлаться грамматикомъ, географомъ, математикомъ, или чѣмъ инымъ, смотря по его вкусу и дарованіямъ.

Остережемся до тѣхъ поръ перенести глухонѣмаго на то самое поле, на которомъ дѣти въ училищахъ задерживаются и принимать для него обычный образецъ, желая ограничить изученіе языка обученіемъ его грамматикѣ, въ которой только надлежало бы учиться склоненіямъ, спряженіямъ, согласованію и управленію словъ. Правила опредѣлены и составили особыя системы только по искусству, утвержденному вкусомъ и вѣками; такимъ образомъ, языкъ обработывался и образовался до существованія еще его грамматики.

Надлежитъ стараться какъ можно скорѣе заставить понимать то, что говоритъ языкъ, прежде нежели замѣтить какимъ образомъ онъ это говоритъ; имѣть особенно въ виду употреблять наши языки къ сообщенію понятій, къ записыванію уже пріобрѣтенныхъ мыслей, къ познанію простыхъ изъ нихъ въ письменномъ ихъ видѣ, предоставляя себѣ разбирать позже сложныя; наконецъ къ возбужденію ихъ постепеннаго развитія чрезъ всѣ возможные способы искусства и независимо отъ грамматическихъ правилъ. Этотъ трудъ, коего вѣтви неиз-

мѣримы и котораго мы едва коснулись нѣкоторыхъ звеньевъ, безпрерывно будетъ занимать молодаго ученика, со дня поступленія его въ руки наставника до окончанія его ученія, потому-что оный дѣйствительно обнимаетъ всѣ постепенные фазы разума, сперва въ бореніи съ вещественнымъ міромъ, который сей послѣдній покоряетъ, потомъ на поприщѣ его возвышенія, на поприщѣ отвлеченностей и умственныхъ понятій. И такъ, долгъ наставника глухо-нѣмыхъ состоитъ наконецъ въ томъ, чтобы безпрестанно стараться всякими средствами, заимствуемыми отъ обстоятельствъ, съ одной стороны поставить умъ своихъ учениковъ въ сообщеніе и прикосновеніе съ самою очевидною частію физическаго міра, который для сего будетъ онъ посильно изслѣдовать, а послику съ другой стороны многія изъ выведенныхъ попеременно на сцену дѣйствій откроютъ очевидно нравственную причину, изъ которой они проистекаютъ или которая служила имъ побужденіемъ, трудъ, изложенный нами выше, приготовитъ ихъ безъ всякаго усилія къ послѣдующему изученію умственнаго міра.

Наконецъ, это не простое ученіе, но воспитаніе, которое надлежитъ еще начать и потомъ кончить.

Посмотримъ теперь, какія въ особенности средства этому могутъ содѣйствовать.

ГЛАВА VII.

ЯЗЫКЪ МИМИЧЕСКІЙ.

Первое естественное средство обучать глухаго есть языкъ знаковъ, потому-что онъ ему свойственъ, не требуетъ никакого предварительнаго труда и наконецъ весьма достаточенъ для выраженія употребительнѣйшихъ и простѣйшихъ мыслей. Было бы по крайней мѣрѣ безразсудно, если не безчеловѣчно, съ самаго начала отринуть и запретить глухо-нѣмому употребленіе сего самопроизвольнаго языка, который сама природа и побужденіе нужды внушаютъ ему, и который столь счастливо замѣняетъ отнятые у него несчастнымъ рожденіемъ органы слуха и слова. Желая преклонить дитя къ общественнымъ требованіямъ, не надобно однако жъ стараться переломить его, насильно его отторгнуть отъ наставленій природы. Эта общая мать, столь мудрая въ первыхъ своихъ показаніяхъ, коими управляетъ невѣр-

ными шагами младенчества, должна еще продолжать свою помощь глухо-нѣмому и въ такомъ возрастѣ, когда уже прочія дѣти почти совсѣмъ вышли изъ подъ ея руководства, дабы принадлежать обществу.

Мы даже совѣтовали бы родителямъ глухонѣмыхъ дѣтей, охотно и старательно предаться взаимному употребленію сего первоначальнаго языка, посредствомъ котораго умъ молодаго несчастливца можетъ распускаться и расти. Для этого не нужна ученость: самая нѣжная мать будетъ и самая искусная. Такимъ образомъ, и тѣмъ еще болѣе не надобно, чтобы наставникъ, презирая способъ сообщенія, конечно весьма бѣдный и скудный, каковъ мимическій языкъ всякаго глухо-нѣмаго до его образованія, наложилъ безъ всякаго предваренія на своего ученика сухое посредничество карандаша или пера, дабы оными исключительно сообщаться другъ съ другомъ.

Первые уроки, напротивъ, необходимо облегчать даже неутомимыми усиліями снисхожденія, за которыя впрочемъ онъ будетъ пріятно вознагражденъ довѣренностію, которую возродятъ они, и легчайшимъ успѣхомъ которымъ они будутъ увѣнчаны. Важность знаковъ уменьшится потомъ и даже совсѣмъ исчез-

нетъ, соразмѣрно съ успѣхами въ письменномъ языкѣ.

Само собою разумѣется, что мы говоримъ о природныхъ знакахъ, этомъ инстинктномъ и всеобщемъ языкѣ, изо всѣхъ самомъ простѣйшемъ, потому-что его употребляютъ лепечущій младенецъ и его мать, которой слова для него непонятны.

Этотъ чрезвычайно любопытный языкъ тѣмъ легче, что для понятія и употребленія его не требуется никакихъ правилъ; истина и точность составляютъ его существенность, потому-что онъ долженъ быть просто копіею, снимкомъ. Нѣтъ никакой учености въ его теоріи и она легко можетъ быть сокращена въ нѣсколькихъ словахъ.

Для выраженія дѣйствій, довольно ихъ повторить; для выраженія ощущеній, изобразить ихъ посредствомъ физіогноміи. Впрочемъ, пантомимное показаніе какого либо предмета не иное что, какъ изображеніе, воздушный рисунокъ цѣлаго предмета или его части, и этотъ знакъ бываетъ понятнымъ для всякаго, пока не подвергнется сокращенію требуемому въ разговорѣ краткостію. Если соприсутственъ предметъ, тогда и не нужно изображать его, въ отсутствіи онаго также не всегда необходимо очертить его фигуру, довольно иногда од-

ной черты, одного употребленія, одного дѣйствія, которыя съ предметомъ этимъ нераздѣльны.

Если одного изъ сихъ показаній недостаточно, можно употребить вмѣстѣ многія, тогда первое до разума достигшее соединится съ толпою другихъ относительныхъ изображеній, имъ возбуждаемыхъ.

Естественный знакъ въ такомъ случаѣ отъ долговременнаго употребленія почти совсѣмъ лишается первобытнаго своего характера; искусство и условіе овладѣютъ имъ, иногда и совершенно его преобразуютъ; попытаемся оцѣнить эти различныя измѣненія и степень ихъ значимости, и для того разсмотримъ отдѣльно, во первыхъ, природные, а во вторыхъ, искуственные знаки.

ГЛАВА VIII.

О ПРИРОДНОЙ ПАНТОМИМѢ.

Природными знаками называемъ мы тѣ, которые или внушаетъ природа, или кои суть выраженіе идеи, принятое въ природѣ.

Употребленіе дитятемъ такого рода знаковъ предшествуетъ всякому особенно-умственному дѣйствію; въ тѣхъ лѣтахъ, когда умъ его ничего не принимаетъ, кромѣ изображенія вещей, когда само оно испытываетъ однѣ только ощущенія, и тогда уже создаетъ оно себѣ мимическій языкъ, соразмѣрный съ его нуждами.

Такъ, терзаемое голодомъ дитя само отъ себя покажетъ укрѣпляющую пищу, будетъ подражать дѣйствію питанія, поднесетъ пальцы ко рту; тотъ же самый ребенокъ, не могши означить по имени собаку, которую видитъ, позоветъ ее рукою, какъ онъ замѣтилъ отъ другихъ, и будетъ подражать ея лаю, какъ умѣетъ.

Это все равно, какъ-бы онъ называлъ: «собака, хлѣбъ.»

Идея, или лучше сказать, ощущеніе одинаковы, одинъ только знакъ различествуетъ; первый природный, второй условный. По мѣрѣ

же развитія его разума, если дитя, лишенное слуха и слѣдовательно способности слова, принуждено продолжать употребленіе сихъ природныхъ знаковъ, дабы удовлетворить потребностямъ своего состоянія, оно помощію оныхъ равномѣрно будетъ выражать сужденія и всякое дѣйствіе разума, не имѣя въ этомъ никакой нужды въ словѣ.

Самое ощущеніе, производящее идею, будетъ способствовать къ ея выраженію; расширьте кругъ сихъ ощущеній и вы умножите соразмѣрно сумму идей и обнаруживающихъ оныя знаковъ.

Одновременность первыхъ дѣйствій разума и естественнаго ихъ обнаруживанія посредствомъ знаковъ, нѣкоторымъ образомъ невольныхъ, есть первобытная принадлежность ума человѣческаго; надлежитъ овладѣть, вразсужденіи глухо-нѣмаго, этимъ существующимъ рычагомъ, дабы скорѣе двигать его понятливость и вспомоществовать ему къ сверженію съ себя пеленокъ.

Чтобы достигнуть до сего пріуготовительнаго слѣдствія довольно будетъ класть передъ его глазами и подвергать его вниманію чувственные предметы, по мѣрѣ представляющагося случая, сколь чаще возможно, и предупреждать даже эти случаи; заставить замѣтить виды, случайности и части каждаго существа; водить дитя

на театръ сельской природы и въ мастерскія нашихъ городовъ, гдѣ промышленность человѣческая соединила свои произведенія, и вся наука такого обученія ограничится тѣмъ, чтобы пальцемъ показывать встрѣчающійся предметъ ученія и означить одно или два изъ самыхъ свойственныхъ его употребленій.

Первые опыты этихъ чисто идеологическихъ замѣтокъ чувственныхъ тѣлъ вынудятъ у молодаго наблюдателя мимическія представленія, многія истинно драматическія сцѣны, которыя часто изумятъ васъ своею вѣрностію и отмѣнною ясностію.

Нѣтъ никакой невозможности достигать симъ путемъ до аналитическихъ разсказовъ и описаній и вообще до методическаго изложенія нашихъ языковъ. Это зависитъ отъ большей или меньшей тщательности его путеводителя въ семъ разсматриваніи, хотя сей послѣдній не долженъ налагать на себя другой роли, кромѣ указателя, ибо все прочее надобно предоставлять воображенію глухо-нѣмаго, единственному распорядителю полагаемыхъ матеріаловъ. Въ самомъ дѣлѣ на него одного надлежитъ возложить трудъ наименовать, описывать, одѣвать языкомъ нѣмую природу имъ разсматриваемую; мать или наставникъ, которые въ этомъ присвоили бы себѣ первенство, подвер-

гались бы тому, что вышли бы изъ области природы и уклонялись отъ прямой дороги не достигая до понятливости своего ученика; первые эти шаги подобны ходьбѣ въ потьмахъ вѣрнаго лошака, котораго инстинкту долженъ довѣряться человѣческій разумъ, какъ своему путеводителю, если онъ не хочетъ низринуться въ пропасть.

Надобно ограничиться тѣмъ, чтобъ навести дитя на правую дорогу.

Представляю себѣ, что, подобно любопытному у Лукреція, но въ другомъ совершенно намѣреніи, вы поведете дитя природы, о которомъ мы говоримъ, на утесистый берегъ разъяреннаго моря, гдѣ бы ему представился борющійся съ волнами корабль и всѣ ужасы кораблекрушенія.

Не думаете ли вы, что воображеніе его, сильно пораженное ужасомъ такого зрѣлища, не найдетъ языка для выраженія своихъ впечатлѣній? Найдетъ безъ сомнѣнія, и даже не возможно будетъ его не понять при ясности его изображенія. Онъ говорить будетъ не фразами, но быстрыми и мгновенными картинами, а потому-что онъ хорошо видѣлъ, онъ станетъ хорошо изъясняться, будучи свободенъ отъ этого множества частицъ и связей слова, которыя, безъ сомнѣнія, препятствуютъ ходу нашей рѣчи.

Я видѣлъ одного десятилѣтняго глухо-нѣмаго, никогда еще не находившагося въ обществѣ себѣ подобныхъ, совершенно чуждаго всякому понятію нашихъ языковъ, и который, въ самый вечеръ своего вступленія въ училище, изумилъ своихъ товарищей и всѣхъ насъ жаромъ и истиною, съ коими описалъ въ пылкой пантомимѣ происшествія насильства и убійства, которыхъ онъ былъ зрителемъ въ оперѣ; такъ что, видя убѣдительность его взора, можно бъ было его увѣрить съ большимъ трудомъ, что онъ былъ свидѣтелемъ простаго вымысла. Мало находится такимъ образомъ глухо-нѣмыхъ, которые бы, въ день своего принятія въ общество своихъ собратій, не имѣли любимой своей повѣсти, чтобъ имъ разсказывать, какъ будто желая тѣмъ выкупить между ними право гражданства и чрезъ то заплатить за свое между ними водвореніе.

Главнѣйшая опасность будетъ научать глухонѣмаго, или внушать ему знаки, или указательное имя, какого либо предмета, который бы нельзя было показать ему въ тоже мгновеніе; это было бы непремѣнное средство покривить его разумъ, требуя отъ него махинальнаго повторенія такого тѣлодвиженія, котораго соотношенія не могъ бы онъ повѣрить.

Не должно сообщать дитяти никакой мысли, как только въ присутствіи предмета. Замѣтимъ, что эти упражненія природнаго языка, не ограничатся тѣмъ, чтобъ служить только замѣненіемъ простому наименованію предметовъ; нѣтъ, это даже въ сетествѣ сего языка, не говоря о прямыхъ и непосредственныхъ указаніяхъ, не иначе именовать существа, какъ означеніемъ ихъ качествъ, видовъ и употребленій; то-есть, существительныхъ именъ недостаетъ въ языкѣ природныхъ знаковъ; въ немъ, такъ сказать, все есть или имя прилагательное или глаголъ, почему самое простѣйшее изъясненіе полагаетъ всегда болѣе или менѣе сложное дѣйствіе разума и заключаетъ въ себѣ термины одного, а даже иногда разныхъ предложеній.

Первобытный глухо-нѣмой, какъ и Американскій дикарь, если хочетъ наименовать камень, то покажетъ обыкновенный видъ его закрытымъ кулакомъ, представитъ его твердость, толкая нѣсколько разъ оба кулака одинъ о другой; если нужно, онъ наклонится будто для того, чтобы схватить одинъ камень и будетъ подражать его метанію. Это какъ бы онъ сказалъ, что камень есть твердое тѣло, вида обыкновенно кругловатаго, которое можно кидать рукою.

Чтобъ выразить воду, онъ представитъ пальцами падающій дождь, или объ руки поднесетъ къ лицу, какъ бы хотѣлъ мыться, или одну потретъ о другую, подобно тому, какъ моетъ себѣ руки, или еще передразнитъ пьющаго человѣка.

Такая неопредѣленная многочисленность наименованій конечно оставитъ недоумѣніе у разговаривающаго; обстоятельствамъ и вмѣстѣ физіогноміи употребляющаго пантомиму надлежитъ опредѣлить и объединить оныя, какъ это водится въ нѣкоторыхъ языкахъ посредствомъ удареній. Эти примѣры могутъ служить къ открытію ключа сего природнаго языка, который основываясь на сущности вещей объяснится всегда самъ собою и весьма точно однимъ фактомъ своего обнаруживанія.

Если ни мало не сомнительно, что природный языкъ тѣлодвиженій есть значительное орудіе развитія разума, то какое можетъ быть, въ худомъ или въ хорошемъ отношеніи, вліяніе его на послѣдующее или современное изученіе письменныхъ языковъ?

Дабы хорошо оцѣнить такой вопросъ надлежитъ различать въ ученіи языка его логическую и чисто грамматическую часть.

Логика языковъ всеобщая, какъ человѣческій разумъ; она не что иное, какъ мысль, кото-

рой придается наружный видъ, сущность котораго составляютъ истина и вѣрность. — Дитяти, находящемуся въ опасности быть уязвленнымъ змѣемъ, Римлянинъ сказалъ бы «serpentem fuge» или «fuge serpentem», смотря по тому, страхъ гадины, или необходимость бѣгства на него прежде подѣйствовали; и такъ «бѣги отъ змѣя», или просто «змѣя», или восклицаніе отъ души: «берегись», или всякое иное возбудительное восклицаніе равномѣрно выразитъ то же самое впечатлѣніе. Независимо отъ разныхъ родовъ изъясненія, мысль все таки остается одинаковою, то-есть освободить дитя отъ предстоящей опасности.

Разнообразность сихъ возможныхъ способовъ изъясненія соотвѣтствуетъ совершенно неограниченнымъ вольностямъ языка мимическаго, когда онъ описываетъ чувство, движеніе души, въ своемъ постоянно независимомъ ходѣ. Нѣтъ нужды какое изображеніе первое представляется, если только мысль полна и бываетъ вѣрнымъ переводомъ возбудившихъ ее обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, вліяніе знаковъ на изустный или письменный языкъ не можетъ мѣшать успѣхамъ ученика; то что мы называемъ опущеніемъ (эллипсисъ) и превращеніемъ, хорошо названо только въ отношеніи къ условному механизму нашихъ языковъ,

ничего подобнаго нѣтъ въ ходѣ ума; эти два предмета, заключающіе въ себѣ самую большую противоположность языковъ между собою, разрѣшаются приложеніемъ особенныхъ грамматическихъ правилъ; превращенія и опущенія, которыя представляетъ мимическій языкъ, если недостаетъ соотвѣтствующаго имъ слова, подвергнутся игу синтаксиса и безъ труда исчезнутъ при испытаніи аналитики.

И такъ, если разсматривать языкъ только какъ орудіе изъясненія мысли, то стихіи, изъ которыхъ составляется мимическая фраза, могутъ быть обыкновенно обращены на логическое строеніе письменной рѣчи, которая легко потеряетъ всякую двусмысленность и темноту посредствомъ нити грамматическаго разбора.

Отъ этого часто слѣдуетъ нѣкоторая оригинальность или странность въ рѣчи; но нѣтъ нужды въ томъ, лишь бы только соблюдалось согласованіе. И такъ къ сей послѣдней, исключительно грамматической части все вниманіе въ послѣдствіи должно быть обращено. Или языкъ тѣлодвиженій былъ отдѣльно пріобрѣтаемъ и безъ всякаго отношенія къ языку письменному, или оба шли рука-объ-руку, по двумъ сходнымъ дорогамъ.

Въ первомъ случаѣ, полагая, что мимика достаточно была обработана, какъ то встрѣчает-

*

ся въ заведеніяхъ, считающихъ уже нѣсколько лѣтъ существованія, она сдѣлалась бы изобильнымъ запасомъ мыслей и выраженій совсѣмъ образованныхъ, которыя стоитъ только навести на ходъ языковъ письменныхъ.

Во второмъ случаѣ, трудность будетъ большая; постоянное соединеніе двухъ способовъ; которое конечно никакого не представило бы неудобства, еслибъ могло быть только идеологическимъ, сдѣлается, смотря на него грамматически, безпрестаннымъ поводомъ къ заблужденіямъ, по причинѣ несовмѣстности органическихъ терминовъ обоихъ языковъ и по чрезвычайному преимуществу и непереводимымъ особенностямъ письменнаго языка въ сравненіи съ мимикою.

Въ добрый часъ, еслибъ сія послѣдняя употреблялась только, чтобы помочь нѣкоторыми объясненіями, чтобъ предложить однимъ взглядомъ цѣлость запутаннаго во множествѣ предложеній разсказа. Но сдѣлать, чтобы рядомъ и буквально ходили оба языка, это уже средство ложное и совершенно противное истинной цѣли. Ежели принять за текстъ языкъ мимическій, то, смотря на относительную его скудность, найдется безо всякаго сомнѣнія въ письменномъ языкѣ обиліе и разнообразность соотвѣтствующихъ и совершенно надлежащихъ выраженій;

но такой трудъ для удовлетворительнаго выполненія требуетъ основательнаго познанія того и другаго, и никогда не можетъ быть предлагаемъ ученику, если онъ не достигъ еще до предѣла своего образованія; если же, съ другой стороны, имѣешь въ виду скорѣе сообщить понятіе о каждой части письменнаго языка съ помощію одной только пантомимы, то легко предвидѣть, какія могутъ встрѣтиться непреодолимыя препятствія! Гдѣ въ сей послѣдней найти столько оттѣнковъ, чтобы различать синонимическія слова, означить безчисленныя перемѣны рѣченій, опредѣлить до такой степени, чтобъ не возможно было ошибиться, разныя роли этого множества выраженій и частицъ, скрѣпляющихъ и составляющихъ рѣчь, когда малѣйшаго даже имъ соотвѣтствія въ природѣ найти не возможно?

Однако жъ и въ этомъ не останетесь, если хотите, безъ успѣха; но не иначе какъ замѣняя одно условіе другимъ, изобрѣтая языкъ произвольныхъ и систематическихъ знаковъ, о которомъ здѣсь не говоримъ, а будемъ разсуждать въ своемъ мѣстѣ. Но если просто смотрѣть на природный языкъ глухо-нѣмаго, то встрѣча одного союза достаточно показываетъ его невыразительность. И такъ, природные знаки суть значительное средство идеографическое, но весь-

ма слабое пособіе въ изученіи фразеологіи; они будутъ служить къ пріобрѣтенію мыслей и къ мимическому ихъ выраженію вразумительнымъ образомъ, но коль скоро войдемъ въ область изустнаго или письменнаго языка, надобно будетъ поспѣшно отказаться отъ мимики, по причинѣ ея неудовлетворительности и частыхъ недостатковъ. А если все еще находите необходимымъ прибѣгать иногда къ знакамъ, ихъ во всякомъ случаѣ не можете употребить какъ только въ видѣ изображеній, преобразованій мыслей, а никогда буквальнымъ переводомъ какого-либо выраженія или части рѣчи.

Дабы съ большею ясностію изъяснить основательную причину сихъ теорій, надлежитъ подкрѣплять ихъ доводами, выведенными изъ разсматриванія существеннаго міра, пока не дойдемъ до области отвлеченностей, обозрѣніе которой дополнитъ идею, какую должно себѣ составить о природномъ языкѣ тѣлодвиженій въ большемъ его распространеніи.

Услуга мимическаго языка, какъ мы уже замѣтили, первоначально ограничивается назначеніемъ неотдѣльныхъ или случайныхъ качествъ въ существахъ, дѣйствій и ощущеній души, что составляетъ существительныя и прилагательныя имена, глаголы, нарѣчія и предлоги, и наконецъ такъ называемыя междометія. Одна-

ко, точнѣе сказать, три только стихіи должно признать въ мимикѣ: восклицаніе, дѣйствіе и преобразованіе, которымъ соотвѣтствія въ нашихъ языкахъ бываютъ неопредѣленны или вовсе перемѣнчивы, потому-что чаще смѣшиваются и сливаются одно съ другимъ.

Предлагаемые здѣсь примѣры, заключающіе въ себѣ слова всѣхъ грамматическихъ категорій, доставятъ нужныя для сего объясненія; мы должны при этомъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: что нельзя ожидать найти въ подобномъ знакѣ всеобщій и однообразный шрифтъ, но только вездѣ понятный, если не отдѣльно, по крайней мѣрѣ, когда онъ окруженъ всѣми своими обстоятельствами, или частію оныхъ.

Кушать, *пить*, *спать*, *ходить*, *сѣсть*, *брать*, *дать*, *ударить*, *бросать*, выражаются дѣйствіемъ, тѣлодвиженіемъ, или движеніемъ имъ принадлежащимъ, однимъ изъ нихъ или всѣми. *Кушать*: держу въ пальцахъ какую-то пищу, несу ее въ ротъ, жую и глотаю. — *Пить*: какъ-будто вливаю въ ротъ какое-либо питье, наклоняя голову назадъ. — *Спать*: голова наклоняется къ сторонѣ на ладонь руки, какъ на подушку; глаза закрыты. — *Ходить*: дѣлать одинъ или два шага, или еще изображать обоими указательными пальцами ходящія ноги. — *Сѣсть*: приклонить слегка тѣло, держа обѣ руки на-

ровнѣ съ обыкновенною вышиною стула, какъ-бы опереться на немъ сидя. — *Брать*: протянуть руку, закрывать ее и тащить къ себѣ.— *Дать:* движеніе руки отъ меня къ получающему. — *Ударить*: кулакъ нѣсколько разъ несится впередъ, или дѣлается какой-нибудь другой знакъ, подобный движенію ударяющаго. — *Бросать:* подражать кидающему камень человѣку. — *Дерево*, *стволъ*, *кора*, *корни*, *вѣтви*, *листья*;—*домъ*, *дворецъ*, *хижина*;—*собака*, *кошка*, *лошадь*, *птица*, *воробей*, *голубь*; — *солнце*, *мѣсяцъ*, *звѣзды*, *молнія*, *громъ*, *вѣтеръ*, *дождь*, *градъ*; — *огонь*, *дрова*, *хлѣбъ*, *мясо*. — *Дерево:* нижняя половина руки на локтѣ, и возвышается вертясь вмѣстѣ съ пальцами, кругообразно отдѣленными одинъ отъ другаго. — *Стволъ:* тотъ же самый знакъ; лѣвая рука между тѣмъ обнимаетъ правую во всю длину съ запястья до локтя. — *Кора:* знакъ дерева; вдругъ правая рука вносится на внѣшнюю часть лѣвой, какъ чтобы содрать съ нея кожу. — *Корни*: знакъ дерева, а рука опрокидывается и поспѣшно идетъ къ землѣ, какъ-будто-бы пальцы въ нее хотѣли проникнуть. —*Вѣтви:* знакъ дерева, но пальцы болѣе протягиваются, то въ ширину, то въ вышину. — *Листья:* знакъ дерева; потомъ оба указательные пальцы приближаются одинъ къ другому, дабы изобразить зубча-

тый очеркъ листа. — *Домъ:* объ руки быстро два или три раза накладываются одна на другую и останавливаются, изображая двѣ покатости кровли. — *Дворецъ:* знакъ дома, и вмѣстѣ знаки величія и важности, которые дѣлаются, удаляя одну отъ другой объ совсѣмъ открытыя руки съ ладонью внутри, и въ тоже время открывая ротъ и глаза. — *Хижина:* знакъ дома и вмѣстѣ малости и скудности; малость изображается приближеніемъ одной руки къ другой въ противность величія; а скудность, этою сардоническою улыбкою, извѣстной всякому. — *Собака:* сдѣлать какъ-будто манишь ее къ себѣ рукою. — *Кошка:* знакъ ея усовъ, сопровождаемый видомъ недовѣрчивости. — *Лошадь:* объ руки пагнуты впередъ въ подражаніе погамъ скачущей лошади. — *Птица:* указательнымъ пальцемъ изображаешь форму искривленнаго ея клёва, а обѣими руками маханіе крыльевъ. — *Воробей:* наши глухо-нѣмые означаютъ его, закрывая и открывая съ живостію всѣ пальцы, чѣмъ изображается вспыльчивость этихъ птицъ. — *Голубь:* они его представляютъ петлею, которою его ловятъ. — *Солнце:* указательный палецъ описываетъ очеркъ лица. — *Мѣсяцъ:* указательнымъ пальцемъ чертятъ линію со лба до подбородка. — *Звѣзды:* поднимаютъ пальцы къ небу, тряся ихъ и прищуривъ глаза,

какъ-бы означая дѣйствіе мерцанія звѣздъ. — *Молнія*: пальцы обѣихъ рукъ, соединенные по краямъ, на высотѣ закрытыхъ глазъ, открываются вдругъ вмѣстѣ съ глазами, что означаетъ свѣтъ, и въ то же время указательный палецъ чертитъ зигзагомъ по воздуху. — *Громъ*: сперва зигзагъ; потомъ обѣ закрытыя руки опускаются ровно съ локтемъ и трепеща. — *Вѣтеръ*: лице надувается, а обѣ открытыя руки качаются направо и налѣво и ротъ дуетъ. — *Дождь*: обѣ руки открытыя, ладонью внизъ, надъ передней частью головы, подражаютъ паденію дождя. — *Градъ*: знакъ дождя, между тѣмъ какъ ноготь перваго пальца прижимаетъ послѣдній суставъ указательнаго. — *Огонь*: дуешь на ладонь руки, которую тотчасъ подносишь впередъ, чтобы вдругъ приблизить ее къ себѣ, какъ-будто-бы она коснулась горячаго тѣла. — *Дрова*: правая рука, представляющая топоръ, косвенно ударяетъ въ ладонь другой руки, подражая дровамъ, которыя рубятъ. — *Хлѣбъ*: изображающая ножъ правая рука скользитъ поперечно по лѣвой, какъ-будто ножемъ рѣжешь хлѣбъ. — *Мясо*: щиплешь мясистую часть большаго пальца и дѣлаешь будто подносишь ее ко рту.

Перейдемъ къ прилагательнымъ.

Прилагательныя, означающія цвѣты, выражаются показаніемъ цвѣта какого-либо настоя-

щаго предмета, котораго отвлекаешь образъ и прочія качества; или другимъ образомъ, такъ напримѣръ: голубой цвѣтъ будетъ небо, зеленый — трава, красный — кровь или губа, желтый — золото, бѣлый — серебро или первый встрѣчающійся предметъ одѣянія, того же цвѣта, какъ напр. галстукъ или платокъ; черный будетъ переводиться знакомъ мрака, темноты, закрывая лице рукою и прищуривая глаза. Знакъ неба дѣлается, описывая указательнымъ пальцемъ небесный сводъ; знакъ травы, опуская правую руку къ землѣ, оборачивая ее потомъ вверхъ и возвышая перпендикулярно съ отдѣленными одинъ отъ другаго и движущимися пальцами; знакъ крови, поднося правый указательный, подобно ланцету, къ той части лѣвой руки, гдѣ пускаютъ кровь и поспѣшно его удаляя, какъ-будто-бы кровь брызнула; золото представляется у нашихъ глухихъ посредствомъ обоихъ мизинцевъ, изъ коихъ правый нѣсколько разъ стучитъ объ оконечность лѣваго, какъ-бы звонилъ золотою монетою для пробы; серебро изображаютъ правымъ указательнымъ, ударяя имъ поперегъ лѣваго, и когда нужно прибавляя знакъ бѣлизны, а чтобъ означить желѣзо, они поднимаютъ руку выше и съ усиліемъ, такъ чтобъ указательный палецъ упалъ тяжелѣе. — *Большой*, *малый*; *широкій*, *уз-*

кій; высокій, низкій; близкій, отдаленный; гладкій, неровный; хорошій, худой; красивый, дурной; сладкій, кислый; богатый, бѣдный; сильный, слабый. — *Большой, малый:* рука поднимается, или опускается, если говорятъ о вышинѣ; обѣ открытыя, съ ладонью внутри, руки одновременно удаляются одна отъ другой, или приближаются, когда говорятъ о пространствѣ; знакъ слова «малый» представляется еще, ударяя легко концемъ одного изъ указательныхъ оконечность другаго указательнаго, къ чему прибавляютъ образъ лица.

Касательно сего предмета, должно замѣтить, что знаки вообще заимствуютъ свое значеніе отъ сопровождающихъ оные движеній лица, безъ которыхъ нѣтъ никакой пантомимы; по этому, описавши какой-нибудь знакъ наиподробнѣйшимъ образомъ и полагая даже, что насъ очень хорошо поняли, мы при всемъ томъ указали только орудіе, сила коего зависитъ единственно отъ того, какъ его употребляютъ.

Широкій, узкій: обѣ руки или удаляются, или приближаются. — *Высокій, низкій:* рука и глаза или поднимаются или опускаются. — *Близкій, отдаленный:* правая рука бѣжитъ отъ лѣвой впередъ, или къ ней приближается иогруди. — *Гладкій, неровный:* ладонь открытой руки простирается, какъ-бы на ровной поверхнс-

сти, или струясь наподобіе волнъ. — *Хорошій, худой:* для сего послѣдняго представляешь какъ-будто что-нибудь держишь въ рукѣ, кидаешь въ лѣвую сторону, а голову съ отвращеніемъ отворачиваешь отъ противнаго предмета; для слова «хорошій» подносишь ко рту закрытые пальцы и вдругъ отъ него удаляешь съ видомъ удовольствія.—*Красивый, дурной:* первый и указательный пальцы, отдѣленные одинъ отъ другаго, описываютъ нижнюю часть лица и соединяются у рта, это значитъ «красивый»; а для «дурнаго» дѣлаешь обѣими руками, какъ-бы держишь обѣ щеки, которыя тянешь попеременно снизу вверхъ, между тѣмъ кривляясь.— *Сладкій, кислый:* первый палецъ вмѣстѣ съ указательнымъ подносится къ концу языка, какъ-будто что-нибудь отвѣдываешь съ удовольствіемъ, а напротивъ удаляешь скорѣе отъ языка съ гримасою, чтобъ означить «кислый». — *Богатый, бѣдный:* для «богатаго» считаешь на ладони лѣвой руки кучку денегъ, а для «бѣднаго» простираешь руку жалкимъ образомъ, какъ-бы прося милостыню. — *Сильный, слабый:* первое изображается, закрывая оба кулака и крѣпко натягивая обѣ руки внизъ, какъ если-бъ хотѣли испытать мышцы; а что-бъ означить «слабый» руки опускаются какъ у человѣка, падающаго въ обморокъ.

Переходимъ къ мѣстоименіямъ. *Я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, *они*; *мой*, *твой*, *свой*; *этотъ*, *тотъ*, то-есть одни только мѣстоименія личныя, притяжательныя и указательныя, которымъ можно найти въ мимикѣ соотвѣтствующіе знаки. — *Я*, *ты*, *онъ*: протянутый указательный палецъ направляется къ груди говорящаго, или противъ его, или наконецъ въ сторону; *мы*, то-есть *я* и многіе *ты*; *вы*, то-есть многіе *ты*; *они*, то-есть многіе *онъ*. «Единица» означается, поднимая одинъ только палецъ, большой или указательный, а «множество» двигая нѣсколько разъ всѣми пальцами въ одно время. Мы въ другомъ мѣстѣ будемъ говорить о родахъ, которые существуютъ только отъ различія между мужескимъ и женскимъ поломъ. – *Мой*, *твой*, *свой*: ладонь правой руки прикладывается къ груди, или направляется противъ *тебя*, стоящаго передъ глазами, или противъ *него* въ сторону.— *Этотъ*, *тотъ*: напрягая указательный палецъ, сопровождая его взоромъ, къ такому-то предмету или ближе или дальше, или въ этой или въ той сторонѣ.

Что касается до нарѣчій, одни только нарѣчія, выражающія время и мѣсто, имѣютъ особенные соотвѣтствующіе знаки въ пантомимѣ. Означающія родъ или образъ смѣшиваются съ прилагательными или соединяются вмѣстѣ съ

глаголомъ чрезъ нѣкоторую перемѣну въ знакѣ, какъ въ этихъ примѣрахъ: *кушать скоро*, *ходить медленно*. Главныя три времени означаются слѣдующимъ образомъ: *настоящее*, посредствомъ обѣихъ рукъ одновременно опускающихся и открытыхъ ладонью вверхъ, какъ-будто-бы онѣ поддерживали предметъ, дѣйствительно предлагаемый взорамъ; *прошедшее*, знакомъ прекращенія, конца, состоящимъ въ быстромъ движеніи правой руки сверху внизъ, едва касающейся конца пальцевъ лѣвой, или еще правая рука живо бросается назадъ надъ плечомъ, дабы выразить «бѣжавшее»; *будущее* напротивъ назначается, протягивая впередъ вертикально открытую руку, чтобъ означить «грядущее». — *Вчера*, *третьяго-дня*, *четвертаго-дня*, *недѣлю*, *мѣсяцъ*, *годъ тому*. — *Вчера*, то-есть: *разъ-спать-прошедшее*, (знакъ единицы, знакъ спать, знакъ прошедшаго;) *третьяго-дня*: три знака *спать и прошедшаго; одна недѣля*: знакъ *семь разъ спать и прошедшаго*; *мѣсяцъ*, т. е. *одна луна*, — *годъ*, т. е. *одно солнце прошедшія*. — *Сего-дня*, *нынче*, то-есть въ настоящій свѣтъ (день), въ настоящій часъ. У слова «молнія» мы уже изложили знакъ свѣта; знакъ часа дѣлается какъ-будто смотря на свои часы, или поднося ихъ къ уху, и въ то же время описывая указательнымъ пальцемъ ма-

ленькій кругъ по воздуху. — *Близъ*, *далеко:* правая рука удаляется отъ лѣвой впередъ, или приближается къ оной. — *Въ:* соединенные пальцы правой руки погружаются въ ладонь лѣвой, представляющую видъ сосуда; *внѣ:* тотъ же самый знакъ съ быстрымъ извлеченіемъ правой; *на*, *подъ*: правая рука полагается на лѣвую или подъ нею.

Касательно союзовъ, безъ которыхъ нѣтъ возможной рѣчи, мимическій языкъ, съ немногими только исключеніями, совершенно неспособенъ къ ихъ изображенію; развѣ полагая самыя произвольныя условія. *И*, можно будетъ перевести обоими указательными соединенными въ крюкъ; сомнѣвательную частицу *или*, качаніемъ обѣихъ рукъ, означающемъ недоумѣніе; но если переводить слѣдующіе союзы: *ежели-только; потому-что*; *посему*; *когда; между-тѣмъ-какъ;* то одно средство будетъ въ скоромъ, почти непримѣтномъ движеніи лица.

Того нельзя сказать о междометіяхъ, которыхъ всѣ соотвѣтствующія и еще болѣе легко выражаются въ мимикѣ.

Мы хотимъ сказать объ этихъ внезапныхъ и невольныхъ знакахъ, посредствомъ коихъ отражается ощущеніе и которые суть какъ-бы отголосокъ испытаемыхъ человѣкомъ внутри

впечатлѣній. Такіе, нынѣ весьма рѣдкіе въ нашихъ языкахъ знаки, первоначально были, вѣроятно, гораздо многочисленнѣе, и употребленіе ихъ постепенно ограничивалось по мѣрѣ того, какъ слово, болѣе-и-болѣе обработываясь отъ взаимныхъ сношеній семействъ и обществъ, нарекло имена сборности существъ, дѣйствіямъ и даже страстямъ, коихъ сильнѣйшія однако продолжали господствовать надъ языкомъ.

Даже очень вѣроятно, что имена давно уже были пріобрѣтены, а восклицаніе не переставало однако жъ первенствовать въ языкахъ, и что опредѣленные звуки уже назначаемы были для представленія существъ, какъ все еще было потребно сопровождать оные особеннымъ удареніемъ, или по крайней мѣрѣ долго еще сохраняли преобладающій тонъ, какъ можно ближе взятый изъ самой природы. И такъ важную роль играло еще въ языкахъ восклицаніе, хотя оно перестало уже существовать независимо, подобно тому какъ нынѣ движенія великихъ страстей, кромѣ звучной силы словъ, сопровождаются для бо̀льшаго выразумѣнія ораторскимъ удареніемъ, которое одна душа знаетъ гдѣ положить, неисчетными оттѣнками голоса и наконецъ игрою физіогноміи и тѣлодвиженіями.

Можно-бъ было сказать, что они суть какъ-бы остатки тѣхъ первобытныхъ восклицаній, которыя предсѣдательствовали при образованіи языка, и подобно настоящимъ междометіямъ, еще существующимъ, метаются чрезъ рѣчь, пересѣкаютъ ее и оттѣняютъ — послушные рабы внушившей ее страсти. Въ естественной пантомимѣ, о которой мы говоримъ, восклицаніе въ самомъ дѣлѣ играетъ самую значительную роль; оно душа ея, и чрезъ него единственно можетъ мимика возвыситься до достоинства языка метафизическаго, способнаго развить человѣка разумнаго и нравственнаго, независимо отъ всякаго условія.

Иначе сей языкъ былъ-бы, какъ можно было замѣтить, не что иное, какъ хирографическое рисованіе, болѣе или менѣе сокращенное, осязаемыхъ тѣлъ и чувственныхъ дѣйствій; между тѣмъ какъ самое грубое и необработанное изъ его вещественныхъ показаній получаетъ душу въ одномъ движеніи взора, въ одной чертѣ лица. Тѣмъ еще болѣе, когда сильное какое-нибудь чувство обладаетъ нами, чувство ненависти, изумленія, охужденія; тогда затмѣваетъ мимика всѣ сокровища нашихъ языковъ; движеніе руки, нахмуриваніе бровей, качаніе головы или искра взора красноречивѣе цѣлыхъ фразъ; потому и пантомима нашихъ

оперъ удивительно соперничествуетъ съ возвышеннымъ языкомъ драмы, и языкъ вообще, въ особенности поэтическій, большею частію беретъ краски и душу изъ тѣлодвиженій, сопровождающихъ его. Даже и невозможно въ обыкновенномъ разговорѣ не употреблять иногда невольно и не-хотя этого придаточнаго языка, и безъ сомнѣнія, по этой причинѣ утверждали нѣкоторые, что въ присутствіи глухонѣмыхъ ничего не должно говорить въ ихъ похвалу или хулить ихъ, если желаешь это отъ нихъ скрывать, ибо они насъ превосходно понимаютъ; и дѣйствительно они имѣютъ долговременную привычку читать на физіогноміи и изъяснять самые легкіе оттѣнки лицеизмѣненія, котораго мы не имѣя въ томъ нужды, ни мало не примѣчаемъ.

Если находится, слѣдовательно, въ нашихъ языкахъ множество выраженій, которыя приличнымъ образомъ не могутъ быть перенесены въ мимику, въ сей послѣдней также существуетъ великое разнообразіе оттѣнковъ и чрезвычайно тонкихъ измѣненій, коихъ на бумагѣ выразить не возможно, и которыми письменный языкъ испытываетъ необходимость подкрѣплять себя въ многочисленныхъ случаяхъ.

Сверхъ того, они составляютъ два совершенно различные языка, коихъ сліяніе, если не

*

совсѣмъ мечтательно, по крайней мѣрѣ весьма безполезно. По этому, брать письменную какую либо фразу и съ трудомъ переводить ее слово въ слово посредствомъ знаковъ, представитъ только напрасныя и лишнія затрудненія; но овладѣть мыслію и разомъ прообразовать оную на томъ или другомъ языкѣ, это весьма важно вначалѣ и даже необходимо. Иначе поступишь подобно человѣку, который, желая научиться какому либо иностранному языку, презиралъ-бы предлагаемыя ему на отечественномъ языкѣ вспоможенія, и употреблялъ бы единственно книги изучаемаго имъ языка.

Мы здѣсь окончимъ то, что намъ хотѣлось сказать о языкѣ естественныхъ знаковъ; изъ сего можно уже было видѣть, что этотъ языкъ способенъ къ большому распространенію и чрезвычайной гибкости, которыя, не вредя понятію, кромѣ того дѣлаютъ его весьма удобнымъ къ образованію; что онъ можетъ быть значительной пользы въ идеологическомъ отношеніи и въ облегченіи пріобрѣтенія письменнаго языка; но, желая выливать его принужденно въ одну форму съ нашими языками, и сдѣлать его способнымъ представлять всю игру фразеологіи, составляютъ изъ него особенную систему, которую надлежитъ оцѣнить по достоинству и къ разсмотрѣнію которой мы теперь приступимъ.

ГЛАВА IX.

ОБЪ ИСКУСТВЕННОЙ ПАНТОМИМѢ.

Можно-бъ было сказать, что искуственные знаки въ мимикѣ почти то же, что въ нашихъ языкахъ техническіе и ученые термины и дидактическія слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ. Сколько-бы сокращенъ ни былъ знакъ, сколько-бы ни казался загадочнымъ сначала тому, кто къ нему не привыкъ и не состоитъ въ обстоятельствахъ, требующихъ его употребленія, онъ не есть еще однако искуственный, если только представляетъ хотя малѣйшую черту того предмета, который ему должно изобразить; когда предлагаетъ самое незамѣтное изъ тѣхъ движеній, посредствомъ коихъ обнаруживается въ человѣкѣ упражненіе разсудка и чувствительности. И такъ, подъ наименованіемъ «искуственныхъ знаковъ» мы разумѣемъ тѣ только, которые образовались по теоріи нашихъ языковъ, дабы присвоить богатство сихъ послѣднихъ къ скудности мимики. Трудно-бъ было безъ того опредѣлить черту разграниченія, отдѣляющую естественную пантомиму отъ искуственной; ибо, какъ всякому извѣстно, нѣтъ ни одного изъ самой природы взятаго орудія, коимъ нако-

нецъ не овладѣло-бы искусство, и по той причинѣ многіе изъ тѣхъ знаковъ, которые мы называли естественными, болѣе или менѣе носять на себѣ печать искусства, но искусства туземнаго, а не заимствованнаго извнѣ, какъ то бываетъ съ искуственными знаками, выкроенными по образцу существующихъ языковъ. Сіи послѣдніе относятся, такимъ образомъ, къ такъ называемымъ «методическимъ» и всѣмъ вообще произвольнымъ или условнымъ знакамъ, основательнымъ или неосновательнымъ, только на другомъ основаніи существующимъ, нежели первоначальныя показанія природы.

Прежде чѣмъ вступимъ въ разсмотрѣніе образованія такого рода знаковъ, представляется предварительный вопросъ, именно во-первыхъ, необходимы ли они, и во-вторыхъ, какая могла бъ быть ихъ польза? Что они не суть большой нужды доказывается тѣмъ, что глухо-нѣмые ихъ никогда не употребляютъ въ мимическихъ своихъ разговорахъ, особенно тѣхъ изъ сихъ знаковъ, которые имѣютъ характеръ исключительно дидактическій; а касательно прочихъ знаковъ, столь мало естественныхъ, и которые суть слѣдствіе посторонняго условія, по большей части имъ внушаемаго, каковы знаки народовъ и странъ; то, если они ихъ и употребляютъ въ своемъ обществѣ, все таки

не придавая имъ большой важности, и скорѣе потому только, что наставникъ обучая ихъ, напримѣръ, географіи Азіи, настоялъ можетъ быть на аналогическомъ изобрѣтеніи какого либо знака, котораго вѣроятно онъ самъ доставилъ или шрифтъ или случай. Если представимъ себѣ общество глухо - нѣмыхъ, живущихъ посреди просвѣщенныхъ народовъ, и не имѣющихъ инаго способа сообщенія, кромѣ пантомимы, то конечно имъ необходимо изобрѣтать для себя столько условныхъ знаковъ, сколько представилось бы новыхъ предметовъ въ ихъ сношеніяхъ; но такъ не бываетъ съ глухо-нѣмыми въ заведеніяхъ. То, что не можетъ представлять природная пантомима, останется имъ неизвѣстнымъ, пока они научатся выражаться словесно или письменно, и когда они уже до того дошли, то не видимъ, къ чему могъ бы служить имъ еще одинъ знакъ, котораго впрочемъ всегда можно оспорить основаніе. Глухо-нѣмые, нѣсколько обученные, первые смѣются надъ этими знаками; они не хуже насъ понимаютъ, сколько подобное смѣшеніе разнородныхъ и несовмѣстныхъ стихій можетъ совратить и сдѣлать смѣшною природную ихъ пантомиму, весьма, напротивъ того, достойную почтенія, когда она не натянута и не вышла изъ своего круга.

Но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ли такихъ искуственныхъ знаковъ, которые служили бы нѣсколько средствами обученія, какъ, напримѣръ, знаки грамматическіе? Необходимо должно различать, за что въ такомъ случаѣ надобно ихъ принимать: за изъяснительные ли знаки или за памятовательные? Въ первомъ случаѣ, если не видѣть въ нихъ ничего другаго, кромѣ мнимыхъ способовъ для объясненія, все равно, что спрашивать, есть ли нужда и польза въ томъ, чтобы дитя, учащееся отечественному языку, прежде всего выучило что такое подлежащее, связка и сказуемое; чтобъ оно опредѣлило части рѣчи, ему по большой части непонятныя, и чтобъ оно дошло до того, дабы дѣлать логическіе и грамматическіе разборы. Нѣтъ ни одного, безъ сомнѣнія, дитяти, которое бы успѣло пріобрѣсть знаніе своего языка, еслибъ принуждено было дойти до него черезъ такіе колючіе терновники; и счастливъ, когда дошелъ ученикъ до сего методическаго распутія: онъ уже обладаетъ языкомъ, котораго у него не отнимутъ, хотя для этого, кажется, все дѣлается, что только возможно. Чтобы еще было, еслибъ образованіе глухо-нѣмаго начинали съ изученія этимологически-соотвѣтствующихъ частей рѣчи, требовали отъ него, чтобъ онъ употреблялъ учи-

тельски-наложенные знаки и столь же метафизическіе, сколько знаки, представляющіе части рѣчи и вообще всѣ знаки, образуемые по грамматической терминологіи. Употребленіе такого рода ученыхъ знаковъ должно отнести къ числу тѣхъ остроумныхъ задачъ, коими прежде думали какъ-бы таинствомъ облекать посвященіе глухо-нѣмаго. Безъ всякаго сомнѣнія, неоспоримо правило, предписывающее ничему тому не обучать ученика, что онъ не въ состояніи еще понимать и къ чему не можетъ еще отнести какой-либо вѣрной идеи. Почему всякій, нѣсколько лѣтъ занимавшійся ученіемъ глухо-нѣмыхъ, не можетъ не осуждать употребленія подобныхъ средствъ, которыя, кромѣ достоинства ихъ сочиненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предлагаютъ разуму молодаго воспитанника только неприступныя ему теоріи.

Но впослѣдствіи, когда уже испытанное понятіе воспитанника успѣло познакомиться съ общественностію грамматическихъ познаній, нельзя произносить такого строгаго сужденія о употребленіи всякаго рода знаковъ, основательныхъ и образованіемъ своимъ способныхъ напоминать истинное значеніе представляемаго ими слова. Въ спискѣ сихъ знаковъ, которые мы предпочли помѣстить отдѣльно (смотри гла-

ву XXI) можно видѣть, что первообразъ оныхъ доставили не случай и не легкомысліе; этого довольно, чтобы заслужить имъ нѣкоторое уваженіе. Эти знаки, такъ сказать, нисходятъ по преданію въ большей части училищъ, гдѣ только постоянно употребляется мимическій языкъ какъ главное педагогическое орудіе, и одинъ только изустный языкъ быть можетъ ихъ низвергнетъ, по мѣрѣ всеобщаго его принятія въ кругъ ученія глухо-нѣмыхъ; развѣ еще кто предпочтетъ прибѣгнуть къ ручной азбукѣ, вещественному и буквальному изображенію письма, и отъ него единственно тѣмъ различающейся, что она и быстрѣе и успѣшнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, ручная азбука, иначе называемая дактилологическою, изо всѣхъ искуственныхъ знаковъ самый простой, хотя и полезнѣйшій. Глухо-нѣмой выучится этой азбукѣ въ одно время какъ и начертанію буквъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и охотно будетъ употреблять ее по двойному ея сходству, и съ письменными буквами, коихъ виду подражаетъ она по возможности, и съ природнымъ его языкомъ, котораго дактилологія замѣняетъ неспособность или объясняетъ двусмысленности; такъ, что даже и передъ глазами тѣхъ, которые совершенно отвергаютъ всякое употребленіе какихъ бы то ни было

знаковъ, подобное орудіе, иногда столь же необходимое, сколько всегда удобное, безъ сомнѣнія заслуживаетъ, чтобъ его приняли благосклонно и не слѣпо отвергали.

Посредствомъ дактилологіи, за недостаткомъ слова, изъясненія дѣлаются и поспѣшнѣе и положительнѣе, исправленія легче и надежнѣе, однимъ словомъ дѣло идетъ такъ скоро и такъ естественно, какъ будто-бы безпрестанно находилась передъ глазами книга; здѣсь никакого не будетъ мѣста ни системѣ, ни педантизму.

Неоспоримо, ученыя слова и вообще техническіе термины, имена мѣстъ, земель, народовъ, частныхъ людей; титла, степени родства и множество аналогическихъ выраженій, разводящихся въ нашихъ языкахъ и сопровождающихъ всякое сношеніе въ обществѣ, рѣшительно неперепосимы въ мимику и по природѣ своей съ нею совмѣститься не могутъ; но эту несовмѣстность искусство худо скрываетъ и не должно употреблять тщетныхъ усилій къ исправленію оной, съ опасностію измѣнить и испортить то, что по своему естеству и хорошо и правильно.

Къ несчастію, какъ въ большомъ числѣ училищъ, изустное слово еще не введено, по крайней мѣрѣ дабы наполнить въ сообщеніяхъ этотъ обширный пропускъ пантомимы, нами

сей часъ означенный, и какъ съ другой стороны ручная азбука въ этихъ заведеніяхъ или запрещена или рѣдко употребляется, и какъ воспитанники въ своихъ разговорахъ охотнѣе слѣдуютъ удобнѣйшему пути, и такимъ образомъ пренебрегаютъ письмомъ; то съ ними случается почти то же, что съ этимъ обществомъ глухо-нѣмыхъ, которое предположили мы находящимся въ сношеніяхъ между просвѣщеннаго народа; такое общество, натурально склонное къ расширенію оснований мимическаго языка, какъ будто-бы дѣло шло до его чести, всячески ухищряется изобрѣсть и присвоить новый знакъ всякому вновь встрѣчающемуся предмету. Выходящія изъ размышленія этихъ дѣтей природы произведенія бываютъ даже не безъ занимательности для философа, и вообще возбуждаютъ вниманіе наблюдателя; не смотря на то, что они часто носятъ на себѣ печать невѣжества, или чрезвычайной простоты, по крайней мѣрѣ вознаграждаютъ они всегда какимъ-то характеромъ странности то, чего имъ недостаетъ вразсужденіи твердости и основательности.

Довольно будетъ одного или двухъ примѣровъ въ доказательство, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе убѣдиться въ необходимости замѣнить, какъ можно скорѣе, или словомъ, или пись

момъ, всякую даже самую природную мимику, и сію послѣднюю безразборчиво не употреблять для выраженія всякихъ словъ въ языкѣ.

Одинъ глухо-нѣмой по имени Іосифъ вступилъ въ кругъ подобныхъ себѣ несчастныхъ по рожденію; прежде всего, какъ водится, дѣло идетъ о нарѣченіи ему мимическаго имени. И онъ получилъ прозвище отъ своихъ замѣтно выдавшихся ушей. Нѣсколько времени спустя въ классѣ доходятъ до повѣствованія объ Іосифѣ въ Египтѣ. Но какимъ знакомъ глухіе окрестятъ сына Іакова, ибо вѣрно имъ не захочется отстать отъ другихъ? Они его какъ этого товарища назовутъ человѣкомъ съ выдавшимися ушами. Другой примѣръ: первый Французъ, котораго случилось видѣть нашимъ глухимъ, хромъ, онъ носитъ преогромное жабо; отсюда и разнорѣчивыя мнѣнія: одни держатся жабо, другіе хроманія; за первыми остается побѣда; и ничего недостало, чтобы впредь всякой Французъ назывался у нихъ «хромымъ,» вмѣсто «человѣка съ большимъ жабо»; это послѣднее имя при немъ невозвратно и осталось.

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію двухъ важнѣйшихъ способовъ обученія: письма и слова.

ГЛАВА X.

О ПИСЬМѢ И ЧТЕНІИ.

Письму не должно и не можно обучать ребенка глухо-нѣмаго, такъ какъ говорящаго; для сего послѣдняго, оно не что иное, какъ изображеніе звуковъ голоса въ произношеніи словъ какого-либо языка, и слѣдственно представляетъ только косвенную и посредственную живопись мысли; для глухо-нѣмаго, напротивъ, письмо почитается какъ-бы изображеніемъ предмета непосредственнымъ; оно ему должно быть предлагаемо какъ собраніе знаковъ первоначально іероглифическихъ, и какъ очень испорченная замѣна природнаго очертанія предметовъ.

И такъ, посредствомъ рисованія глухо-нѣмой можетъ быть доведенъ къ понятію письма, какъ мы посредствомъ изустнаго языка.

Мы говоримъ здѣсь въ предположеніи, что глухо-нѣмой не учился еще говорить и будетъ тому учиться только въ послѣдствіи, а не входимъ въ разсмотрѣніе примѣчательнаго мнѣнія тѣхъ, которые хотятъ, чтобъ ученіе слова предшествовало письму или его сопровождало.

Порядокъ буквъ въ азбукѣ, ихъ названія и распредѣленіе насъ мало должны занимать, и память ученика утруждать ими не нужно. Пусть предложатъ ему рисунокъ ощутительнаго и соприсутственнаго предмета; дитя немедленно пойметъ нить подобія и сближенія; а если этого и не сдѣлаетъ, то не надобно спѣшить итти впередъ, но удерживать его нѣсколько времени на этомъ первомъ упражненіи, въ которомъ одна только тупость не можетъ сдѣлать успѣховъ; потомъ подлѣ рисунка пишется имя изображеннаго предмета, и не худо бы вначалѣ предпочитать слова кратчайшія; они попеременно должны служить повѣркою предмета, котораго требуется показаніе или представленіе послѣ обзора начертаннаго знака, а когда уже дитя хорошо выразумѣло тождество слова съ рисункомъ, то спишетъ написанныя буквы, пока онѣ не изгладились въ его памяти.

Молодой глухо-нѣмой тѣмъ не ограничится, и безъ всякаго отъ васъ совѣта въ ту же минуту поспѣшитъ образовать мимическій знакъ предмета, который онъ или прежде употреблялъ, или который вскорѣ внушитъ ему этотъ новый случай. А поелику глухо-нѣмой отъ природы одаренъ отмѣнною способностію къ подражанію, то нѣсколькихъ дней будетъ ему

достаточно, чтобы выучиться письму и пріобрѣсть съ знаніемъ дѣла такое орудіе, котораго сила вскорѣ должна сдѣлаться для него удивительною.

Коль скоро совершенъ этотъ первый шагъ и понято значеніе словъ столько, сколько ему нужно, то можно будетъ, если хотите, обойтись и безъ рисованія; даже и предпочтительнѣе способъ писать имена въ присутствіи самыхъ вещей или на вѣру удовлетворительно признаннаго мимическаго знака; такимъ образомъ, четыре разныя найдется въ нашихъ рукахъ средства для справки и выправленія: самый предметъ, рисунокъ, письмо и знакъ. Къ нимъ немедленно надобно присовокупить пятое, то есть ручное образованіе стихій словъ, иначе называемое «дактилологіею,» и вся возможная помощь искусства будетъ истощена, если будемъ столь счастливы, чтобы такую полезную разнообразность взаимно - замѣняющихъ пріобрѣтеній увѣнчать одновременнымъ ученіемъ губной азбукѣ, подражая движеніямъ и дѣйствіямъ произношенія, сообщеннымъ органамъ слова, игрѣ ихъ и различнымъ видамъ, и стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ угадать ихъ, и такъ сказать, читать ихъ на губахъ разговаривающаго. Коль скоро молодой ученикъ владѣетъ письмомъ, главнымъ предметомъ будетъ рас-

пространить употребленіе онаго, сперва въ качествѣ способа сообщенія, но въ особенности какъ преимущественное педагогическое орудіе.

Единственный упрекъ, который мы въ правѣ сдѣлать письму, состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ медленно, и что нельзя имѣть въ рукѣ ежеминутно перо или карандашъ.

Но такая причина ни мало не должна заставлять отвергать оное, а единственно повелѣваетъ замѣнять его при случаѣ скорѣйшими, если можно, средствами, и потому мы всегда употребляли его тамъ, гдѣ видѣли недостаточность всякаго другаго способа, и какъ-бы отказывались отъ него всякій разъ, когда доказана была намъ возможность замѣнить его легкою и простою пантомимою. Особенно же во время уроковъ, когда необходимо напрягать вниманіе ученика, не должно употреблять слишкомъ замедляющихъ способовъ, каковы письменныя объясненія; мы постоянно испытали въ такомъ случаѣ, независимо отъ мимики, удобность поспѣшной дактилологіи, которая отъ долговременнаго употребленія дѣлается не менѣе быстрою, чѣмъ слово, и есть не что иное, какъ копія письма.

Между тѣмъ глухо-нѣмой, учась письму, учится вмѣстѣ и чтенію; эти два пріобрѣтенія для него составляютъ одно; но если ему дано

читать одними глазами, то большое, безъ сомнѣнія, будетъ затрудненіе, и ходъ его будетъ и медленный и трудный; необходимо даже будетъ для чтенія новаго какого-либо слова, чтобы онъ переписалъ всѣ его буквы, такимъ образомъ, что чтеніе будетъ для него письмомъ; дѣйствительно чтеніе словъ сдѣлается отличнымъ отъ писанія тогда только, когда всякая ихъ стихія будетъ различена и наименована посредствомъ ручнаго знака, и подобно тому, какъ мы учились читать или окладывая, или различая каждую букву по ея имени, или по крайней мѣрѣ каждый складъ по его гласной, прежде нежели были въ состояніи прочесть цѣлое слово, равнымъ образомъ необходимо будетъ глухо-нѣмому, пробѣгая буквы одного или многихъ словъ, остановить вниманіе своего взора на положительномъ знакѣ зависящемъ отъ совсѣмъ другаго чувства. Однимъ словомъ, необходимо ему, по недостатку звучнаго имени, очерченное имя, и прежде всего будетъ онъ читать на пальцахъ посредствомъ ручной своей азбуки, пока долговременный навыкъ не выучитъ его читать быстрымъ обниманіемъ его глазъ.

Дальнѣйшее же познаніе печатныхъ буквъ и всякаго вида литеръ будетъ уже для него только игрушкою; однако не надобно этимъ

пренебрегать, потому-что иначе дитя нѣсколько лѣтъ уже умѣло бы писать, а все еще не могло бы читать первую попавшуюся ему въ руки книгу.

Конечно, еще далеко отъ искусства складывать или разбирать слова, печатныя или рукописныя, до этого разборчиваго чтенія, которымъ питается умъ и на которомъ основывается знаніе.

Особенно же для глухо-нѣмаго надобно приложить всѣ старанія, чтобы довести его до чтенія книгъ; только чрезъ это можетъ онъ утѣшаться въ отчужденіи своемъ отъ общества, гдѣ господствуетъ шумъ, и въ безмолвіи глубоко наслаждаться сокровищами мысли, подобно тѣмъ философамъ, которые дѣлались нѣмыми, дабы лучше слушать и разумѣть таинственный языкъ науки.

Какимъ бы образомъ дѣйствительно ни хотѣли смотрѣть на дѣло, невозможно все таки будетъ не отдать чтенію преимущества передъ всѣми другими способами наставленія.

Что касается до трудностей, которыя представляетъ чтеніе, онѣ устрашаютъ только того, кто ищетъ разрѣшенія оныхъ въ ихъ разложеніи. Въ самомъ дѣлѣ вначалѣ должно разбирать рѣчь однимъ только сличеніемъ предметовъ и выражаемыхъ въ ней дѣйствій; связ-

ки и вообще случайныя слова дѣлаются извѣстными только чрезъ употребленіе, подобіями, противоположностями, безо всякой нужды въ теоретическихъ изъясненіяхъ, почти также, какъ мы научаемся отличать многочисленные оттѣнки слышимыхъ нами рѣчей, безъ всякаго другаго путеводителя, кромѣ привычки и обстоятельствъ.

Но за то необходимо будетъ тщательно и постепенно раздѣлять первыя чтенія, или искусно ихъ объяснять, дабы такимъ образомъ нечувствительно смягчить покатости, по которымъ должно взойти на крутыя вершины познанія языка. Нельзя не согласиться, что съ такими предосторожностями и методическимъ сцѣпленіемъ частыхъ упражненій, глухо-нѣмой сдѣлался бы способнымъ совершенно уловить нить словорасположенія рѣчи, и такимъ образомъ продолжать, сперва подъ руководствомъ, потомъ собственными своими усиліями, воспитаніе свое посредствомъ чтенія. Дошедши до этого, почему не могъ бы онъ собственными своими трудами довести себя далѣе на умственную возвышенность всякаго человѣка, образующагося книгами и часто только ими?

Здѣсь открывается обширная и плачевная пустота, въ которой гаснетъ усердіе наставника, гибнетъ или приходитъ въ отчаяніе алчу-

щая ревность неопытнаго ученика. Въ самомъ дѣлѣ, предлагаемы были ученѣйшія и остроумнѣйшія теоріи, употреблены всѣ искуственныя средства, наконецъ важный и плодотворный свѣтъ былъ разлитъ на искусство обучать глухо-нѣмыхъ, но всѣ эти благородныя старанія науки не произвели до сихъ поръ никакого нормальнаго и полнаго творенія, искусно выкроеннаго по нравственной и умственной слабости молодаго нѣмаго, и которое бы возвысило его нечувствительно легкими ступенями, не скажу до области учености, по крайней мѣрѣ на уровень познаній, необходимыхъ всякому человѣку. Между учебными книгами, назначаемыми для дѣтей, нѣтъ такихъ, которыя бы съ самаго начала можно было дать въ руки глухо-нѣмаго, и которыя не были бы гораздо выше его понятій. Самая простѣйшая изъ этихъ книгъ предполагаетъ всегда множество предъидущихъ свѣдѣній, для выразумѣнія словъ, какъ и вещей. Въ нихъ находится столько родовъ изъясненія, конечно не совсѣмъ понятныхъ, однако какъ - будто обыкновенныхъ для говорящаго дитяти, столько намѣковъ, оборотовъ, выраженій, готовыхъ фразъ, ему издавна знакомыхъ, а напротивъ того совершенно ученыхъ для ребенка глухо-нѣмаго.

Сему послѣднему необходимы для понятія даже самаго простѣйшаго изъ этихъ выраженій, длинныя толкованія и подробныя объясненія, которыя непремѣнно отвратили бы и утомили его вниманіе. По этому, каждый наставникъ старается въ особенности дать осмотрѣть своимъ ученикамъ, посредствомъ простыхъ примѣровъ и въ скромномъ кругѣ своего класса, нѣкоторыя изъ сихъ преградъ, которыхъ не замѣчаютъ прочія дѣти, слѣдуя одной только привычкѣ; старается даже нѣсколько разъ возвращаться къ нимъ, а такъ - какъ эти упражненія необходимо имѣютъ предметомъ, по большой части, самыя обыкновенныя мысли, которыя дидактическій лаконизмъ не позволяетъ украшать прикрасою воображенія, то они скоро истощаютъ добрую волю учениковъ, преимущественно привлекаемыхъ предметами и требующихъ, чтобы лучше сливали многочисленныя странности языка съ новыми и нѣсколько приманчивыми идеями или образами, или что по крайней мѣрѣ, намѣсто того, чтобъ ихъ копить, какъ это нужно сдѣлать, ихъ напротивъ разсѣяли бы въ постепенныхъ упражненіяхъ для чтенія, искусно подраздѣленныхъ и разнообразныхъ. Сочиненіе подобныхъ упражненій, не менѣе скучное чѣмъ достойное хвалы, требуетъ большаго запаса на-

блюденій и ума, твердо обладающаго аналитикою и вмѣстѣ долго упражнявшагося совѣстливою практикою; наконецъ, философіи и опытности, съ обширнымъ досугомъ, дабы довершить столь многосложное дѣло. Такой трудъ надлежитъ исполнить наставникамъ, пользующимся полнымъ просторомъ времени, и предметъ его, разсматриваемый вразсужденіи ко всеобщей его пользѣ для дѣтства и въ самомъ большомъ его размѣрѣ, не былъ бы недостоинъ занять мѣсто между вопросами всеобщей пользы, ежегодно предлагаемыми Академіями соревнованію ученыхъ. И то много, если осмѣливаемся здѣсь набросать нѣсколько эскизовъ предполагаемаго нами плана этого большаго труда; по крайней мѣрѣ, можетъ быть удалось намъ ежедневными трудами измѣрить съ нѣкоторою отчетливостію возможный объемъ сего творенія, и посему мы не замедлимъ, хотя съ недовѣрчивостію, изложить практическія свои идеи о различныхъ матеріялахъ, изъ коихъ оно должно составиться.

ГЛАВА XI.

О НОМЕНКЛАТУРѢ.

Основаніе всему, касательно котораго невозможно, чтобы мнѣнія не различествовали, въ слѣдствіе ученыхъ разсужденій, догматически выведенныхъ и снисходительныхъ указаній, методически исчисленныхъ, (что впрочемъ не стоитъ, кромѣ доброты намѣренія, и самаго незначительнаго начертанія дѣла), — это основаніе всего зданія, говоримъ мы, есть «наименованіе» (номенклатура (*).

Если разсматривать исполненіе сего перваго труда въ отношеніи филологическомъ, то размѣръ его столь обширенъ, части столь безчисленны, и столь трудно укрѣпить ихъ, что всѣ усилія разсужденія и настойчивости долгое время кончаются тѣмъ, что производятъ болѣе или менѣе счастливую систему. Мы хотимъ говорить о томъ проектѣ общаго наименованія,

---

(*) Для избѣжанія повтореній сего термина мы часто употребляемъ здѣсь Русское слово *наименованіе,* вполнѣ соотвѣтствующее Латинскому, хотя и не принятое въ число техническихъ.

коего сфера, вырѣзанная въ мозаикѣ миріадами подраздѣленій, обняла-бы всю общность или почти всѣ выраженія языка, не азбучнымъ порядкомъ, ни этимологически, но по связямъ родства словъ. Послѣ этого одно только-бы оставалось, — отыскать, для руководства въ многочисленныхъ и неизбѣжныхъ извилинахъ сего лабиринта, нить необходимо тонкую и къ несчастію часто вовсе ненаходимую въ нашихъ производныхъ языкахъ.

Тогда можно-бъ было льститься тѣмъ, что произвели твореніе самое полезное не только глухо-нѣмымъ, но и для наставленія юности вообще. Мы же не разсматриваемъ «наименованіе» съ такой высокой точки зрѣнія, хотя далеки отъ намѣренія унижать его до сравненія со спискомъ, кой-какъ расположеннымъ словъ, соразмѣщенныхъ вмѣстѣ по силѣ грамматическаго ихъ названія.

Это наименованіе, какъ мы его понимаемъ, не отдалялось-бы ни въ какомъ случаѣ отъ пути необходимо методическаго; но такая метода была-бы слѣдствіемъ не столько разсужденій, какъ наблюденія; она не столько-бы была ученая, сколько общественная, не столько необходимая для наставника, сколько для ученика; она не представляла-бы, подобно первой, наивозможно пространнѣйшаго собранія словъ,

расположенныхъ по семействамъ, смотря на ихъ производство и подобія, — безпредѣльный филологическій трудъ, необходимо исполненный пропусковъ и независимыхъ и отдѣльныхъ вѣтвей, — но опредѣлила-бы ходъ свой, смотря по потребностямъ естественнаго состоянія человѣка и общежительныхъ его сношеній. И такъ, оцѣняя въ точности умственныя нужды глухо-нѣмаго дитяти, можно только надѣяться достигнуть удовлетворительнаго окончанія такой рѣзкой особенности. Независимо же отъ прочихъ наукъ, находящихся внѣ предмета, о которомъ теперь разсуждаемъ, глухо - нѣмой, въ падшемъ своемъ состояніи, опять возвысится до достоинства человѣка: во - первыхъ, выучившись потребностямъ, свойственнымъ его природѣ, въ физическомъ порядкѣ, такъ чтобы могъ ихъ выражать и удовлетворять имъ; во-вторыхъ, изучая науку своихъ обязанностей, дабы заранѣе упражняться въ ихъ исполненіи; въ-третьихъ, стараясь узнать самъ себя, свое происхожденіе, свое назначеніе и вѣчную свою зависимость отъ Создателя, котораго долженъ любить и обожать.

Три эти предмета, намъ кажется, вкратцѣ заключаютъ въ себѣ всю науку, необходимѣйшую для существа, одареннаго разсудкомъ, —

науку человѣка физическаго, человѣка нравственнаго, человѣка умственнаго и духовнаго.

Если начертаніе сего круга, въ которомъ ничего нѣтъ собственно ученаго, не объемлетъ всей сферы языка и личныхъ, относительныхъ необходимостей человѣка, по крайней мѣрѣ содержитъ оно въ себѣ большую часть словъ и выраженій языка, безъ коихъ нельзя обойтись въ обществѣ. Особеннымъ сочиненіямъ по части ремеслъ и художествъ и подробнымъ трактатамъ о наукахъ, надлежало-бы потомъ продолжать дополненіе этого курса языка, по мѣрѣ распространенія предѣловъ ученія. Что касается до дальнѣйшаго развитія сего труда, то отклоненія, которымъ онъ подвергается, легко будутъ устранены при свѣтѣ нѣкоторыхъ неоспоримыхъ правилъ. Напримѣръ, тщательно надлежитъ исключить изъ него ученые термины, изысканные или простому народу неизвѣстные, также и синонимы, которые напоминая одну и ту же мысль, только обременили-бы память ученика; аналитика, способъ конечно превосходный, не должна-бъ однако сдѣлаться необходимою привычкою, будучи доведена до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ и лучше было-бы такой трудъ предоставить самому учащемуся; въ распредѣленіи относительныхъ словъ надобно-бы наблюдать по возможности синоптическій

порядокъ, располагая въ малыхъ таблицахъ ряды словъ, какъ слѣдствіе родоваго слова, служащаго имъ корнемъ; наконецъ, дабы избѣгнуть сухости и пустоты идей, производящихъ отвращеніе и лѣность ума, списокъ нарицательныхъ именъ опирался-бы съ согласіемъ на двухъ другихъ параллельныхъ и подобныхъ спискахъ: одномъ, содержащемъ въ себѣ слова придаточныя, качественныя, случайныя; другомъ, представляющемъ неопредѣленное выраженіе дѣйствій, употребленій, обстоятельныхъ предложеній, ближе подходящихъ къ имени означеннаго предмета.

Здѣсь неумѣстно войти въ подробности, которыя надобно-бъ было приложить къ практикѣ непосредственно, чтобъ дать о нихъ понятіе. Однако жъ не лишнимъ почитаемъ одно и послѣднее примѣчаніе, именно то, что это сочиненіе, хотя и долженствующее служить ученику руководствомъ, не было-бы однако жъ арсеналомъ оружій, уже выкованныхъ и готовыхъ служить ему при первомъ вызовѣ его памяти; ему всегда осталось-бы обдѣлать ихъ по указанію наставника, и наименованіе это можно-бъ было сравнить съ обширнымъ полемъ, на которомъ разсѣяны всякаго рода растенія и деревья, способныя къ пропитанію человѣка, но тогда только, когда онъ тщательно надзи-

ралъ за ихъ произрастеніемъ и оплодотвореніемъ и неутомимо пекся о ихъ правильномъ обработываніи. И такъ, грамматика въ то же время должна будетъ предложить кстати свою помощь, дабы дать каждой вещи и каждому выраженію приличный имъ видъ, какого только потребуютъ обстоятельства.

ГЛАВА XII.

О ГРАММАТИКѢ.

Нѣтъ ничего столь чуждаго истинному наставленію глухо-нѣмаго, ни столь безполезнаго, ни даже столь вреднаго, какъ принуждать его къ общему курсу грамматики, такъ какъ она сплошь преподается въ училищахъ. Грамматика для глухо-нѣмыхъ дѣтей — это самый языкъ, это понятіе взаимныхъ отношеній стихій рѣчи, это выраженіе одной мысли, сдѣланной понятною; это не просто искусство говорить и писать правильно, это для нихъ наука слова.

Есть и кромѣ грамматики о чемъ думать, взявшись за грубое понятіе глухо-нѣмаго, и

по чему неумѣстно было бы начинать съ нимъ склоненіями и управленіемъ словъ. Дитя изъ этого вовсе ничего не вѣдаетъ, а многіе во всю жизнь не узнаютъ, тогда какъ однако жъ научились уже говорить и совершенно понимать чужую рѣчь; только позже требуется особенное ея изученіе, и тогда къ не малому своему удивленію замѣчаетъ ученикъ, что такъ долго говорилъ по правиламъ грамматики, самъ того не вѣдая.

Измѣненія словъ, перемѣны окончаній и видовъ, перемѣщенія, превращенія формъ и перенесенія выучиваются удивительно скоро помощію одной привычки, и по истинѣ надобно быть глубокимъ философомъ, чтобы ихъ выучить столь же хорошо путемъ доказательствъ и напряженія ума. Что будетъ еще, когда дойдешь до объясненія словъ и означенія ихъ собственныхъ ролей, когда надобно будетъ опредѣлить каждое слово и проникнуть въ его естество? Развѣ неизвѣстно, что все это было послѣ всего изобрѣтено грамматистами, чтобъ понимать себя и узнавать другъ друга въ разборахъ и разложеніяхъ рѣчи, но что нѣтъ ничего менѣе методическаго, какъ употребленіе такихъ ученыхъ способовъ для пріобрѣтенія познанія какого-либо языка? Для того, кто обладаетъ отечественнымъ словомъ, на которомъ выучился онъ

смыслу сей техники, весьма натурально призывать ее на помощь при изученіи какого-либо иностраннаго языка. Но глухо-нѣмой не имѣетъ никакого отечественнаго языка; небольшое вспомоществованіе, которое можетъ онъ почерпнуть въ инстинктномъ своемъ языкѣ тѣлодвиженій, слишкомъ явно находится въ противоположности съ подобнымъ ходомъ изученія.

Для него не будетъ, слѣдовательно, ни технической терминологіи, ни логическихъ опредѣленій, ни фразеологіи. Самое простое выраженіе одной идеи, присоединяясь чрезъ подлѣположеніе къ выраженію новой идеи, отъ этой къ третьей и четвертой, по природному развитію ума, когда онъ начинаетъ все обобщать, — вотъ какимъ образомъ глухо-нѣмой научится грамматикѣ.

Неутомимо должно предлагать его вниманію измѣненія словъ и разныя ихъ положенія въ рѣчи, и слѣдовать сему пути въ ученіи наименованія и на всѣхъ дальнѣйшихъ степеняхъ преподаванія. Составленіе языка, такимъ образомъ, останется навсегда подчиненнымъ употребленію правилъ, безъ которыхъ ничто не возможно; но ученикъ не будетъ принужденъ самъ дѣлать трудное ихъ приложеніе; всего лучше изъ постепеннаго и случайнаго расположенія членовъ

рѣчи извлечь самое правило, которое хотятъ внушить ему. Предложено имя; тотчасъ окружаютъ его принадлежностями, дѣйствіями, коимъ оно можетъ служить причиною или цѣлію; облекаютъ его въ свойственныя ему формы, и приведя въ разныхъ удобопонятныхъ примѣрахъ, объяснятъ ученику какъ оно увеличивается придаточными частями или сокращается, перемѣняетъ мѣсто, само управляетъ или управляемо, однимъ словомъ, какъ оно терпитъ множество измѣненій иногда и совершенныхъ превращеній. Такимъ образомъ понимаемъ мы грамматику, и храня къ ней полное уваженіе, подчиняемъ ее случайному или умышленному вліянію обстоятельствъ. Новая мысль, которую надлежитъ пріобрѣсть, потребуетъ новаго порядка или образованія въ словахъ, служащихъ для ея выраженія, и изъ этого-то труда рождается правило грамматическое.

Мы ни мало не сомнѣваемся, что сіи упражненія, будучи часто повторяемы, весьма достаточны были-бы для изученія обыкновеннаго языка, и можно сказать, что вопросъ о лучшемъ способѣ наставленія для глухо-нѣмыхъ болѣе и болѣе приближается къ разрѣшенію, по мѣрѣ того, какъ употребленіе и практика чаще призываются, и какъ ученикъ, вмѣсто

того, чтобы видѣть себя безпрестанно тревожимымъ и въ настоящемъ мученіи, съ самаго начала, за расположеніе такого-то правила, будетъ имѣть заботу только о примѣчаніи его значимости и вліянія на слово и мысль, имъ опредѣляемыя.

Дитя еще лепечущее, и мы достигшіе до зрѣлости лѣтъ, когда учимся какому языку, понимаемъ его прежде, чѣмъ можемъ говорить или писать, и не отважимся говорить, пока примѣры и собственное разсужденіе тому насъ не научатъ; особливо дитя очень хорошо понимаетъ употребительнѣйшія фразы языка, прежде иногда, чѣмъ можетъ выговорить одно слово; пусть такимъ же образомъ и молодой глухо-нѣмой предварительно упражняется угадывать мысли по измѣненіямъ языка, пусть онъ дѣйствуетъ какъ-бы въ присутствіи и въ согласіи написанной фразы, и не однимъ только способомъ, а въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и послѣ того настанетъ для насъ пора заставлять его равномѣрно располагать различные члены предложеній по всей грамматической точности.

Однако и сего послѣдняго достоинства не должно будетъ строго требовать въ самомъ началѣ, ибо оно не всегда такъ нужно для понятія рѣчи; но когда дитя начнетъ составлять

предложенія и фразы посредствомъ изъяснительныхъ терминовъ его мысли, надлежитъ прежде всего направить его вниманіе къ существенной силѣ каждаго слова, къ особенному его знаменованію и къ порядку, по которому эти слова должны быть расположены. И такъ словосочиненіе гораздо лучше, нежели собственная грамматика, будетъ занимать первые опыты молодаго воспитанника.

Въ самомъ дѣлѣ, подобнымъ почти образомъ слышащее дитя старается само собою овладѣть употребленіемъ роднаго языка; такъ же и Негръ въ плантаціяхъ изъясняется по Французски; и тотъ и другой разрѣшили задачу, коль скоро можно было понимать ихъ языкъ. Они пренебрегаютъ падежами, управленіями словъ, предлогами, временами и наклоненіями, и однако съ помощію, отчасти обстоятельствъ, отчасти измѣненій голоса, даютъ понимать себя весьма удачно. Почти то же самое бываетъ съ мимическимъ языкомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ имѣетъ еще, для своего выраженія, игру физіогноміи, измѣненія которой несравненно многочисленнѣе и не менѣе понятны. Въ этомъ же смыслѣ мы выше сказали, что пантомима, говоря логически, не могла имѣть вреднаго вліянія на ученіе какого-либо языка.

Мы здѣсь приведемъ на удачу примѣръ простаго разговора, взятаго или изъ мимики глухо-нѣмыхъ, или, если угодно, изъ лепета ребенка, либо говора полудикаря, или даже многихъ, которые занимаются изученіемъ чужаго языка, и этотъ примѣръ, не представляя приложенія никакого грамматическаго правила, ни одного знака отношенія, тѣмъ не менѣе однако понятенъ. Вчера я итти дача дядя | ходить долгій | утомиться | жаръ большой | утро десять часъ отправиться | вечеръ пять прибыть | ѣсть разный хорошій | ложиться спать | утро сегодня возвратиться карета довольно хорошій. | Эту амальгаму словъ, которая буквально переведетъ пантомиму глухо-нѣмаго, раздѣлите промежутками голоса или тѣлодвиженій, и вы выразите весьма ошибочно, но весьма разумно и понятно, девять разныхъ предложеній, совершенно равномѣрныхъ съ рѣчію грамматическою, которая можетъ составиться слѣдующимъ образомъ: «вчера я былъ на дачѣ моего дяди, долго ходилъ и усталъ; жаръ былъ чрезвычайный; отправившись въ десять часовъ утра, я прибылъ не ранѣе какъ въ шестомъ вечера, отобѣдалъ и легъ спать, а сегодня поутру возвратился въ каретѣ съ большою радостію.»

Когда глухо-нѣмой дошелъ уже до того, что можетъ при помощи одной только памяти и

разсужденія, составлять совокупленія словъ, столь хорошо соотвѣтствующихъ его мысли, то надобно почитать дѣло весьма успѣшнымъ, осторожно и благоразумно исправлять промахи ученика, а не заграждать ему поприща отвращающими или насмѣшливыми укоризнами.

Такимъ образомъ, грамматика будетъ выучена безъ усилія и ни сколько не вредя дѣлу умственнаго развитія; впрочемъ это зависѣть будетъ отъ частыхъ его и внимательныхъ подъ руководствомъ наставника наблюденій, какъ стихіи рѣчи измѣняютъ видъ свой, увеличиваютъ силу и соединяются между собою посредствомъ разныхъ соотношеній.

Во всякомъ случаѣ, гораздо предпочтительнѣе грубо начертанныя предложенія, нами упомянутыя, которыя дитя само себѣ создало, нежели фразы, которыя не будучи ни рѣченіями, ни идіотизмами, а собраніями предложеній, способныхъ къ многочисленнѣйшему образованію, съ трудомъ напечатлѣваются въ памяти, не будучи переработаны размышленіемъ, и по сей причинѣ скоро истекаютъ изъ нея исковерканныя и въ странномъ состояніи растройства, въ которомъ не рѣдко встрѣчаются выраженія, или лоскутки другихъ фразъ совершенно чуждыхъ, и какъ будто затерянныхъ, подобно тому, какъ въ неисправномъ ти-

сненіи попадаются иногда цѣлыя слова, избравшія себѣ мѣсто, строчками двумя или тремя ниже надлежащаго. Пусть ученикъ будетъ ошибаться въ переписываніи мыслей, лишь-бы онъ ихъ имѣлъ, лишь-бы только онъ выражалъ ихъ понятнымъ образомъ, а остальное мы можемъ довершить употребленіемъ и навыкомъ, вмѣсто того, чтобъ толковать правила сухо и неудобопонятно.

ГЛАВА XIII.

ИЗЪЯСНЕНІЯ ОТВЛЕЧЕННЫХЪ РѢЧЕНІЙ.

Между отвлеченными словами мы постановимъ различіе, какъ намъ кажется, необходимое; именно различіе ихъ физическаго и метафизическаго значенія.

Принадлежащія къ сему послѣднему разряду отличаются отъ предъидущихъ единственно лишнею метафорою, и тѣ и другія, въ обоихъ случаяхъ, не иное что суть, какъ существительныя имена, выражающія качество предмета, неотдѣльное или случайное, но разсматриваемое отвлеченно, то-есть отдѣльно отъ прочихъ сосуществующихъ качествъ. «Чер-

нота», напримѣръ, есть слово отвлеченное; она, говоримъ мы, есть качество тѣла чернаго, но качество отдѣльно взятое, облеченное образомъ, видомъ индивидуальнымъ, пребывающимъ въ умѣ и позволяющимъ прилагать къ нему другія качества и даже дѣйствія, какъ будто-бы оно само было лицемъ. Но доколѣ это слово означаетъ качество ощутительнаго и вещественнаго тѣла, оно будетъ называться «физически-отвлеченнымъ.» Ежели я говорю: «чернота злодѣянія» то отвлеченность перваго изъ сихъ словъ здѣсь сверхъ того бываетъ скрѣплена переноснымъ значеніемъ; «злодѣяніе», слово само собою уже отвлеченное, изображается подъ цвѣтомъ свойственнымъ тѣлу черному; этотъ родъ словъ отвлеченныхъ будетъ называться «метафизически-отвлеченнымъ». Тѣ и другія означаютъ качество какой-либо вещи, или какого-нибудь умственнаго существа, выражаемаго вмѣсто прилагательнаго существительнымъ. Слѣдовательно, во всѣхъ отвлеченныхъ словахъ нѣтъ никакой новой идеи; есть только перемѣна въ видѣ.

И такъ, чтобы дать ученику понятіе о физически-отвлеченномъ словѣ, довольно будетъ представить ему оное какъ равнозначущее слову качественному, которое оно замѣняетъ подъ личиною имени, потому-что всякое прилагатель-

ное имя есть само слѣдствіе и выраженіе истинной отвлеченности, или качественности, отдѣльно взятой между многими другими.

Тутъ всякое доказательство было бы излишнимъ; а что касается до отвлеченныхъ словъ, называемыхъ нами метафизическими, къ которымъ, не говоря о подраздѣленіяхъ, должно отнести всѣ слова, знаменованіе коихъ находится внѣ чувственнаго міра, то мнѣніе многихъ загородило ихъ доступъ такими препонами, которыя предразсудокъ почиталъ даже непреодолимыми, что мы не должны забыть здѣсь вывести на свѣтъ, въ немногихъ словахъ, полезную и утѣшительную истину, тѣни которой скоро исчезаютъ при свѣтильникѣ разсужденія и опытности, то-есть, съ какою легкостію всякое метафизическое выраженіе дѣлается доступнымъ и осязаемымъ для понятія молодаго глухо-нѣмаго.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ онъ понялъ безъ малѣйшаго усилія, не хуже всякаго другаго, отношеніе такого-то имени письменнаго къ физическому предмету имъ означенному, такъ же ему не труднѣе будетъ, нежели намъ, которые этому учились, не зная сами того, пріобрѣсть понятіе какого-либо слова, коего предметъ не находится въ природѣ. Дѣло будетъ двойное, если хотите, но такъ какъ пер-

вое облегчитъ путь къ послѣдующему, то большаго не будетъ затрудненія. Какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ научились мы относить идею къ слѣдующимъ словамъ *терпѣніе*, *щедрость?* При видѣ, какъ относили сіи два слова къ дѣйствіямъ весьма вещественнымъ и весьма физическимъ, ими представляемымъ; видя напримѣръ, нищаго на ложѣ страданія, поднимающаго къ небесамъ умоляющій и покорный взоръ; богатаго и благотворительнаго человѣка, дающаго пропитаніе цѣлымъ семействамъ, своимъ имуществомъ и щедрыми дарами. То-есть самыя умственныя слова имѣютъ всегда основаніе, которое глазъ можетъ проникнуть, рука осязать и измѣрить, однимъ словомъ, вещественныя дѣйствія или существа, служащія имъ подпорою.

И такъ, вся наука обученія отвлеченнымъ и метафизическимъ выраженіямъ ограничивается тѣмъ, чтобы разобрать часть-за-частію дѣйствія и случаи составляющія ихъ естество.

Достойно замѣчанія, что точно такимъ образомъ большое число метафизическихъ словъ въ нашихъ языкахъ заимствовали видъ свой и знаменованіе отъ подобнаго физическаго обстоятельства, которое на опытѣ представляло самое близкое сходство съ духовнымъ существомъ, которому надлежало дать имя, дабы опредѣ-

лить его бытіе. Въ Латинскомъ языкѣ и во всѣхъ проистекшихъ изъ него нарѣчіяхъ, *душа* (animus) не есть ли духъ, *мысль* (по Французски pensée изъ Латинскаго глагола pensare, т. е. вѣсить) — вѣсы, *доблесть* (virtus) — борющаяся сила, *сострадание* (compassio) — дѣлимое съ кѣмъ страданіе? Ясно что сей важный переходъ, это переселеніе мысли изъ тѣлеснаго міра въ область духовности, коего ступень возвышенія — вещественное существо, которое она никогда совершенно не оставляетъ и которое постоянно будетъ служить ей необходимымъ путеводителемъ, ясно, говоримъ, что это есть дѣйствіе ума, подобное всѣмъ другимъ отправленіямъ, бывающимъ слѣдствіемъ его развитія, по мѣрѣ того, какъ онъ стремится обнять безпредѣльныя отношенія природы человѣческой; и это не представляетъ болѣе затрудненія, нежели какъ, напримѣръ, переходъ отъ изученія человѣческихъ дѣйствій къ созерцанію явленій природы.

Не будетъ здѣсь неумѣстно одно обстоятельство, именно склонность глухо-нѣмаго овладѣть въ мимическомъ своемъ языкѣ, метафорами, заимствованными изъ самаго естества вещей; для него гордость есть надутость лица, память — отпечатокъ на лбу, сожалѣніе — сжатіе сердца при видѣ страданія, лукавство — вещь смѣш-

ная, но не безъ всякаго основанія: это усы крадущейся къ своей жертвѣ лукавой кошки. И таковъ былъ всегда языкъ человѣка близкаго къ природѣ!

Но эта склонность, врожденная у глухо-нѣмаго, по которой переносный языкъ скидаетъ съ себя для него покрывало, есть еще новое облегченіе на пути его стремленія въ область отвлеченностей.

ГЛАВА XIV.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПОЗНАНІЕ РЕЛИГІОЗНЫХЪ И НРАВСТВЕННЫХЪ ПОНЯТІЙ.

Понятіе о Божествѣ, сіе основаніе всего блаженства человѣка и всѣхъ его познаній, заранѣе должно быть предлагаемо разсудку глухо-нѣмаго; оно столь рѣзкими и разительно явственными чертами вырѣзано въ сердцѣ человѣка чувствующаго и въ великой книгѣ созданія, что и самое малое направленіе къ сему божественному предмету, сообщенное вниманію дитяти, достаточно будетъ, дабы открыть ему существованіе онаго, всемогущество и величіе. Позна-

ніе Верховнаго Существа совершенно независимо отъ пособій языка изустнаго; столь изумительное бываетъ красноречіе въ блестящихъ переворотахъ тѣлъ небесныхъ, въ могуществѣ стихій, въ зрѣлищѣ величественнаго солнца открывающаго ристалище свое, или страшной бури, возмущающей и воздухъ и землю и море, что человѣкъ природы, предоставленный самому себѣ, повергнется въ прахъ и поклонится Богу своему однимъ добровольнымъ порывомъ своей совѣсти. Лишь только будете вы въ состояніи сноситься съ молодымъ глухо-нѣмымъ, вамъ не много будетъ труда, дать ему вѣрную идею о Творцѣ всего сущаго; пусть онъ внимательно, возлѣ васъ и подъ вашимъ надзоромъ, увидитъ нѣкоторыя изъ сихъ величественныхъ явленій творенія, — тогда самъ онъ упредитъ васъ вопросомъ, хотя невольнымъ, но глубоко основательнымъ: Кто это сдѣлалъ, для чего это?

Остережемся тогда, безразсудно отсрочить къ другой, по нашему мнѣнію, болѣе приличной эпохѣ, объясненіе великой идеи; не станемъ полагать, что разумъ его, болѣе обработанный, лучше приметъ плодотворныя сѣмена великой истины; мы конечно предоставимъ себѣ развернуть позже предъ глазами его многочисленныя ея послѣдствія, и не станемъ тотчасъ,

напримѣръ, показывать ему Божество, вооруженное мстительнымъ громомъ для кары виновнаго, или адскимъ огнемъ для наказанія злаго; напротивъ, представимъ ученику подъ верховною идеею безпредѣльнаго Существа придаточныя мысли неистощимой благости, неутомимой щедрости, неограниченной милости! Равнымъ образомъ, должно отложить до приличнаго времени изъясненія церковныхъ догматовъ и безсмертія души, и не заставлять между тѣмъ исправлять его обязанности и соблюдать обряды религіи, безъ предварительнаго объясненія оныхъ. Нѣтъ ни одного на свѣтѣ существа, которое-бы съ такою тонкостію обладало искусствомъ подражанія, какъ глухо-нѣмой; коль скоро нѣсколько разъ увидитъ онъ набожнаго богомольца, поклоняющагося въ храмѣ, то съ такимъ совершенствомъ будетъ подражать наружности благочестія въ тѣлодвиженіяхъ и въ самомъ малѣйшемъ оттѣнкѣ физіогноміи, что покажется вамъ человѣкомъ глубоко тронутымъ и находящимся подъ властію сильнаго убѣжденія, которое однако въ самомъ дѣлѣ будетъ только притворство. По той же самой причинѣ, и такъ какъ глухо-нѣмой любитъ все чудесное и весьма наклоненъ къ хвастовству, необходимо надлежитъ объяснить ему заранѣе важность всякаго благочестиваго поступка.

При томъ представляется значительное затрудненіе; именно, согласить скорость догматическаго обученія, нами совѣтуемаго, съ отвлеченнымъ и точнымъ языкомъ, которымъ возвѣщаются начала вѣры, понятіе коихъ требуетъ нѣкотораго ума и разсудительнаго употребленія образованія языка. Должно признаться, что совершенная понятность догматическихъ истинъ чрезъ письменныя объясненія, по сей причинѣ, долго останется неприступною для глухо-нѣмаго; но существованіе Бога, его благость и всемогущество, необходимость его правосудія, это главное основаніе безсмертія души человѣческой; удивленіе и благодарность, коими человѣкъ проникнетъ къ Создателю, и другія подобныя основныя истины, не имѣютъ нужды въ многословіи для содѣланія ихъ понятными; самыя простыя и легкія слова, избранныя для ихъ выраженія, достаточно объяснятся въ присутствіи дѣлъ и явленій, которыхъ они будутъ слѣдствіемъ и перечнемъ. Послѣдуемъ далѣе: хотя, къ несчастію, ни мало не сомнительно, что большое число глухо-нѣмыхъ, воспитаемыхъ въ училищахъ, не будутъ имѣть надлежащаго времени или необходимой способности, дабы когда-либо понимать удовлетворительно изъяснительныя предложенія сихъ истинъ, но и тогда, утверждаемъ, ни мало не потеря-

на цѣль заведеній и не обмануты въ благотворительныхъ своихъ намѣреніяхъ ревнители дѣла глухо-нѣмыхъ, если только примемъ въ разсужденіи то, что соединеніе извѣстнаго числа сихъ несчастныхъ подъ управленіемъ ревностныхъ наставниковъ достаточно, чтобы создать языкъ, опредѣленный, весьма понятный для посвященныхъ, и которымъ высокія понятія о Божествѣ, обязанности человѣка къ Создателю, и вообще истины христіанскія могутъ быть чувственно выражены, ясно изъяснены и прилично преподаваемы. Но тайна подобнаго обученія раскроется вполнѣ наставнику только послѣ многократныхъ и скучныхъ, такъ сказать, ощупываній, послѣ продолжительнаго житья съ ними, настоящаго посвященія въ общество его учениковъ.

Этотъ доводъ, которому противорѣчить не будутъ практики, усугубляетъ важность мимическаго языка, и одинъ уже достаточенъ чтобы оправдать утѣшительное умноженіе училищъ для глухо-нѣмыхъ.

Но если глухо-нѣмой отъ природы способенъ принимать отпечатокъ главнѣйшихъ истинъ Вѣры, то онъ еще болѣе расположенъ открывать свободный доступъ въ свой разумъ неизмѣнимымъ началамъ нравственности, которыми опре-

дѣляется достоинство или недостоинство поступковъ.

Хотя не могъ онъ еще пользоваться ни однимъ благодѣяніемъ слова, и безпрерывно прозябалъ въ врожденномъ своемъ невѣжествѣ, однако жъ онъ носитъ внутри себя чувство добра и зла, справедливости и несправедливости; кто проживетъ нѣсколько времени въ его сообществѣ, удостовѣрится, не безъ удивленія, въ внутреннемъ его познаніи собственности, правдивости, правосудія наградъ и наказаній. Въ присутствіи его поступите строго съ виновнымъ, онъ будетъ хвалить васъ; накажите невиннаго, онъ будетъ негодовать; сѣките его самого за кражу, онъ не будетъ жаловаться; примите противъ него несправедливую сторону виновнаго, кѣмъ онъ оскорбленъ, онъ можетъ тогда взбунтоваться. Къ чему здѣсь языкъ: гласъ естественнаго закона предшествуетъ всякому языку; ясенъ онъ и вразумителенъ для всякаго обладающаго разсудкомъ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь можетъ сказать, что глухо-нѣмой непремѣнно долженъ быть скотомъ, отъ того единственно, что у него уши не слышатъ? Несправедливость здѣсь слишкомъ явна, а если бы даже могла она гдѣ-нибудь пріобрѣсти довѣренность, опытъ и наблюденіе немедленно опровергли-бы ее.

Дабы доставить дитяти самое ближайшее познаніе о нравственномъ характерѣ его дѣяній, вовсе не нужно будетъ прибѣгнуть къ другому, кромѣ его самого; его пріучать нисходить въ собственное сердце свое, совѣтоваться съ внутреннимъ голосомъ своей совѣсти, и радость его при всякомъ добромъ дѣлѣ, страхъ, безпокойствіе, неудовольствіе, коими будетъ тревоженъ послѣ порывовъ гнѣва или непокорности, явно изобличатъ ему нравственное различіе добра и зла. Нѣтъ, послѣ этого, надежнѣйшаго способа утвердить въ его сердцѣ чувство добродѣтели и отвращеніе отъ порока, какъ зрѣлище дѣйствій свойственныхъ пороку или добродѣтели.

По недостатку живыхъ явленій полезно будетъ кстати подвергать передъ его глазами картинки, на которыхъ изображались-бы главные примѣры нравственности. Не нужно хвалить употребленія такихъ картинокъ; Вольфъ и Базедовъ уже давно оправдали достоинство иконографическихъ пособій.

Однако жъ мы усомнились бы совѣтовать то же самое средство при обученіи Закону глухо-нѣмыхъ, по причинѣ опасности, какъ это справедливо было замѣчено, предлагать неопытному уму духовныя истины подъ тѣлеснымъ покровомъ: онъ и безъ того уже весьма распо-

ложенъ все овеществлять. За исключеніемъ этого неудобства, картинки всегда будутъ превосходно вспомоществовать всякому доказательству.

Такъ глухо-нѣмой выучится благотворительности, смотря на изображеніе человѣка, помогающаго нищему, отдающаго одежду свою бѣдному, берущаго къ себѣ дитя, умирающее отъ стужи и изнеможенія на соломѣ; осушающаго слезы несчастнаго, перевязывающаго рану страждущему; онъ будетъ удивляться благодарности нищаго, жертвующаго жизнію, чтобы освободить благодѣтеля изъ рукъ убійцъ; въ ласкахъ собаки, лижущей руку-питательницу; онъ научится, напротивъ, гнушаться коварной неблагодарности, при видѣ преступнаго сына, окруженнаго богатствомъ и отказывающаго въ пропитаніи нуждающемуся родителю.

Исторія Священная и частныя исторіи народовъ могутъ служить, въ случаѣ нужды, и съ двойною пользою, обильнымъ запасомъ для такого рода уроковъ. Не надобно настоять на неоспоримомъ превосходствѣ такого рода обученія, примѣняемаго къ нравственности, передъ другими схоластическими пособіями, ограничивающимися выученіемъ наизусть лаконическихъ опредѣленій, изъ которыхъ кратчайшее почитается и лучшимъ. Намъ кажется, и мы будемъ это всегда повторять, что такія во-

общие опредѣленія, особенно въ нравственности, суть подводный камень весьма опасный, и трудно-бъ было рѣшить, болѣе ли это для облегченія труда наставника и испытателя, или чтобъ польстить мнимымъ успѣхомъ безпечность ума, врожденную ученику, что пріобрѣли они такое первенство въ учебныхъ руководствахъ, въ которыхъ они чаще всего не иное что, какъ золотая пыль подъ пышною вывѣскою умозрѣнія.

Послѣ сказаннаго нами о методѣ, способнѣйшей для обученія глухо-нѣмыхъ нравственности, пропустили мы однако лучшую изо всѣхъ, состоящую въ томъ, чтобы себя самого предлагать постоянно безукоризненнымъ примѣромъ для подражанія ученику, и чтобъ ему безпрерывно давать собою примѣръ добродѣтели и владычества надъ своими страстями.

ГЛАВА XV.

О ПОЛЬЗѢ, КОТОРУЮ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗЪ ИСТОРІИ ПРИ ОБУЧЕНІИ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Мы не будемъ разсматривать сей отрасли преподаванія въ ученомъ ея отношеніи. Когда говоримъ о обученіи Исторіи молодому глухонѣмому, не должно разумѣть того обширнаго и многосложнаго ученія о народахъ минувшихъ, которое можетъ только утомить слабую его понятливость; въ сей части преподаванія, какъ и во всѣхъ другихъ, не столько идетъ дѣло о обогащеніи его разума познаніями, какъ о легчайшемъ развитіи его способностей, вмѣстѣ съ возбужденіемъ въ его сердцѣ чувства добра; какъ о сообщеніи ему здравыхъ мыслей вмѣстѣ съ языкоученіемъ; ибо какъ-бы то ни было, одна и та же всегда должна быть точка, къ которой стремятся всѣ его упражненія, именно понятіе и знаніе языка.

И такъ, не должно будетъ начинать съ ученикомъ опредѣленіемъ исторіи и ея раздѣленіемъ на части, показывая ему сколько разныхъ родовъ исторій, хронологическія ея раздѣленія на эры,

эпохи и періоды. Не будетъ также нужды, ни пользы провести предъ его глазами цѣпь тѣхъ происшествій, которыя болѣе всѣхъ гремѣли и возбуждали большее число страстей; лучше будетъ отдавать преимущество добродѣтельнымъ и достойнымъ почтенія дѣйствіямъ, родившимся въ неизвѣстной долѣ и однако отбрасывающимъ на человѣчество славу достойнѣйшую; однимъ словомъ, придерживаться малаго числа нравственныхъ и поучительныхъ дѣяній, въ коихъ простота разсказа и скромность слога будутъ соображены съ слабостію ученика.

По этому несравненно полезнѣе и любопытнѣе для глухо-нѣмаго будетъ разсказывать ему, безъ предваренія, какія-либо эпизоды Священной Исторіи, какъ жизнь Іосифа, плѣнъ Товіи, изъ коихъ разумъ его пріучался-бы распознавать добродѣтель отъ пороковъ, сердце его биться въ пользу человѣка, несправедливо притѣсняемаго. И Отечественная Исторія будетъ также призвана доставить свою долю мудрости и добродѣтельныхъ наставленій съ своими подвигами любви къ Отечеству и человѣколюбія.

Между предметами для чтенія, присвоеннаго слабому понятію глухо-нѣмаго, это безъ сомнѣнія самые лучшіе, какіе можно избирать; впрочемъ скоро будетъ видно, что дитя пріохочивается къ такому ученію, въ которомъ

одна мысль всегда бываетъ изъясняема самымъ дѣйствіемъ, къ которому она относится, и въ которомъ умъ находитъ такимъ образомъ пріятную пищу, ни мало не испорченную дидактическою сухостію. Независимо отъ краткихъ нравственныхъ замѣчаній, которыми не надобно пренебрегать время-отъ-времени кстати усыпать разсказъ, одна всегда будетъ истина, одно правило, одинъ совѣтъ, которыя преимущественно проистекутъ изъ повѣствуемаго предмета, и будутъ вѣнчать его какъ правоученіе басни. Такимъ образомъ, малѣйшій разсказъ будетъ имѣть слѣдствіемъ плодъ естественно родившійся, и который сердце приметъ безо всякаго усилія. Эти историческія упражненія будутъ также служить какъ-бы слѣпкомъ нравственныхъ прежде пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, ибо для дитяти, какъ и для зрѣлаго человѣка, что такое исторія, если не школа, въ которой можно выучиться, какимъ образомъ сдѣлаться лучшимъ?

ГЛАВА XVI.

СЪ КАКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ДОЛЖНО РАЗСМАТРИВАТЬ ГЕОГРАФІЮ ВЪ ОБУЧЕНІИ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Какъ мы сейчасъ замѣтили, мы не разсматриваемъ здѣсь науки въ ученомъ отношеніи, но подъ извѣстными заглавіями, предметы которыхъ съ давняго времени служатъ основою преподаванія, хотимъ означить, и вмѣстѣ объяснить, главныя орудія, которыя надлежитъ употребить для ускоренія умственнаго воспитанія глухо-нѣмаго. Ученіе же географіи сильно плѣняетъ его вниманіе, не утомляя онаго, говоритъ особенно глазамъ, отмѣнно завлекаетъ любопытство заключающимися въ ней описаніями различныхъ народовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ рода жизни; прельщаетъ воображеніе повѣствованіемъ чудесъ и существующихъ феноменовъ, которыя природа разсѣяла на земномъ шарѣ и памятниковъ, которые на немъ создала рука человѣка, и слѣдственно, разнообразіемъ, какъ и привлекательностію своихъ частей, представляетъ превосходное средство образованія и развитія. Но чтобы отъ того по-

лучить всю желаемую пользу, не должно оставлять слѣпо успѣховъ сего труда на волю схоластическихъ книгъ. Извѣстно, что ничего суше и отвратительнѣе, какъ обыкновеніе сочинять длинные списки именъ, и насильно заставлять копить ихъ въ памяти. Изъясненіе географическихъ словъ надлежитъ сдѣлать на самомъ мѣстѣ; эти ряды колючихъ терминовъ, еще для дитяти неопредѣленныхъ и непонятныхъ, которыми вооружены первыя страницы первоначальныхъ географій, гораздо лучше объяснятся дѣйствительнымъ разсмотрѣніемъ самой вещественности, которое въ то же время будетъ предметомъ увеселенія и полезно будетъ упражнять карандашъ ученика, если хоть немного онъ знаетъ линѣйный рисунокъ. Острова, перешейки, горы, долины, онъ ихъ найдетъ въ самомъ зрѣлищѣ природы дѣйствительной, или при нуждѣ, понятно вымышленной невиннымъ искусствомъ. Теченіе рѣкъ, раздѣленіе государствъ, мѣстоположенія городовъ, однимъ словомъ вся эта физическая географія, бывающая непреодолимой сухости въ книгахъ, этимъ способомъ выучена будетъ скоро и безъ отвращенія. Этотъ трудъ будетъ имѣть не одну только пользу украшать умъ познаніями необходимыми и самому обыкновенному воспитанію, онъ представитъ еще и

продолженіе филологическаго дѣла, основаніе котораго положило наименованіе и которое должно составляться изъ величайшей общности словъ языка, какія только память можетъ себѣ присвоить. Когда же въ послѣдствіи сіи новые термины, совершенно понятые, и по мѣрѣ ихъ встрѣчи удерживаемые, найдутся въ составѣ рѣчи, то будутъ имѣть на цѣлое сильное вліяніе чрезъ аналогію, которо́ю озарится ходъ развитія ученика. Замѣчательно и то, что глухо-нѣмые всегда охотно предаются, иногда и страстно прилѣпляются, къ ученію географіи; они по инстинкту, и съ отмѣнною точностію въ дѣлѣ, начинаютъ списывать предлагаемую карту, и если хоть нѣсколько слышали о такихъ-то обитателяхъ отдаленной страны, то являютъ такое нетерпѣніе узнавать и такое забавное любопытство, что сіе ученіе дѣлается для нихъ просто увеселеніемъ.

Если однажды обладаютъ уже они картою, можно понять съ какою ловкостію будутъ они слѣдовать за изъясненіемъ всѣхъ ея извилинъ, очерковъ и линій въ книгѣ, и съ какимъ жаднымъ любопытствомъ пойдутъ на встрѣчу описаніямъ странъ и народовъ, этими линіями очерченныхъ.

Человѣкъ любитъ знакомиться съ новыми предметами по мѣрѣ того какъ онъ бываетъ

ближе къ природѣ, то-есть болѣе состоитъ подъ властію воображенія.

Вотъ почему повѣствованія о путешествіяхъ такъ заманчивы для младенчества; пусть глухо-нѣмой, столь долго бывающій ребенкомъ, сдѣлается, какъ можно скорѣе, способнымъ читать ихъ съ отчетливостію, тогда быстро подвинется умственное его образованіе; такой родъ чтенія онъ будетъ и любить и предпочитать всякому иному; дайте ему подозрѣвать о чемъ либо чудесномъ, чрезвычайномъ въ какомъ-либо мѣстѣ земнаго шара: однажды прилѣпившись къ книгѣ, онъ съ жадностію будетъ читать ее, и будьте увѣрены въ успѣхѣ.

Изъ космографическихъ свѣдѣній, наиближайшихъ къ изученію нашей планеты, благоразумно отложивъ въ сторону самыя ученыя, мы сильно будемъ плѣнять вниманіе глухо-нѣмаго, обращая его заранѣе на точное разсмотрѣніе искуственной сферы, которую будемъ двигать и ставить при видѣ солнца и луны, и проч. Изъ этихъ любопытныхъ для него и занимательныхъ упражненій слѣдуетъ такое множество необходимыхъ познаній, относительно къ раздѣленію времени, къ порядку четырехъ временъ года, къ метеорамъ и къ частымъ явленіямъ въ природѣ, что всегда преполезно будетъ занимать оными первые досуги дитяти,

коль скоро оно хоть не много начнетъ употреблять свой разсудокъ и покажетъ любознательность.

Наконецъ, мы почитаемъ ученіе Географіи однимъ изъ самыхъ полезныхъ способовъ для ускоренія образованія глухо - нѣмаго. Лучшій къ преуспѣянію залогъ состоитъ, безъ сомнѣнія, въ любви, которую ученикъ будетъ имѣть къ книгамъ; тетради, данныя ему въ руки, простѣйшія изъясненія, которыя будутъ предлагать его разсужденію, разнообразныя познанія, коими будутъ завлекать его любопытство, — все это должно будетъ стремиться къ тому, чтобы образовать его въ искусствѣ чтенія; а по этой причинѣ и потому, что большая часть предметовъ преподаванія столь мало способны усладить его, мы означаемъ ученіе географіи, вмѣстѣ съ исторіею, какъ удобнѣйшее для сей цѣли и какъ предметы чрезвычайной пользы. Одинъ глухо-нѣмой пойметъ механизмъ какого - либо языка, когда только прочтетъ путешествія или книги географическія, другой — историческія, подобно тому, какъ мы, пользующіеся слухомъ, выучились родному языку изъ разговоровъ, съ самаго начала для насъ привлекательныхъ по необходимости, хотя иногда лишенныхъ всякой пріятности.

ГЛАВА XVII.

ОБЪ АРИѲМЕТИКѢ.

Ежели смотрѣть на ученіе ариѳметики, какъ просто на превосходную гимнастику для внимательности и разсужденія молодаго ученика, эта причина была-бы уже достаточна, чтобъ назначить ей важную роль въ обученіи глухонѣмаго.

Много уже сдѣлано — и надежда на удачу почти несомнѣнна — съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ, начиная уже видѣть глазами разсудка, вмѣсто того, чтобы проходить безпечно мимо вещей, останавливается на нихъ, испытуетъ ихъ, тяготитъ надъ ними, и не сдѣлаетъ шага впередъ, не измѣривъ сперва пройденной ступени. Крайне огорчительно видѣть ежедневно глухо-нѣмыхъ, старыхъ уже учениковъ, но слишкомъ безразсудныхъ, которые безпрестанно ошибаются въ падежѣ, управленіе котораго стократно было имъ показываемо. Это отъ того единственно происходитъ, что они не довольно пріучились быть внимательными, а сей недостатокъ вѣчно будетъ препятствовать даль-

нѣйшему ихъ успѣху. Раннія упражненія въ численіи и четырехъ дѣйствіяхъ ариѳметики во многомъ будутъ способствовать устраненію сего неудобства, не столько по ихъ трудности, почти незначительной для глухонѣмыхъ, сколько по строгой точности, какой требуетъ малѣйшее дѣйствіе, чтобы быть вѣрнымъ.

Десять пальцевъ руки съ самаго начала научили глухо-нѣмаго считать по десяткамъ, и повтореніемъ этого десятичнаго знака обнимать самыя значительныя числа. Онъ умѣетъ считать, но не можетъ еще дѣйствовать, ни вычислять, по неимѣнію другихъ знаковъ. Но сіи послѣдніе скоро будутъ имъ пріобрѣтены, потому что они ясны, опредѣлены и однообразны. Такимъ образомъ, безъ большаго труда, онъ составитъ себѣ или разберетъ, съ крайнею легкостію, самыя высокія числа, для чего нужно помогать ему въ отысканіи подобной нумераціи на пальцахъ, которая даже необходима будетъ для него вначалѣ, чтобъ доставить ему точку опоры. Большое въ самомъ дѣлѣ для насъ было-бы затрудненіе, если-бъ намъ должно было дѣйствовать на цифры одними только глазами; привычка дѣлаетъ даже для насъ всякое вычисленіе весьма неудобопонятнымъ, если не наименуемъ одной цифры послѣ другой, и все это на своемъ языкѣ; по-

добнымъ образомъ и глухо-нѣмой чувствуетъ нужду въ посредственномъ знакѣ между цифырью и его мыслію, дабы онъ могъ вычислять. Не утверждая впрочемъ что такая помощь ему необходима, будемъ ожидать, чтобъ онъ замѣнилъ ее долговременною привычкою. Здѣсь-же и ручные знаки доставятъ вещественную свою подпору мысленному дѣйствію, а сія помощь, по требуемому иногда ею напряженію, придастъ новую жизненность разсудку и пріучитъ къ размышленію.

Давайте и тогда глухо-нѣмому самыя длинныя вычисленія, у него станетъ терпѣнія, особливо когда вы будете осмотрительно замѣнять отвлеченность чиселъ ощущаемыми предметами. Самыя сложныя дѣйствія будутъ и лучшія, ибо тѣмъ скорѣе отъ нихъ привыкнетъ дитя къ головной работѣ.

Также полезно будетъ научить его считать безъ помощи написанныхъ цифръ, въ чемъ, можетъ быть, онъ менѣе встрѣтитъ трудности, чѣмъ говорящіе, потому-что посредствомъ пальцевъ онъ легко можетъ замѣнять одинъ знакъ припоминанія другимъ.

А поелику каждая цифра имѣетъ свое опредѣленное и неизмѣнное значеніе, то глухо-нѣмой, обладая только началами, будетъ успѣвать поспѣшно и безпрепятственно, и въ

этомъ ученіи найдетъ можетъ быть болѣе удобности, чтобъ соперничать съ ученикомъ говорящимъ и итти впередъ далѣе и далѣе.

Мы видимъ многихъ глухо-нѣмыхъ превосходныхъ счетчиковъ, но которые ограничились простыми дѣйствіями, потому единственно, что надлежало твердо пріобрѣтать познанія самыя необходимыя, предпочтительно наукамъ роскоши; но мы очень увѣрены въ томъ, что если какой глухо-нѣмой со способностями, по наклонности своей предался-бы высшей математикѣ, то непремѣнно достигъ-бы, какъ всякой иной, до алгебраическихъ и геометрическихъ вершинъ. То, по крайней мѣрѣ, всегда останется вполнѣ доказаннымъ, что глухо-нѣмые, легко выучиваются ариѳметикѣ, охотно сею занимаются, и слѣдовательно, что она составляетъ вѣрнѣйшій способъ образовать ихъ внимательность и установить дѣйствіе ихъ разума. Мы въ своемъ мѣстѣ изложимъ теорію разныхъ знаковъ, свойственныхъ нумераціи.

ГЛАВА XVIII.

О РИСОВАНІИ И ЧИСТОПИСАНІИ.

Говоря о рисованіи, мы вступаемъ въ истинную стихію глухо-нѣмаго, потому-что не будучи въ состояніи долгое время иначе разговаривать, какъ изображая, по своему разумѣнію, видъ или нѣкоторыя изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ окружающихъ его предметовъ, онъ невольно заранѣе упражняется въ рисованіи, и каждое изъ его сношеній составляется изъ одной или нѣкоторыхъ чертъ похищенныхъ у предметовъ.

Что еще больше, случается, что эти инстинктные эскизы, изъ коихъ онъ составляетъ свой языкъ, по воздушной ихъ утонченности и скоротечной быстротѣ, избѣгаютъ отъ глазъ разговаривающаго: тогда-то глухо-нѣмой руку свою вооружитъ углемъ, и образъ, рисующійся на сѣтчатой оболочкѣ его глаза и въ зеркалѣ души, станетъ произвольно отражаться подъ его пальцами.

Въ большомъ иногда будетъ онъ затрудненіи; но всякое его усиліе, освѣщенное истиннымъ чувствованіемъ, всегда представитъ удовлетво-

рительное заключеніе. Искусство рисованія такимъ образомъ будетъ для глухо-нѣмаго только обдѣлкою природной его наклонности къ рисованію. По этому, понятно, сколь ошибочно вмѣсто того, чтобы перенестись съ глухо-нѣмымъ на дорогу, открытую ему природою и нуждой, подвергаютъ его этюдамъ академическимъ и заставляютъ технически копировать хорошіе образцы. Такая метода, можетъ быть, очень хорошо идетъ для другихъ, но для глухо-нѣмыхъ она недостаточна. Рисованіе, бывающее для нихъ съ самаго начала способомъ сообщенія, настоящимъ языкомъ, кажется, не имѣетъ никакой нужды перемѣнять свое поприще, чтобы превратиться въ искусство, и приложеніе правилъ онаго можетъ также производиться на простѣйшихъ и ближайшихъ предметахъ. Такое употребленіе искусства, которое могло-бы казаться слишкомъ низкимъ, будетъ, напротивъ, въ этомъ случаѣ его болѣе возвышать, ибо рисованіе удержитъ такимъ образомъ для глухо-нѣмаго первоначальную свою пользу, служа ему вспомоществованіемъ при обученіи, въ которомъ оно дѣлается даже иногда необходимымъ, и въ которомъ весьма было-бы желательно, чтобъ всякій наставникъ могъ употреблять его согласно съ своими учениками. Ничто впрочемъ не будетъ препятствовать, и такое соеди-

ненiе даже необходимо, изъясненiю дитяти, съ самаго начала и постепенно, правилъ линѣйнаго рисованiя, съ тѣмъ только, чтобы теоретическiя доказательства всегда были призываемы на помощь и объясненiе всякаго дѣла.

Изъ сказаннаго нами о расположенiи врожденномъ у глухо-нѣмыхъ къ рисованiю, можно заключить, что они легко могутъ отличаться въ этомъ искусствѣ и превзойти, безъ сомнѣнiя, всѣхъ вообще своихъ сверстниковъ. Ни мало не сомнительно, что они безъ большаго труда сдѣлаются превосходными копистами и легко будутъ успѣвать въ рисовкѣ портретной и въ практической перспективѣ; но еще далеко до генiя изобрѣтенiя и до того независимаго превосходства, къ коему предназначаетъ природа, но которое бываетъ слѣдствiемъ одного только ученаго образованiя. Однако и воображенiе иногда бываетъ столь удивительнымъ творцемъ, что глухо-нѣмой, не хуже всякаго другаго, можетъ также произвести свое образцовое творенiе; во всякомъ случаѣ, искусство рисованiя, особенно линѣйнаго, составляетъ основанiе столькихъ различныхъ ремеслъ, что сдѣлавшись заранѣе какъ-бы привычкою для глухо-нѣмаго, хотя-бъ сей послѣднiй никогда не постигъ духа его, все оно будетъ для него однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пособiй въ жизни. Столь высокая важ-

ность сего искусства въ воспитаніи глухо-нѣмыхъ, если не требуетъ доказательствъ, имѣетъ, быть можетъ, нужду въ томъ, чтобы сдѣлать ее гласною, ибо здѣсь рисованіе уже не забава, даже и не искусство, но для большаго числа изъ нихъ служить будетъ промысломъ пропитанія.

То же можно сказать о чистописаніи; а какъ это искусство мало имѣетъ правилъ, и начала его всѣ заключаются въ вѣрнѣйшемъ по возможности подражаніи прописи, то этимъ оно еще болѣе соразмѣрно съ способностію глухо-нѣмаго, которому достаточно будетъ долговременнаго употребленія, чтобы быть превосходнымъ каллиграфомъ.

Къ несчастію, — полагаемъ что то же бываетъ и въ большомъ числѣ училищъ, — двѣ причины препятствуютъ тому, чтобы глухо-нѣмой вообще пріобрѣлъ красивый почеркъ, хотя письмо его и весьма четко. Первая, что наставникъ, съ которымъ начинаетъ писать глухо-нѣмой, имѣя болѣе въ виду указывать ученику значеніе словъ, нежели очерченіе буквъ, пренебрегаетъ первоначальное назначеніе письма, отъ чего и рука получаетъ худой сгибъ, а письмо неловкость, столь трудно исправляемыя въ послѣдствіи. Во-вторыхъ, принятое употребленіе заставлять дитя писать единственно на большой доскѣ мѣломъ или на аспидной гри-

фелемъ, пріучаетъ руку тяготѣть на рисованной ею чертѣ, и такимъ образомъ дѣлаетъ письмо и тяжелымъ и грубымъ. Вы удивляетесь на доскѣ смѣлому и размѣренному ходу руки ученика, которая потомъ надъ бумагой будто трепещетъ и робко движется. Такъ-какъ глухо-нѣмой научается писать безъ труда, то оставляютъ его при его способности, и только въ концѣ онъ самъ собою согласится въ поздней уже необходимости упражняться съ трудомъ въ приведеніи полныхъ и тонкихъ чертъ буквъ, дабы сдѣлаться хорошимъ переписчикомъ и каллиграфомъ, но тогда и рукѣ его почти всегда недостаетъ ловкости. И такъ, чѣмъ чаще глухо-нѣмые будутъ писать мѣломъ или грифелемъ, тѣмъ чаще нужно будетъ подвергать ихъ правильному и прилежному переписыванію прописей, и искусный учитель чистописанія будетъ всегда приносить одну изъ самыхъ главныхъ для нихъ пользъ, которою не должно забывать какъ можно ранѣе подкрѣплять ихъ скудныя средства.

ГЛАВА XIX.

ОБЪ ИЗУСТНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Мы дошли теперь до привлекательнѣйшаго предмета въ воспитаніи глухо-нѣмаго и одного изъ достойнѣйшихъ занимать изслѣдованія искусства и великодушное вспомоществованіе человѣколюбія.

Вы просвѣтили разумъ глухо-нѣмаго, вы внесли въ его умъ утѣшительный свѣтильникъ нравственныхъ познаній, которыя составляютъ человѣка и болѣе всего приближаютъ его къ высокому его назначенію и къ тому верховному блаженству, котораго жаждетъ его душа; вы, наконецъ, поставили глухо-нѣмаго посредствомъ мысли въ сношеніе съ обществомъ, изъ коего природа, кажется, навсегда его изгнала: но если въ тоже время вы не открыли устъ его для испусканія слова, если вы не старались по возможности сохранить остатокъ иногда слуха, или замѣнить неизлечимый недостатокъ глухо-нѣмоты искуственнымъ произношеніемъ, или изощреніемъ взора его, уже привыкшаго читать звуки или

иногда догадываться объ нихъ посредствомъ аналогіи, то несчастный все таки останется на всю жизнь окруженъ безпредѣльнымъ мракомъ, который снисходительность одной только дружбы согласится иногда освѣтить на короткія мгновенія и въ который онъ снова погрузится съ сугубымъ отчаяніемъ.

Усовершенствованіе воспитанія глухо-нѣмаго, увѣнчаніе нравственнаго его возстановленія, введеніе его вновь въ нѣдро общества, состоитъ въ возвращеніи ему слова и въ удобномъ употребленіи членораздѣльнаго языка. Когда сообразимъ, что въ не маломъ числѣ училищъ глухо-нѣмыхъ, особенно въ Германіи, слово не только почитается важнымъ пріобрѣтеніемъ для глухонѣмаго, но кромѣ того и превосходнымъ способомъ развивать его понятливость, что потверждено самыми блистательными успѣхами; когда сообразимъ мы, что почтенный Аббатъ Де Лепе полагалъ, по собственному испытанію, что обученіе произношенія способно къ удивительной простотѣ, требующей только привычнаго надзора дядки-учителя, то мы въ правѣ удивляться, что въ столь многихъ другихъ заведеніяхъ до сихъ поръ не заботились о введеніи въ нихъ слова, если не какъ педагогическаго орудія, по крайней мѣрѣ, какъ необходимой и существенной части воспитанія глухо-нѣмыхъ. Между ними

находятся дѣйствительно такіе, которые представляютъ совершенную неспособность къ произношенію; но сколько бываетъ и такихъ, у которыхъ органы съ легкостію преклоняются къ образованію звуковъ, сколько изъ нихъ такихъ, которые говорили при выходѣ изъ колыбели, у коихъ уши, сдѣлавшіяся неспособными къ принятію звуковъ голоса, однако не совсѣмъ мертвы для потрясеній воздуха, и снова могли-бы открыться при усиліяхъ терпѣнія и искусства; наконецъ сколько изъ сихъ послѣднихъ, обладающихъ еще нѣкоторыми гулами человѣческаго голоса и чувствительными остатками слуха, имѣющими только нужду въ обработываніи, были, къ несчастію, смѣшиваемы съ совершенно глухо-нѣмыми, чтобъ скоро подобно имъ сдѣлаться неизлечимыми, нѣкоторымъ образомъ подобно лихорадочнымъ людямъ, осужденнымъ дышать однимъ воздухомъ съ зараженными.

Гораздо лучше было-бы послать этихъ полуглухихъ въ училища дѣтей говорящихъ, гдѣ весьма естественное усугубленіе вниманія и попечительности, вынуждаемое ихъ состояніемъ и усиливаемое множествомъ побужденій, происходящихъ отъ нужды и соревнованія, можетъ быть, вылечило-бы недостатокъ дотолѣ еще изцѣлимый.

Сюда же относится замѣчаніе, что большая часть глухо-нѣмыхъ, видѣнныхъ нами въ день ихъ принятія въ общество товарищей, болѣе или менѣе обладали запасомъ членообразныхъ звуковъ, очень понятныхъ для родителей или друзей, которые слѣдовательно составляли эскизъ изустнаго языка и коими можно-бъ было пользоваться до извѣстной степени, но которые чрезъ нѣсколько дней были вовсе забыты, или презрѣны изъ ложнаго стыда, ибо дитя дышало въ сферѣ однихъ нѣмыхъ и глухихъ, коимъ не было нужды въ сихъ звукахъ.

Если-жъ хотите чтобъ бѣдное дитя, сохранивше хотя малѣйшій слѣдъ слуха, вскорѣ лишилось его совершенно, вамъ стоитъ только помѣстить его между другихъ дѣтей вовсе глухихъ и нѣмыхъ; ни одна язва не сообщается съ такою быстротою.

Однако по тому самому, что дитя въ такой степени глухо, что не можетъ принять обыкновенныхъ звуковъ голоса, едва ли можно будетъ, кажется, иначе обработать слабый сохраненный имъ слухъ, какъ только силою легкихъ или посредствомъ необычайнаго грохота, и отъ этого-то бываетъ такъ мало средствъ спасенія.

Но сіе опасеніе исчезаетъ внезапно при простомъ замѣчаніи, что настоящій способъ обра-

зованія слуха, не совсѣмъ еще потеряннаго, не столько зависитъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, какъ отъ постояннаго произведенія звуковъ голоса самимъ ребенкомъ, котораго органъ надлежитъ возстановить. По мѣрѣ того, какъ это дитя безпрестанно будетъ упражняться въ произношеніи, непрерывное стучаніе голосныхъ звуковъ, сперва слабо дѣйствуя на уши, нечувствительно наконецъ смягчитъ оныя и побѣдитъ ихъ оцѣпенѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, одновременно съ дѣйствіемъ произношенія словъ существуетъ звукъ внутренній, отражающійся въ углубленныхъ извилинахъ головы и производящій въ нихъ нѣкоторое отраженіе, несравненно чувствительнѣйшее по причинѣ его близости, нежели звучныя дѣйствія внѣшнихъ тѣлъ; такъ что, если существуетъ хотя малѣйшій слѣдъ чувствительности во впадинахъ лабиринта уха, то она лучше всего будетъ возбуждаться и усиливаться ближайшими и непосредственными ударами голоса. Такимъ образомъ, органъ произношенія окажетъ въ подобномъ случаѣ чувству слуха большую преобразовательную услугу, которую слово обыкновенно получаетъ отъ ушей.

Даже возможно было-бы, заставляя дитя съ самаго начала увеличивать объемъ своего голоса и уменьшать его потомъ постепенно, смотря

по убывающему требованію слуха, довести сей послѣдній до того, чтобъ онъ могъ различать звуки обыкновеннаго произношенія; столько бываетъ таинства въ семъ могуществѣ нужды, соединенномъ съ привычкою, — этой чудесной силѣ, столь дальновидной во взорѣ опытнаго моряка, столь чуткой въ ушахъ степнаго жителя! Впрочемъ, и эта тугость, остающаяся слуху безъ надежды когда-либо болѣе смягчиться, найдетъ съ другой стороны чѣмъ замѣнять себя новыми пособіями слышанія, почерпнутыми въ теоріи произношенія; ибо если уши продолжаютъ все еще быть гораздо хуже, нежели какъ-бы надлежало, то глаза, привыкшіе съ своей стороны читать на губахъ, придутъ имъ на помощь, и такимъ образомъ установятъ удовлетворительное равновѣсіе.

Наконецъ, хотя и дитя страдало-бы совершенною и вовсе неизцѣлимою глухотою, довольно и того, что есть возможность научить его произношенію, дабы ничего не жалѣть, что только можетъ довести его до такого послѣдствія.

Не нужно говорить о безмѣрной для него пользѣ слова, хотя-бы и не совершенно ему возвращеннаго, какъ способа сообщенія; сверхъ того, какъ мы уже сказали, дитя получитъ отъ него и физическую выгоду благотворнымъ вліяніемъ, которое его усилія въ произведеніи

слова необходимо будутъ имѣть на его лёгкія и на всѣ члены, содѣйствующіе къ испусканію голоса.

Другая, также не маловажная польза присовокупляется къ предъидущимъ, то - есть легкость, которую пріобрѣтетъ глухо-нѣмой, дабы прочнѣе напечатлѣвать въ своей памяти и тѣснѣе усвоивать себѣ имена вещей, по мѣрѣ того, какъ онъ принужденъ будетъ пріобрѣтать болѣе, нежели мы, ключъ всего ихъ произношенія. Такъ какъ дѣйствительно чрезвычайная для глухо-нѣмыхъ трудность удержать, при помощи одинхъ глазъ своихъ, безпредѣльный порядокъ буквъ, составляющихъ слова, то они охотно употребляютъ, какъ вспоможеніе, посредничество тѣлодвиженія или дактилологической азбуки, которыя, слѣдственно, съ большею пользою будутъ замѣняемы выразительными движеніями органовъ, требуемыми игрою произношенія, и которыя каждое слово, такъ сказать, заклеймятъ клеймомъ неизгладимымъ.

Какія же теперь необходимыя условія, дабы сдѣлать обученіе слова возможнымъ и удовлетворительнымъ въ училищахъ глухо-нѣмыхъ? Два первыя и самыя важныя будутъ: совершенно отдѣлять глухо-нѣмыхъ, почитаемыхъ способными къ изученію слова, отъ ихъ

товарищей неспособныхъ; если-же это невозможно, то запрещать имъ, при всякомъ случаѣ, употребленіе пантомимы въ ихъ сношеніяхъ. Знаки въ особенности такъ увлекаютъ въ свою пользу пристрастіе глухо-нѣмыхъ, что сколь-бы полезны они ни были вначалѣ, становятся въ послѣдствіи, когда поощряются, самымъ большимъ препятствіемъ къ преуспѣянію ученія и непремѣнно убьютъ искуственное произношеніе, слишкомъ уже само собою скучное и непривлекательное. Съ другой стороны, предубѣжденіе, питаемое глухо-нѣмыми противъ употребленія слова, скоро превратилось-бы для тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ исключены изъ всякаго соучастія въ семъ послѣднемъ, въ какое-то пристрастное осмѣяніе, которое напало-бы безъ пощады на говорящихъ товарищей, не безъ вредныхъ для нихъ послѣдствій.

Однако, такъ-какъ дитя не слишкомъ скоро будетъ въ состояніи употреблять членораздѣльное слово, какъ двойной способъ понимать и быть понимаемымъ, то надобно остерегаться, чтобы вовсе запрещая ему знаки, не обрекать его на совершенную нѣмоту; почему и необходимо будетъ позволять ему посредствомъ ручной азбуки употребленіе письменнаго языка, котораго простѣйшимъ словамъ онъ скоро научится, и не надобно бояться, смотря на трудность

такого орудія, что онъ сдѣлаетъ его, подобно мимическому языку, исключительнымъ предметомъ своего предпочтенія; при томъ оный сдѣлается такимъ образомъ болѣе ему знакомымъ и въ послѣдствіи доставитъ ему, съ большею легкостію, совсѣмъ готовую пищу, какой потребуетъ тогда произношеніе.

При семъ представляется одно замѣчаніе, что сдѣлавши опытъ соединить глухо-нѣмыхъ вмѣстѣ съ слѣпыми въ одно заведеніе, не испытывали также другаго способа, можетъ быть, болѣе и полезнаго и основательнаго, воспитывать нѣсколькихъ слышащихъ и говорящихъ дѣтей вмѣстѣ съ глухо-нѣмыми. Въ самомъ дѣлѣ, если употребляемое въ обыкновенныхъ училищахъ преподаваніе не годится для глухо-нѣмаго, этого нельзя сказать о образѣ наставленія, свойственномъ сему послѣднему, которое не менѣе превосходно и для дитяти, пользующагося всѣми своими чувствами: потому-что если и требуетъ оно отъ него въ первыхъ фазахъ воспитанія замедленія въ ходѣ, за то также и дастъ оному болѣе прочности и твердости. Такимъ образомъ, дитя говорящее въ этомъ ничего не проиграло-бы, а глухо-нѣмое притомъ чрезвычайно бы выиграло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій подобный сему способъ, который можетъ умножить упражненіе въ произноше-

ніи и употребленіе слова, достоинъ полнаго съ нашей стороны вниманія, и дѣйствительно кажется, что желающему выучиться говорить болѣе всего необходимо находиться, какъ можно чаще, въ кругу говорящихъ. Отъ чего проистечетъ другая еще выгода: удобность составить такимъ образомъ разсадникъ хорошихъ наставниковъ, которые будучи друзьями младенчества глухо-нѣмыхъ, и узнавъ ихъ гораздо лучше, тѣмъ вѣрнѣе проникали-бы въ послѣдствіи въ естество ихъ способностей и умственной силы.

Теорія произношенія впрочемъ сама собою и проста и удобопонятна; она вообще почти вся состоитъ въ подражаніи, и чѣмъ моложе глухой, тѣмъ болѣе способенъ онъ въ томъ успѣвать. Почему нѣкоторые наставники и начинаютъ обученіе глухо-нѣмаго произношеніемъ, и продолжаютъ требовать постепенно отъ своего ученика, чтобы онъ складывалъ по слогамъ всякій новый терминъ, употребляя слово главнѣйшимъ способомъ преподаванія: между тѣмъ какъ другіе, боясь медленности и трудности, какія представляетъ вначалѣ разсудительное употребленіе членообразнаго языка, пользуются симъ послѣднимъ, не какъ способомъ образовать понятливость, но какъ вспоможеніемъ и пополненіемъ воспитанія.

Однако, какъ ни мало бываетъ число глухо-нѣмыхъ, неспособныхъ къ изустному языку, или у коихъ органы очень трудно и несовершенно повинуются его употребленію, кажется, что мы подвергали-бы ихъ образованіе явной опасности, если-бъ хотѣли, чтобъ оно зависѣло отъ такого орудія, до котораго они никогда не достигнутъ, или которое легко можетъ ихъ устрашить своими терніями.

Сіе разсужденіе должно заставить насъ предпочитать средство, по природѣ своей свойственное всѣмъ вообще глухо-нѣмымъ, то-есть языкъ письменный, какъ педагогическое орудіе, на которомъ позже и своевременно будетъ основано ученіе произношенія, которое составляя изъятіе, не можетъ служить всеобщею основою.

Но для тѣхъ изъ глухо-нѣмыхъ, которые наслаждаясь остаткомъ слуха, или говорившіи до своей глухоты, и обладая нѣкоторымъ воспоминаніемъ языка, или которые наконецъ одарены рѣдкою способностію подражать движеніямъ, происходящимъ отъ произношенія, окажутъ съ первыхъ опытовъ отмѣнную способность къ изученію слова, для тѣхъ, говорю я, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что членораздѣльный языкъ можетъ замѣнить всѣ прочіе способы наставленія, что онъ даже лучше всѣхъ, то-есть кратче и положительнѣе.

Мы видѣли два примѣра глухо нѣмыхъ, сдѣлавшихся такими отъ болѣзней, одинъ на 5-мъ, другой на 8-мъ году отъ рожденія. Оба сохранили слуха именно столько, что могли слышать ближайшій выстрѣлъ пушки, такъ что и Стенторовъ (*) голосъ не подѣйствовалъ бы на ихъ ушной барабанчикъ. И такъ, нельзя было учить ихъ обыкновенными способами. Но послѣдній изъ нихъ немедленно былъ брошенъ посреди глухо-нѣмыхъ, имѣющихъ вмѣсто языка немного только письма и много пантомимы, и скоро вовсе забылъ языкъ, дотолѣ имъ говоренный. Съ нимъ нужно было тогда обходиться какъ съ послѣднимъ глухимъ отъ рожденія, надъ которымъ даже не было возможно заставить его первенствовать.

А первый, у коего запасъ языка натурально былъ гораздо ограниченнѣе, къ счастію встрѣтилъ, въ бѣдствіи своего положенія, мать благоразумную, которая огнемъ своей нѣжности счастливо разогрѣла слабыя сѣмена, насажденныя словомъ въ умѣ ребенка; она требовала отъ него чтобъ онъ прежде наименовалъ каждый предметъ своего желанія, если хочетъ получить его; чтобъ онъ говорилъ какъ умѣлъ, и

(*) Стенторъ, Грекъ прославленный Гомеромъ за громкость его голоса.

она собрала, сохранила почти въ ихъ цѣлости всѣ обломки кораблекрушенія, тщательно ихъ лелѣяла, усиливалась даже ихъ обогатить, такъ что понятіе молодаго глухаго, ростя постепенно, будучи такъ питаемо пріобрѣтеніями его памяти, совершило съ лѣтами обыкновенное свое развитіе, и когда была ему тогда предлагаема пища болѣе питательная посредствомъ книгъ и письма, дитя призвало на помощь свой скудный запасъ языка, грамматики, логики, которымъ жило дотолѣ, увеличило его посредствомъ подобій, сравненій, размышленія, и хотя оно было совершенно глухо, и почти столь же нѣмо, произнося неудобопонятно по недостатку надлежащаго упражненія, но все же однако, благодаря продолжающемуся побужденію изустнаго языка, обладало обширнымъ преимуществомъ надъ глухими своими соперниками, ибо имѣло свой образъ видѣть, думать и разумѣть сообразный съ нашимъ, долгое время бывающимъ для глухо-нѣмыхъ весьма трудною задачею.

И такъ, говорили мы, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію дѣйствительность членораздѣльнаго языка относительно обученія тѣхъ, которые уже пользовались даромъ слова или расположены пріобрѣсть его; разумѣется, что и онъ не можетъ, во всякомъ случаѣ, обой-

тись безъ письма, и изъ благовременнаго ихъ сліянія, которому бы изъ нихъ ни принадлежало первенство, составляется самое полное наставленіе, какое только можно доставить глухо-нѣмому.

Между наставниками, пусть одни имѣютъ столько ревности и искусства, чтобы почитать изустный языкъ орудіемъ, способнымъ къ просвѣщенію разума глухо-нѣмаго; пусть другіе довольствуются употреблять его, какъ способъ сообщенія, самый важный для его пользы; тѣ и другіе равно достигнутъ цѣли, хотя различными путями. Они дойдутъ къ ней особенно тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе досуговъ будутъ посвящать своимъ ученикамъ, для которыхъ самыя лучшія умозрѣнія безполезны, если не опираются на ежедневной и постоянной практикѣ; глухо-нѣмые особенно, учащіеся говорить, болѣе другихъ нуждаются въ этомъ искреннемъ и отеческомъ попеченіи, безъ чего будетъ дѣло совсѣмъ безполезное, учить ихъ механически произносить нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ; вообще, весьма справедливо сказано, и въ этомъ ссылаюсь на свидѣтельство всѣхъ тѣхъ, кои занимались наставленіемъ глухо-нѣмыхъ, что, дабы дать симъ несчастнымъ удовлетворительное воспитаніе, надобно сдѣлать для нихъ училище менѣе школою, не-

жели семействомъ, въ которое вступаютъ они просто какъ сыны природы, дабы получить въ немъ постепенно наставленія матери, которыхъ для нихъ не достало, и домашнее воспитаніе, коего не могли они понимать, и чтобы выйти потомъ изъ него, уже людьми общественными, которые сами себѣ могутъ быть путеводителями на поприщѣ жизни.

Нынѣ же, когда искусство вышло уже изъ своего дѣтства, когда долговременныя его колебанія, кажется, уже наконецъ наклонили вѣсы къ методѣ произношенія, нельзя не желать, чтобы скоро несчастное дитя, у коего сохранился хотя малѣйшій остатокъ слова или слуха, ища убѣжища бѣдствію своему въ училищѣ, не встрѣтило въ немъ напротивъ бездны, долженствующей поглотить послѣднюю его надежду и совершить расторженіе его съ обществомъ говорящихъ; но чтобъ оно было столь счастливо, дабы найти это необходимое соединеніе искусства и терпѣливости, просвѣщенія и дружбы, которое, озаряя разумъ, открыло бы совершенно его уши и развязало языкъ. Сдѣланъ уже опытъ, успѣхъ увѣнчалъ его; остается одна добрая воля: *ab esse ad posse valet consequentia.*

ГЛАВА XX.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ РОДИТЕЛЯМЪ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Родителямъ, имѣющимъ къ несчастію своему глухо-нѣмыхъ дѣтей, мы прежде всего посовѣтуемъ отбросить старый предразсудокъ, по которому доселѣ еще, въ нѣкоторыхъ странахъ, этотъ разрядъ людей, конечно обиженныхъ природою, почитается какъ бы только пустымъ подобіемъ человѣка, имѣющимъ чисто скотское и прозябательное существованіе, за родъ автоматовъ, о которыхъ не стоитъ заботиться, и которыхъ надлежитъ предоставить ничтожеству ихъ состоянія.

Если такой предразсудокъ былъ столь силенъ, что могъ заглушить родительскій голосъ и обезсилить священные узы родства, то вѣра и человѣколюбіе наконецъ ниспровергли оный и уже давно призвали помощь науки и ея наблюденія въ пользу умилительной участи существъ, которыя, каковы-бы ни были, тѣмъ не менѣе намъ подобны и одарены, какъ и мы, душею сотворенною для безсмертія, сердцемъ и головою способными чувствовать и мыслить. До-

*

стойно любви родительской, живо пристраститься къ этой утѣшительной истинѣ; и какъ лишеніе слуха можетъ быть почитаемо, относительно къ своимъ послѣдствіямъ, какъ настоящее нравственное изуродованіе, то надобно, чтобъ отцы семействъ къ несчастному своему глухо-нѣмому такую же питали нѣжность, какъ и къ ребенку, несчастнымъ случаемъ лишенному какого-либо члена, или безобразному и уродливому отъ природы. Отъ этого они не отказываются, не стыдятся его любить и отличать даже отъ братьевъ его не столь несчастныхъ.

Но любовь, и самое пристрастіе, которыя глухо-нѣмой былъ-бы довольно счастливъ встрѣтить въ членахъ своего семейства, требуютъ нѣкоторыхъ еще условій, чтобъ быть ему полезными; надобно, чтобъ они были разумны, дѣятельны и мужественны. Испытаемъ представить здѣсь нѣкоторыя въ особенности изъ сихъ свѣдѣній, которыя могли бы оплодотворить первыя попеченія, какихъ требуетъ младенчество глухо-нѣмаго.

Нога дитяти едва только освободилась отъ связей колыбели, какъ оно спѣшитъ уже посѣтить окружающіе его предметы; оно ихъ трогаетъ, ощупываетъ, какъ можно чаще, ломаетъ, чтобъ лучше ихъ разсмотрѣть; ихъ об-

разъ впечатлѣвается въ его мысли; скоро они составляютъ умозрительное достояніе раждающагося его понятія.

Такимъ образомъ и глухо-нѣмой получаетъ первый урокъ въ искусствѣ пріобрѣтенія понятій.

Слѣдуйте же за нимъ въ инстинктномъ ходѣ дѣтскихъ его изслѣдованій. Отнимите у него наминуту любимый предметъ его любопытства, и посмотрите, какъ нужда взять его обратно внушитъ ему истинное показаніе, точный знакъ напоминающій его присутствіе. Не надобно пренебрегать сей первой помощи, которую дитя само себѣ создало; постарайтесь скорѣе понимать стихіи этого языка, вспомоществовать дитяти въ его развитіи, и это-то будетъ самое большое благодѣяніе, самый драгоцѣнный знакъ любви, какія только оно можетъ отъ насъ получить. Связь сообщенія тѣмъ самымъ будетъ установлена, она будетъ усиливаться, распространяться и сдѣлается первымъ и превосходнымъ способомъ наставленія.

По мѣрѣ того, какъ нѣмой младенецъ достигнетъ до возраста развитія разума, надобно будетъ спѣшить призвать письмо на помощь природной пантомимѣ, и это отнюдь не трудно. Начертите на аспидной доскѣ слово *крестъ*; нарисуйте и крестъ подлѣ писаннаго слова,

потребуйте отъ дитяти, чтобъ оно показало пальцемъ самый предметъ; сотрите рисунокъ и какъ имя останется одно, то пусть глухо-нѣмой перепишетъ одну за другою отдѣльныя буквы, пока его память не овладѣетъ ими, и по простому показанію креста, онъ будетъ въ состояніи переписать его названіе. Вовсе не нужно заставлять его учиться азбукѣ; это упражненіе утомило бы его, ничему не научивъ: онъ будетъ знать всю азбуку, не умѣя еще написать двухъ дюжинъ словъ. Научите его такимъ образомъ именамъ главнѣйшихъ предметовъ его окружающихъ, частей человѣческаго тѣла, мебели, одѣяній, и прочаго. Глухо-нѣмой, впрочемъ хорошо организованный, почти никогда не лишенъ понятія и прозорливости, но память письменныхъ словъ чаще измѣняетъ ему; онъ столь-же долго, какъ и другой, сохраняетъ воспоминаніе какого-либо происшествія, но безпрестанно забываетъ порядокъ стихій словъ, перемѣшиваетъ ихъ, если заранѣе его память не была обработана упорными и безпрерывными трудами.

Слѣдовательно, надлежитъ требовать, чтобы глухо-нѣмой, какъ можно скорѣе началъ отказываться отъ употребленія своей пантомимы въ пользу письма; а чтобъ облегчить и сдѣлать всегда и вездѣ удобоисполнимыми сообщенія по-

средствомъ письма, должно будетъ привыкать употреблять вмѣстѣ съ нимъ ручную азбуку, уже привлекательную для него однимъ своимъ сходствомъ съ мимикою, и стараться, чтобъ эта азбука сдѣлалась обыкновеннымъ его орудіемъ въ разговорѣ. Постоянное употребленіе оной сдѣлалось-бы даже весьма важнымъ, когда глухо-нѣмой могъ-бы владѣть ею почти такъ же ловко какъ мы словомъ, и глаза его пріучились читать какъ въ книгѣ на пальцахъ разговаривающаго; нѣтъ сомнѣнія, что онъ можетъ такимъ образомъ выучиться языку помощію одной привычки и чрезъ частое повтореніе, какъ то бываетъ съ обыкновенными дѣтьми.

Намъ нерѣдко удавалось удостовѣриться въ истинѣ сего утвержденія; мы столько разъ видали глухо-нѣмыхъ, переговаривавшихся промежь собой, посредствомъ разныхъ буквъ, предложеніями и длинными фразами съ отмѣнною ловкостію; мы даже замѣтили, что дактилогическая азбука болѣе представляетъ согласія съ разумомъ глухо-нѣмаго, нежели буквы, начертанныя на бумагѣ; сіи послѣднія говорятъ однимъ только глазамъ и нѣкоторымъ образомъ не имѣютъ тѣла, тогда какъ буквы, изображаемыя пальцами, имѣютъ сложеніе, существующее вмѣстѣ и для глазъ и для осязанія, и ихъ впечатлѣніе болѣе чувствительно и прочно; по

этому-то наши глухо-нѣмые, когда должны выучить какой-нибудь урокъ наизустъ, такъ, чтобъ были въ состояніи переписать въ цѣлости всѣ его термины, всегда употребляютъ для сего пальцы и повторяютъ каждую букву посредствомъ своей азбуки, какъ говорящій ученикъ повторяетъ вслухъ всякое слово, дабы впечатлѣть его въ памяти.

Изъ утвержденнаго нами выше о составленіи разговорной пантомимы, взаимно удобопонятной глухо-нѣмому, видно, что она въ послѣдствіи можетъ замѣнить всякое постороннее изъясненіе; каждое слово, каждое новое выраженіе, будетъ изъяснено, коль скоро понадобится, посредствомъ соотвѣтствующаго ему знака, и изученіе письменнаго языка можетъ такимъ образомъ довершиться съ помощію однихъ переводовъ.

Какъ здѣсь идетъ дѣло объ отысканіи лучшаго способа наставленія для глухо-нѣмаго, удобоупотребительнаго и для родственниковъ и для знакомыхъ, то легко понять, по какой причинѣ мы не предлагаемъ хода существенно - методическаго и разумнаго; ибо вовсе не нужно будетъ здѣсь быть грамматикомъ или ученымъ; довольно обладать мимическимъ языкомъ глухо-нѣмаго, знать грамоту, и главное—слѣдовать побужденію обстоятельствъ или

нужды. Этотъ путь, конечно, весьма обыкновененъ; онъ не доведетъ глухо-нѣмаго до учености, но доставитъ ему довольное число употребительнѣйшихъ познаній, такъ чтобы онъ могъ въ обществѣ, безъ большаго труда, прилично отвѣчать на вопросы и поддерживать бесѣду

Совѣтуя заставлять сперва глухо-нѣмаго ребенка выучить ряды существительныхъ именъ, мы предлагали простое средство пріучать первоначально его память къ порядку буквъ при составленіи словъ; но должно будетъ не распространять неопредѣленно это сухое наименованіе; присовокуплять къ нему въ послѣдствіи методически прилагательныя имена, потомъ глаголы, нарѣчія и предлоги; такой родъ изложенія требуетъ нѣкотораго искусства и свѣдѣній, какихъ не у всякаго предполагать можно; глухо-нѣмой не столько будетъ учиться чертить слова, сколько записывать понятія; словомъ, онъ сдѣлаетъ какъ всякій лишенный образованія и говорящій на своемъ только языкѣ, такъ какъ онъ слышалъ отъ другихъ, и не умѣя никогда отличить имя отъ глагола. Такимъ образомъ вы заставите, напримѣръ, молодаго нѣмаго замѣтить различныя дѣйствія, обыкновенныя или случайныя, наполняющія кругъ его дня; онъ встаетъ, одѣвается, молит-

ся Богу, посѣщаетъ знакомыхъ, бесѣдуетъ съ ними; онъ былъ доволенъ, онъ печалился; наконецъ вы заставите его переложить въ короткія и легкія фразы, эти многочисленные случаи, столь разнообразные въ семейственныхъ и общественныхъ сношеніяхъ, и въ вѣрности которыхъ можете легко убѣдиться, сличивъ описаніе съ существенностію.

Но ежели такимъ образомъ дитя можетъ въ самомъ дѣлѣ, безъ большихъ усилій, достигнуть до удовлетворительнаго познанія существеннаго міра и до искусства понятно выражать главныя его явленія и состояніе вещей, то нѣкоторые, можетъ быть, почтутъ себя въ правѣ возразить, что во всемъ этомъ трудѣ нѣтъ ни одного нравственнаго понятія, которое-бы могло проникнуть въ его сердце; голова такимъ образомъ легко можетъ принять въ себя изображенія существъ, ихъ дѣйствія и измѣненія, весьма истинныя, весьма естественныя, но изъ коихъ не блеснетъ ни одинъ лучь, способный озарить душу свѣтомъ вѣры, добродѣтели, нравственнаго познанія добра и зла, наконецъ познаніемъ Бога, управляющаго вселенною, и назначенія человѣка, имъ созданнаго.

Мы скажемъ въ отвѣтъ, что ежедневно видимъ въ обществѣ людей изъ простаго сословія, безграмотныхъ и большихъ невѣждъ, которые

не могли понять ни какого доказательства или изъясненія относительно сихъ возвышенныхъ предметовъ, но которыхъ неизвѣстное существованіе мирно течетъ въ исполненіи добра и соблюденіи долга. Имъ сказано было, что есть Богъ, и они вѣруютъ въ него, ему покланяются; имъ сказали, что есть жизнь вѣчная, въ которой честный и добрый получитъ себѣ воздаяніе, и они живутъ въ надеждѣ заслужить ее: сѣмя сихъ истинъ они носили въ самихъ себѣ; самая ничтожная причина достаточна была чтобъ развить оное. И такъ, глухо-нѣмой услышитъ внутренній голосъ души, повелѣвающій ему любить мать свою, помогать страждущему, жертвовать собою за благодѣтеля, заступаться за слабаго и угнетеннаго; довольно будетъ, такъ сказать, заставить его переписать отвлеченныя выраженія, коими изображаются эти чувствованія. Пойдемъ далѣе. Пусть смерть похититъ у васъ отца, — глухо-нѣмой увидитъ ваши слезы, увидитъ ваши глаза, поднятые къ небу; быть можетъ и безъ этого видѣлъ онъ иногда истинную набожность умоляющую Всевышняго; видѣлъ и громъ устрашающій, и бурю, и яркія молніи въ небѣ; видѣлъ и человѣка изумленнаго величествомъ такого зрѣлища; тогда наименовать ему Бога и показать небо: вотъ какъ дадите вы его разуму истинное

понятіе о великомъ словѣ, познанія котораго онъ жаждалъ, и здѣсь также писанныя слова будутъ только естественнымъ переписаніемъ впечатлѣній, врѣзавшихся въ его душу.

Поступая такимъ образомъ, и не возвышаясь до познанія метафизическаго слова, развѣ только на основаніи какого либо дѣла или случая, которыя могутъ пояснить естество онаго, мы дойдемъ до рода изъясненія, самаго благоразумнаго и основательнаго.

Возьмемъ на удачу два или три отвлеченныя слова, точное понятіе которыхъ, можно полагать, что родственникъ или другъ глухо-нѣмаго съ трудомъ успѣетъ сообщить ему.

Привычка. Хотите ли оградить сіе отвлеченное слово новыми отвлеченностями, которыя сдѣлаютъ его недоступнымъ разсудку бѣднаго глухо-нѣмаго? Тогда скажите ему: привычка есть наклонность, пріобрѣтенная многократнымъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій. Но нѣтъ, вы хотите, чтобы дитя ваше изъяснялось, не столько сообразно съ книжною логикою, сколько съ здравымъ смысломъ, и какъ имѣющее точное понятіе о томъ, что говоритъ; въ такомъ случаѣ вы ему скажете: вчера я обѣдалъ въ четыре часа; сего дня, завтра, послѣ завтра, всякій день обѣдаю въ одномъ и

томъ же часу; обѣдать въ четыре часа есть моя привычка.

Вѣрить. Вашъ братъ никогда меня не обманывалъ; зачѣмъ-бы онъ обманулъ меня въ этотъ разъ; то, что онъ говоритъ мнѣ, весьма достойно вѣроятія; впрочемъ ни въ взглядѣ, ни въ голосѣ его не было ничего, чтобы могло сдѣлать сомнительною истину его словъ; самъ я того не видалъ, что онъ сказалъ, однако вѣрю вашему брату, я увѣренъ въ правдѣ имъ сказаннаго; можетъ быть я и ошибаюсь, но все же я вѣрю.

Повиновеніе. Мой отецъ велитъ мнѣ работать, я работаю; велитъ мнѣ итти въ церковь, я иду; не велитъ играть, я не играю; запретилъ лгать, я никогда не лгу; такъ я повинуюсь отцу.

Остановимся здѣсь, потому что желая предложить только нѣкоторыя указанія, полезныя при началѣ умственнаго развитія молодаго глухо-нѣмаго, мы почти дошли до тѣхъ высшихъ на семъ поприщѣ точекъ, до которыхъ онъ и тогда достигаетъ съ трудомъ, когда поддерживаетъ его рука опытная и искусная. Это однако ни сколько не отвергаетъ заключенія, которое мы желаемъ вывести изъ предъидущихъ разсужденій, именно о возможности доставить удовлетворительное образованіе глухо-нѣмому

въ нѣдрѣ его семейства и безъ значительнаго употребленія ученыхъ пособій.

Однако жъ родители, наиболѣе расположенные сему слѣдовать, будутъ чувствовать недостатокъ въ образцѣ приложенія, то-есть въ собраніи тѣхъ словъ и фразъ, которыя могли-бы измѣняться, смотря по обстоятельствамъ; въ выборѣ тѣхъ простыхъ объясненій, которыя-бы облегчили путь; наконецъ, въ перечнѣ полнаго курса языка и простаго домашняго обученія. По чему мы сочли-бы себя счастливыми и какъ-бы достигшими предѣла своего поприща, на которое уже довольно лѣтъ какъ вступили, если-бъ другія постороннія обстоятельства не отнимали у насъ значительнаго времени, и если-бъ могли мы трудиться исключительно для глухо-нѣмыхъ, и окончательно обработать наши эскизы, и въ особенности это важное руководство, необходимое для глухо-нѣмаго до принятія его въ училище, и еще болѣе нужное для того, кто не можетъ никогда воспользоваться этимъ счастіемъ.

ГЛАВА XXI.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПАНТОМИМЫ КЪ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ. — ГРАФИЧЕСКІЕ ЗНАКИ АНАЛИТИКИ. — МИМИЧЕСКІЕ ЗНАКИ НАРѢЧІЙ И ПРЕДЛОГОВЪ.

Мы уже замѣтили о грамматическихъ знакахъ, что они могли-бы вредить обученію, если-бъ безразсудно начинали вводить для глухонѣмаго преждевременное ихъ употребленіе; но когда уже достигли до извѣстной степени; когда память ученика обогащена словами, выраженіями и фразами, которымъ онъ привыкъ придавать видъ, требуемый обстоятельствомъ; когда онъ наконецъ обладаетъ языкомъ, достаточнымъ для выраженія обыкновенныхъ понятій, тогда становится необходимымъ, для облегченія дальнѣйшихъ его успѣховъ, пріучать его разбирать стихіи рѣчи, отличать ихъ отношенія и давать себѣ отчетъ въ оныхъ. Тогда уже никакой нѣтъ опасности прибѣгать для того къ воспоминательнымъ знакамъ, довольно опредѣленнымъ, и которые будучи приняты въ самомъ естествѣ ими представленнаго термина, постоянно означаютъ смыслъ онаго и знамено-

ваніе, не менѣе ясно, какъ то могло-бы и самое опредѣленіе.

Имя существительное. Правая рука, горизонтально открытая, ладонью внизъ, полагается подъ лѣвою, какъ-будто-бы для того, чтобы служить ей подпорою. (*stans sub.*)

Прилагательное имя. Правая рука, напротивъ, полагается на лѣвую, какъ-будто чтобы дать знать, что качества нѣкоторымъ образомъ покрываютъ существа.

Единственное число. Дѣлается знакъ единицы, подымая большой палецъ.

Множественное число. Знакъ множества, который дѣлается, шевеля нѣсколько разъ всѣми пальцами вмѣстѣ. Знаки чиселъ опредѣляются прибавленіемъ собственнаго знака имени, прилагательнаго, или глагола.

Мужескій родъ. Знакъ человѣка, будто снимающаго шляпу.

Родъ женскій. Знакъ женщины, который дѣлается, трогая серьги, или просто мочку уха. (*)

(*) Глухо-нѣмой, дитя природы, означаетъ мужчину, бодро показывая покрывающую лице его бороду, тогда-какъ женщину представляетъ онъ, изображая обѣими руками выпуклости на груди. То, что означеніе родовъ посредствомъ пола мужчины и женщины представляетъ страннаго или пустаго, есть слѣдствіе составленія нашихъ языковъ и образованія грамматической ихъ терминологіи, и конечно не болѣе, напримѣръ, смѣшно присо-

Средній родъ. То-есть ни мужескій, ни женскій; что выражается, проводя пальцы правой руки между указательнымъ и среднимъ пальцемъ лѣвой.

Склоненія: именительный, родительный, и проч. *падежи.* Открывается постепенно каждый палецъ правой руки, начиная съ большаго, между тѣмъ какъ опускается внизъ рука, останавливаясь на большомъ пальцѣ, или второмъ, или третьемъ, и проч., смотря по порядку того падежа, который надлежитъ выразить. Сей образъ означенія самый простой; слѣдующій же болѣе основателенъ.

Именительный. Дѣлаешь какъ-будто пишешь какое-либо имя на плоскости ладони лѣвой руки.

Родительный. Представляется знакъ принадлежности, приводя къ груди открытую правую руку, ладонью внутри (*), какъ то дѣлаемъ, когда хотимъ выразить, что принадлежитъ намъ какая-нибудь вещь.

единить въ мимикѣ къ слову *домъ* знакъ мужчины, чѣмъ приписывать ему, безо всякой аналогіи, необходимость мужескаго рода. Это здѣсь не что иное, какъ условіе, замѣняющее условіе.

(*) Т. е. къ груди. Кстати: замѣтимъ, что мы употребляемъ здѣсь четыре различные термина, смотря по положенію кисти: ладонь внутри, т. е. обращенная къ груди; внѣ, т. е. обратно; ладонь внизъ или вверхъ, по мѣрѣ направленія ея къ землѣ или вверхъ.

Дательный. Знакъ стремленія, направляя оконечность пальца указательнаго впередъ.

Винительный. Опускаются обѣ руки по бокамъ, какъ-будто предаешь себя на произволъ другаго. Тѣмъ же самымъ знакомъ выражаются сказуемое и страдательный глаголъ.

Звательный. Открываешь ротъ и глаза, будто-бы призывая или лица предмета.

Творительный. Дѣлается знакъ силы, крѣпко натягивая обѣ руки, сжавъ кулаки.

Предложный. Большой палецъ правой руки, одинъ только поднятый, обращается назадъ надъ плечами, и какъ-бы показываетъ какой-либо предметъ поставленный въ сторонѣ, между тѣмъ, какъ голова легко наклоняется на плечо, будто для подтвержденія сего показанія.

Сравнительная степень. Обѣ горизонтально открытыя руки, одна подлѣ другой, передъ грудью, уравновѣшиваются попеременно, подобно чашамъ вѣсовъ.

Высшая степень. Обѣ руки находятся въ предъидущемъ положеніи и правая чувствительно поднимается выше лѣвой.

Нисшая степень. Знакъ сравнительной, а правая опускается ниже лѣвой.

Сравнительная равенства. Обѣ руки качаются и уравниваются одна наравнѣ съ другою.

Превосходная степень относительная. Всѣ пальцы закрыты, исключая большаго, который быстро поднимается вверхъ. Лице выражаетъ важность.

Превосходная степень совершенная. Правая рука поднимается тремя постепенностями выше головы.

Мѣстоименіе. Дѣлаешь движеніе обоими указательными пальцами, перпендикулярно обращенными внизъ, какъ-будто желаешь всадить оные въ землю.

Мѣстоименіе личное. Знакъ предъидущій, потомъ большой и указательный пальцы правой руки описываютъ округлость лица. (personae.)

Первое лице. Говорящее лице направляетъ кончикъ указательнаго къ груди своей.

Второе лице. Указательный палецъ направляю впередъ передъ собою.

Третье лице. Дѣлаю какъ-будто показываю большимъ пальцемъ какую-нибудь особу, находящуюся у меня вправѣ сзади.

Множественное перваго лица. Указательный, сперва обращенный къ груди, описываетъ потомъ кривую горизонтальную линію слѣва направо.

Множественное втораго лица. Указательный, не обращаясь къ груди, описываетъ помянутую круговую линію.

*

Множественное третьяго лица. Къ собственному знаку сего лица прибавляется знакъ множества.

Мѣстоименіе притяжательное. Опираю ладонь правой руки на грудь, какъ-будто желая выразить, что такая - то вещь дѣйствительно моя. Означается въ то же время обладающее лице, такимъ-же образомъ, какъ мы выше сказали, замѣняя только указательный палецъ внѣшнимъ лицемъ руки.

Мѣстоименіе указательное. Протягивается впередъ указательный палецъ, какъ-бы для того, чтобы показать какой-либо предметъ, сопровождая это движеніе взоромъ.

Мѣстоименіе относительное. Правый указательный кладется, описывая кривую линію, на указательный лѣвой руки, чѣмъ выражается связь отношенія между послѣдующимъ и предъидущимъ.

Мѣстоименіе вопросительное. Обѣ руки открытыя, ладонью вверхъ, быстро направляются впередъ, между тѣмъ какъ голова дѣлаетъ легкое движеніе назадъ.

Мѣстоименіе неопредѣленное. Всѣ пять пальцевъ открываются постепенно, начиная съ большаго, между-тѣмъ-какъ рука идетъ кругомъ съ лѣвой стороны къ правой. Лице выражаетъ недоумѣніе.

Глаголъ. Правая и лѣвая руки, представляющія, какъ уже было сказано, существительное и прилагательное, открываются отдѣльно одна отъ другой, и въ этомъ положеніи сближаются, чтобъ соединиться горизонтально. Глаголъ считается такимъ образомъ какъ-бы связкою двухъ терминовъ предложенія.

Глаголъ дѣйствительный. Знакъ глагола, прибавляя къ оному знакъ силы или могущества, вышеописанный.

Глаголъ страдательный. Знакъ глагола, вмѣстѣ съ знакомъ страдательности, который состоитъ въ опущеніи обѣихъ рукъ вдоль тѣла.

Глаголъ средній. Знакъ глагола и знакъ слова «средній», описанный при статьѣ о родахъ.

Глаголъ возвратный. Знакъ глагола, потомъ ладонь правой руки ударяется о грудь.

Глаголъ безличный. Двойной знакъ глагола и третьяго лица.

Время настоящее. Обѣ открытыя руки, ладонью вверхъ, опускаются и живо останавливаются предъ грудью.

Прошедшее. Правая рука бросается назадъ надъ плечомъ.

Будущее. Правая рука, вертикально лежащая, скользитъ впередъ.

Причастіе. Двойной знакъ глагола и имени прилагательнаго.

Предлогъ. Обѣ руки открываются перпендикулярно, съ ладонью впереди, по высотѣ лица. Къ чему прибавляется, въ случаѣ нужды, знакъ имени.

Союзъ. Оба указательные пальцы соединяются въ крюкъ.

Нарѣчіе. Знакъ союза и глагола.

Междометіе. Физіогномія выражаетъ удивленіе, а пальцы правой руки между-тѣмъ проходятъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ лѣвой.

Управляющее. Сперва дѣлается грамматическій знакъ слова управляющаго, и въ тоже время дѣлаешь какъ-будто держишь вожжи.

Управляемое. Грамматическій знакъ управляемаго слова, къ которому прибавляется знакъ страдательности.

Предложеніе. Тройной знакъ существительнаго, глагола и прилагательнаго.

Мы пробѣжали грамматическіе термины самые необходимые; что касается до другихъ, то ихъ столь же легко выразить мимически, коль скоро мы обладаемъ значеніемъ слова и опираемся на его естествѣ и этимологіи.

Знаки аналитическіе.

Показавъ, какимъ образомъ можетъ употребляться мимика для представленія разныхъ грам-

матическихъ терминовъ, посмотримъ, какъ посредствомъ малаго числа графическихъ знаковъ, можно дойти до того, чтобъ выражать, хотя и не всѣ оттѣнки отношеній словъ одного къ другому, по крайней мѣрѣ, самыя существенныя, составляющія механизмъ фразы.

Не нужно для сего изобрѣтать системы; довольно пяти цифръ для порядка, и двухъ знаковъ, изъ коихъ одинъ грамматическій, а другой только вымышленный. Можно видѣть, что нѣтъ ни одной, даже самой запутанной фразы, которую-бы нельзя было съ легкостію разобрать и разложить на простыя предложенія по такой методѣ, вмѣсто этой длинной и скучной говорливости схоластическихъ разборовъ. Кто хоть не много знаетъ механизмъ своего языка, въ состояніи употреблять сіи знаки съ самаго начала безошибочно; и если дитя доведено будетъ до того, что уже можетъ заниматься этимъ съ точностію, тѣмъ самымъ и будетъ доказано, что устройство рѣчи перестало быть для него тайною.

Имя существительное	I × ⊥
Имя прилагательное	I × ⊤
Глаголъ	2.
Предложеніе изъяснительное . . .	(⊥ 2 ⊤)
Глаголъ придаточный	(⊥ ⊤ 2)
Управляемое	3.

Предлогъ . . . . 4.

Управляемое предлога . . . . . . 3.

Нарѣчіе: 4—5, то-есть знакъ предлога и управляемаго.

Союзъ, ‿; наприм. мужчина и‿ женщина.

Междометіе: ! .

Существительное и прилагательное означены цыфирью 1, которую можно отличить просто посредствомъ черты, что напоминаетъ вмѣстѣ и знакъ мимическій этихъ двухъ терминовъ. Эта цифра не означаетъ здѣсь одного только порядка, потому-что: 1.) она основана на частой взаимной соотвѣтственности существительнаго и прилагательнаго; 2.) на ихъ необходимомъ или случайномъ сосуществованіи, такъ какъ естество существительныхъ именъ состоитъ въ ихъ обстоятельственныхъ или существенныхъ качествахъ, которыя съ другой стороны не могутъ быть безъ сущности; 3.) наконецъ сія цыфирь можетъ служить къ объясненію грамматическаго согласованія этихъ двухъ словъ и постоянной единообразности измѣненій оныхъ.

Цифра 2, означающая глаголъ, даетъ ему мѣсто непосредственно послѣ двухъ первыхъ, коихъ онъ бываетъ связкою или необходимымъ союзомъ.

Соединеніе трехъ упомянутыхъ терминовъ составляетъ предложеніе, означенное тремя надлежащими знаками, коихъ сообразность выражена скобками.

Но надобно объяснить, по какой причинѣ мы равномѣрно означаемъ глаголъ придаточный тройнымъ знакомъ предложенія. Это потому, что всѣ три термина предложенія въ самомъ дѣлѣ заключаются въ ономъ подразумѣвательно, и что полезно означить ихъ ученику. Когда говорю кому нибудь: *бей*, это все равно, какъ-бы я сказалъ: *ты будь бьющій*. Въ такомъ случаѣ мѣстоименіе и глаголъ, по общему свойству языка, или выражаются или нѣтъ; но въ послѣднемъ случаѣ надобно отыскивать ихъ въ измѣненіи окончанія, гдѣ они по большой части заключаются въ одной или двухъ коренныхъ буквахъ слова, которыя вмѣстѣ напоминаютъ также и мѣстоименіе.

Мы приведемъ здѣсь примѣръ, который можетъ объяснить перемѣну въ порядкѣ знаковъ относительно къ знакамъ предложенія.

⊥ 2 T	⊥ 2 T
Ты еси ударяющій.	Мы есмы ударяющіе.
⊥ T 2	⊥ T 2
Ты ударяющій еси.	Мы ударяющіе есмы.
⊥ T 2	⊥ T 2
Ты ударя еси.	Мы ударя есмы.
⊥ T 2	⊥ T 2
Ты ударяешь.	Мы ударяемъ.

⊥ 2 T
Они суть ударяющіе.
⊥ T 2
Они ударяющіе суть.
⊥ T 2
Они ударя суть.
⊥ T 2
Они ударяютъ.

Управляемое выражается цифрою 3, которая означаетъ не столько порядокъ, сколько самое естество управляемаго. Въ самомъ дѣлѣ, управляемое не иное что, какъ сокращенное выраженіе одного предложенія, обратнаго въ отношеніи къ другому, которому служитъ страдательнымъ. Когда говорю: *поклоняюсь Всевышнему*, тогда выразилъ я подразумѣвательно два вовсе различныя предложенія, но соотносительныя, изъ коихъ первое есть: *я (есмь) поклоняющійся*, а другое: *Всевышній (есть) поклоняемъ*. Такимъ образомъ управляемое слово считается равнознаменательнымъ съ полнымъ предложеніемъ, и потому означается эллиптическою цифрою изъяснительнаго предложенія:
⊥ T 2 3
я поклоняюсь Всевышнему.

Нарѣчіе принимаетъ обѣ цифры 4—5, потому-что оно имѣетъ дѣйствительно знаменательность предлога и сказуемаго. И такъ, *медленно* значитъ тоже самое, что «съ медленностію», или «медленнымъ образомъ»; *гдѣ*, то-есть «въ

какомъ мѣстѣ»; *мало*, «въ маломъ количествѣ»; *скоро*, «послѣ краткаго времени». Такое разложеніе нарѣчія бываетъ всегда возможно, и полезно требовать его безпрерывно, для большаго выразумѣнія сей части рѣчи.

Мы приведемъ здѣсь примѣръ приложенія знаковъ, коихъ причину мы сейчасъ объяснили.

⊥ 3. 4—5.
т ⊥ т 2 т ⊥ ⊥
Добрый отецъ училъ своихъ дѣтей трудолюбію.

5
⊥ 4-5 т 2 ‿ т 2 4 т ⊥ ‿
Дочери его шили и вязали въ праздное время и

4-5 5
т ⊥ т 2 3 4 т ⊥ ⊥
онъ имъ давалъ деньги за сію работу. Сыновья

4-5 3
⊥ т 2 т 2 ‿ т 2 т ⊥
его точили, рисовали и дѣлали разныя вещи

3
4 5 ⊥ т 2 4—5 т ⊥
изъ папки. Отецъ покупалъ также сіи вещи.

4 5 4 5 4—5 т 2 ⊥ 3
Отъ этого у нихъ всегда были деньги, которыя

⊥ т 2 т 2 3—4 т 2 ‿
они могли употреблять какъ хотѣли, но

3
⊥ т 2 3 т 2 т ⊥
отецъ увѣщевалъ ихъ употреблять сіи деньги

5
4 5 ω Т 2 4 Т ⊥
на полезное и беречь на черный день.

⊥
⊥ ω ⊥ Т 4 5 Т 2
Марія и Ѳедоръ, младшія изъ дѣтей, слушались
4 5 5
⊥ 3 ω Т 2 4 Т ⊥
его совѣтовъ, и покупали на свои деньги

4—5 3 4 5 ⊥ Т 2 3. 4—5
только то, въ чемъ они имѣли нужду. Какъ

⊥ Т 2 4—5 Т 2 Т 2
они радовались, когда успѣвали выработать

5
4 5 ω 4 Т ⊥
нѣсколько денегъ, и съ какимъ удовольствіемъ

3
Т 2 ⊥ Т ⊥ 4 5
употребляли они свои деньги на покупки!

⊥
ω ⊥ Т ⊥ 4-5 2 4—5
Но Вася, старшій сынъ, не былъ такъ

Т ⊥ Т 2 Т 2 3 4 5 4-5
бережливъ. Онъ хотѣлъ имѣть все, на что ни

3
⊥ 2 ω Т 2 Т Т ⊥
взглянетъ, и покупалъ самыя безполезныя вещи.

ω 4—5 4 5 Т 2 Т 2
Но когда послѣ того нужно было купить

3
⊥ Т 4 5 Т 2 4 5
что-нибудь полезное, у него недоставало денегъ;

⊥ 4-5 T 2 T 2 4 5 ω 4 5 4 5
онъ не смѣлъ занять у брата и у сестры, потому-

4 5
ω ⊥ ⊥ 3 T 2 4—5 ⊥
что отецъ ему сіе запретилъ. Тогда онъ

4 5
T 2 4 5 ω T 2 T 2 ⊥
прибѣгалъ къ отцу, и просилъ дать ему

4 5 ω 4—5 T 2
сколько нибудь денегъ, но всегда получалъ

3
4 5 T 2 T 2 T ⊥ 4-5 T 2
въ отвѣтъ: учись беречь свои деньги, не покупай

3
⊥ T ω ⊥ 4—5 4-5 2
ничего безполезнаго, и ты никогда не будешь

T 3
имѣть недостатка.

Предлоги, выраженные мимикою.

Предлоги не составляютъ существенной части пантомимы глухо-нѣмыхъ, которая можетъ легко безъ нихъ обойтись, и тѣмъ не менѣе способна весьма ясно выразить разныя ими означаемыя отношенія. По той же самой причинѣ глухо-нѣмые весьма не охотно принимаютъ употребленіе оныхъ и долгое время пренебрегаютъ ими; тѣмъ чаще слѣдственно надлежитъ обращать вниманіе учащихся, посредствомъ мно-

гочисленныхъ примѣровъ, на ту важную роль, которую въ новѣйшихъ языкахъ играютъ предлоги. Здѣсь нѣтъ никакой нужды въ доказательствѣ, а какъ предлоги по природѣ своей неизмѣняемы, то довольно будетъ, чтобы дать полное о нихъ понятіе, заставлять замѣтить, многократными упражненіями, силу и вліяніе оныхъ на слова, которымъ служатъ они дополненіемъ.

Къ. Знакъ стремленія; указательный палецъ направляется впередъ, какъ-бы къ предстоящему предмету; напримѣръ: *я иду къ дверямъ*. Тотъ же самый знакъ означаетъ дательный падежъ.

Отъ, *изъ*. Знакъ извлеченія; то-есть пальцы правой руки, согнутые въ крюкъ, скользятъ слѣва направо по открытой ладони другой руки, какъ будто-бы скребли съ нее что-нибудь; напр. *отъ стола до окна четыре шага*.

Вокругъ, *кругомъ*, *около*. Дѣлаю будто черчу указательнымъ пальцемъ около себя кругъ; наприм. *дѣти стоятъ около стола*.

У. Знакъ обладанія; внѣшняя сторона правой руки обращается къ обладающему лицу; напр. *у васъ много денегъ*. Сей знакъ также означаетъ родительный падежъ.

Въ. Соединенные пять пальцевъ правой ру-

ки погружаются въ полузакрытую ладонь лѣвой; напр. *положить платокъ въ шляпу*.

Внѣ. Знакъ предъидущій, съ быстрымъ въ то же самое время извлеченіемъ правой руки, или, просто дѣлается знакъ предлога *отъ*; напр. *онъ живетъ внѣ училища*.

На. Правая рука ладонью кладется на внѣшнюю сторону лѣвой; напр. *книга на столѣ*.

Подъ. Обратный знакъ предъидущаго; напр. *собака лежитъ подъ столомъ*.

Предъ. Обѣ открытыя руки одна подлѣ другой, пальцами вверхъ, нѣсколько двигаются впередъ передъ лицемъ; напр. *домъ моего дяди стоитъ предъ церковью*.

За. Пять пальцевъ правой руки кидаются назадъ надъ плечомъ; напр. *лакей стоитъ за каретою*.

Подлѣ, близъ. Правая рука подходитъ къ лѣвой неподвижной предъ грудью; напр. *дерево подлѣ стѣны*.

Далеко отъ. Правая рука, въ противность предъидущему, удаляется отъ лѣвой впередъ; напр. *солнце далеко отъ земли*.

Противъ. Оба указательные пальца, поднятые одинъ противъ другаго, однимъ общимъ движеніемъ взаимно приближаются, или обращаются ихъ оконечности одна къ другой; напр. *картина виситъ противъ дверей*.

До. Указательный палецъ описываетъ передъ собою кривую линію всею длиною руки, или внѣшній край правой руки останавливается въ длину по внутренности лѣвой; напр. *я гулялъ до моста.*

Прежде. Знакъ подобный знаку предлога *предъ*, съ тою только разницею, что здѣсь руки далѣе тянутся впередъ; напр. *я его зналъ прежде васъ.*

Послѣ. Пальцы правой руки кидаются назадъ по бедру; напр. *послѣ обѣда я гуляю.*

Съ (вмѣстѣ.) Правый локоть приближается къ боку, какъ-будто иду съ другомъ рука-объ-руку; или же еще большой и указательный пальцы правой руки, отдѣльно раздвинутые, соединяются взаимно; напр. *дитя прогуливается съ нянькою.*

Между. Пальцы правой руки проходятъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ лѣвой; напр. *между столькими цвѣтами я выбралъ лучшій.*

Безъ. Большой и указательный пальцы, изображающіе нуль, подходятъ ко рту, отъ котораго тотчасъ удаляются, между-тѣмъ какъ дуешь на нихъ; напр. *я нахожусь безъ денегъ.*

Кромѣ. Изображается противное выраженному предложенію; напр. *кромѣ меня всѣ прочіе нездоровы*; то-есть *всѣ больны, а я одинъ здоровъ.* Держишь еще, если хочешь, всѣ пять паль-

цевъ лѣвой руки закрытыми, и большимъ пальцемъ правой отдѣляешь одинъ изъ нихъ.

Для. Правый указательный палецъ держишь подлѣ лба и кулакомъ дѣлаешь быстрое движеніе полу-кругомъ: видъ лица выражаетъ вопрошеніе; напр. *учусь для своего образованія.*

Черезъ, сквозь. Правая открытая рука скользитъ между указательнымъ и среднимъ пальцами лѣвой, или еще пальцы правой руки вплетаются въ пальцы лѣвой; напр. *солнце видно сквозь облака.*

Нарѣчія.

Нарѣчія качественныя имѣютъ одинакій знакъ съ прилагательнымъ, изъ котораго они составлены, и чаще объединяются съ глаголомъ, или другимъ словомъ ими опредѣляемымъ, какъ въ этомъ примѣрѣ: *онъ ходитъ медленно.* Излишне будетъ, слѣдовательно, исчислять ихъ; довольно упомянуть о обстоятельственныхъ нарѣчіяхъ, понятіе которыхъ легко доведетъ къ познанію другихъ.

Сегодня. То-есть «въ настоящемъ свѣтѣ»; дѣлается двойной знакъ свѣта и настоящаго времени, выше описанный.

Завтра. То-есть, одно «будущее спаніе.» Знаки единицы, спанія и будущаго, выше

означенные. Глухо-нѣмые искусно сокращаютъ три эти знака въ одинъ; они подносятъ къ уху правую руку, совсѣмъ закрытую кромѣ большаго пальца, означающаго единицу и который они пускаютъ впередъ. Чтобы сказать *послѣ завтра, въ четвертый, въ пятый день*, они открываютъ два, три, четыре пальца, и ихъ также пускаютъ впередъ.

Вчера, третьяго, четвертаго дня, и проч. Они дѣлаютъ какъ мы сейчасъ сказали, съ тѣмъ только различіемъ, что пальцы здѣсь обращаютъ назадъ.

Утромъ. Правая рука выскакиваетъ оконечностями пальцевъ вверхъ изъ-за внѣшней стороны лѣвой, вертикально лежащей.

Вечеромъ. Правая рука опускается за лѣвую.

Въ полдень. Тройной знакъ числа двѣнадцати, часа и ночи.

Скоро, сейчасъ, недавно, нѣкогда, давно, и проч. Выражаются знакомъ прошедшаго или будущаго, котораго сила умножается повтореніемъ онаго, или бо̀льшимъ протягиваніемъ руки, а убавляется знакомъ малости.

Часто, разъ, два раза, и проч. Правая рука скользитъ разъ, два или три, или много разъ сряду, по ладони лѣвой.

Здѣсь, сюда. Оба указательные пальца, обращенные къ землѣ, останавливаются одинъ

подлѣ другаго быстрымъ движеніемъ. Прибавляется отличительный знакъ отдыха или движенія.

Тамъ, туда. Протянутый указательный палецъ носится впередъ, легко двигаясь вверхъ вмѣстѣ съ головою. Прибавляется знакъ отдыха или движенія.

Вездѣ. Знакъ предъидущій, съ знакомъ слова *весь.*

Довольно. Внутренній край правой руки носится къ гортани ниже подбородка, или еще ладонь правой руки гладитъ грудь съ видомъ радости.

Много. Правая рука болѣе или менѣе поднимается надъ ладонью лѣвой.

Слишкомъ. Дѣлается знакъ предъидущій въ высшей его степени, а физіогномія выражаетъ неудовольствіе.

Очень, весьма. Правая рука восходитъ тройною постепенностію.

Мало. Правый указательный палецъ нѣсколько разъ слегка прикасается къ оконечности лѣваго; или когда хотите, ноготь большаго пальца правой руки давитъ кончикъ указательнаго той же руки. Сей знакъ сопровождается насмѣшливою полу-улыбкою, выражающею щепетильность.

*

Немного. Знакъ предъидущій; только здѣсь лице выражаетъ одобреніе и достаточность.

Нѣтъ. Головою киваю направо и налѣво, или трясу подобнымъ образомъ указательнымъ, либо рукою, или наконецъ, какъ то дѣлаютъ обыкновенно наши глухо-нѣмые, кончикъ ногтя большаго пальца легко давитъ острее одного изъ переднихъ верхнихъ зубовъ и живо отдаляется.

Да. Голова наклоняется впередъ, или еще указательный палецъ, подобнымъ движеніемъ, будто вдругъ опирается и останавливается на дѣйствительномъ предметѣ.

Можетъ-быть. Глаза означаютъ недоумѣніе, а между тѣмъ обѣ открытыя руки, ладонью вверхъ, уравновѣшиваются.

Когда. Дѣлается знакъ будущаго или прошедшаго, и глаза выражаютъ вопрошеніе. Но если это слово значитъ *во время*, то указательный палецъ описываетъ два или три вертикальные круга, и останавливается въ центрѣ.

Гдѣ, *куда*, *откуда.* См. выше нарѣчіе *тамъ*. Прибавляется по нуждѣ знакъ движенія или отдыха. Разность направленія впрочемъ выражена соотвѣтствующимъ глаголомъ.

Какъ? Выражаются одно или нѣсколько обстоятельствъ противныхъ либо подобныхъ, ка-

кія имѣешь въ виду; напр. «хорошо ли, худо ли? съ чѣмъ, съ кѣмъ?»

Сколько. Пять пальцевъ правой руки открываются попеременно одинъ за другимъ, какъ будто-бы мы считали. Дѣлается также знакъ множества, съ видомъ вопросительнымъ.

Почему? Указательный палецъ поднятый передъ лбомъ начинаетъ вдругъ вертѣться съ быстрымъ движеніемъ кулака, и дѣлаешь одновременно какъ будто кого спрашиваешь.

ГЛАВА XXII.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПАНТОМИМЫ КЪ ОТВЛЕЧЕННЫМЪ ПОНЯТІЯМЪ. — ЗАКОНЪ БОЖІЙ И НРАВСТВЕННОСТЬ. — УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ДУШЕВНЫЯ НАКЛОННОСТИ. — ОТВЛЕЧЕННЫЕ ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ МІРУ ФИЗИЧЕСКОМУ. — ГЛАВНѢЙШІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ТЕРМИНЫ.

Вѣра и нравственность.

Богъ. Указательный палецъ поднимается къ небу, а взоръ опускается съ почтеніемъ.

Троица. Большой, указательный и средній пальцы, всѣ трое поднятые къ небу, соединяются кромѣ большаго, который остается въ прежнемъ положеніи.

Іисусъ-Христосъ. Правый указательный показываетъ на ладони лѣвой руки мѣсто гвоздей, и обратно лѣвый на правой.

Святый Духъ. Пять пальцевъ правой руки подносятся ко рту, какъ будто давая замѣтить пусканіе воздуха или дыханіе, и тотчасъ пальцы обѣихъ рукъ, соединенные у вѣковъ, быстро удаляются разъединяясь, что-

бы изобразить лучи, которыми окружается голова у святыхъ.

Богородица. То-есть мать Божія. Эти знаки были уже описаны.

Ангелъ. Дѣлается знакъ крыльевъ и знакъ духа, вышесказанный.

Святой. Пальцы обѣихъ рукъ, соединенные по обѣимъ сторонамъ лба, открываются удаляясь, чѣмъ выражаются лучи славы у святыхъ.

Небо. Указательный палецъ описываетъ небесный сводъ.

Адъ. Знакъ мрака и глубины.

Демонъ. Знакъ роговъ и ада.

Вѣра. Лѣвая рука покрываетъ глаза, между-тѣмъ какъ правый указательный полагается съ твердостію на предстоящую вещь, какъ будто-бы подтверждая ея существованіе.

Религія. Знакъ Божества, вмѣстѣ съ знакомъ поклоненія, который дѣлается наклоняя впередъ открытыя руки и сопровождая это такимъ-же движеніемъ головы и тѣла.

Надежда. Указательный палецъ и взоръ поднимаются къ небу и обѣ открытыя руки легко приподнимаются раза три, какъ тогда, когда мы убѣждаемъ кого-нибудь подождать и имѣть терпѣніе.

Любовь (къ Богу.) Правая рука, какъ-бы прилѣпляется къ устамъ, и потомъ прижи-

мается къ сердцу, а глаза между тѣмъ устремляются къ небесамъ.

Благочестіе. Знаменіе креста, и тѣлоположеніе молящагося Богу.

Крещеніе. Опускаются внизъ оба указательные пальца, изображающіе крестъ, какъ бы для погруженія ихъ въ купель.

Исповѣданіе. Открытая рука полагается внутреннимъ краемъ по одной сторонѣ рта, какъ то мы дѣлаемъ, когда хотимъ чтобы сосѣдъ не могъ насъ разслышать; къ чему прибавляется знакъ креста, который дѣлаетъ священникъ надъ головою исповѣдующихся.

Причащеніе. Большой и указательный пальцы какъ-будто вносятъ въ ротъ Святыя Тайны.

Соборованіе. Чертишь на лбу крестъ большимъ пальцемъ, подобно тому, какъ священникъ помазываетъ святымъ муромъ.

Бракосочетаніе. Одною рукою указываешь на брачное кольцо на другой рукѣ, потомъ правый указательный палецъ описываетъ полукругъ слѣва направо, что представляетъ ходъ около налоя вѣнчаемыхъ.

Литургія. Знакъ креста, и дѣлаешь будто задергиваешь занавѣсъ, закрывающій Царскія врата въ алтарѣ.

Всенощная. То-есть «вечернее пѣніе». Знакъ пѣнія дѣлается, открывая передъ собою обѣ

руки наподобіе книги и открывая значительно ротъ, какъ если поешь. «Вечеръ» изображается опуская правую руку открытую за лѣвую пальцами внизъ, а для «утра» напротивъ поднимаешь ее.

Заутреня. То-есть «утреннее пѣніе».

Библія. Знакъ книги и знакъ святости, вышеописанные.

Таинства. Знакъ Бога, между-тѣмъ какъ правая рука съ таинственнымъ видомъ прячется подъ лѣвую.

Добродѣтель. Дѣлаются знаки доброты и превосходства, или знаки души и силы, или еще знаки добра и глагола «дѣлать». Наши глухонѣмые часто довольствуются тѣмъ, что поглаживаютъ правою рукою внѣшнюю часть лѣвой; такимъ образомъ считаютъ они кротость и смиреніе души признаками добродѣтели.

Порокъ. Знаки зла и дѣлать, или просто знакъ отвращенія.

Угрызенія совѣсти. Съ живостію указываешь оконечностію указательнаго пальца сердце, въ то же время сжимая зубы и показывая суровую физіогномію. Чтобы выразить покойную совѣсть, правая рука подносится къ сердцу и дѣлается знакъ добра, между-тѣмъ какъ лице кажется проясняется радостію.

Справедливость. Большой и указательный

пальцы обѣихъ рукъ дѣлаютъ, какъ будто-бы держатъ на кончикахъ коромысло вѣсовъ. Тамъ, гдѣ необходимо отличать умственное значеніе отъ вещественнаго, прибавляется знакъ души.

Благодарность. Знакъ памяти, который дѣлается сильно тискал кулакомъ на лбу; потомъ открывается таже самая рука, опускаясь внизъ, и прижимается къ сердцу. Этотъ знакъ, какъ видно, выражаетъ извѣстное опредѣленіе глухо-нѣмаго Масьё: Благодарность есть память сердца.

Истина. Правый указательный палецъ двигается впередъ, опускаясь, какъ-будто опирается съ твердостію на настоящемъ предметѣ.

Повиновеніе. Обѣ открытыя руки соединяются оконечностію пальцевъ передъ грудью и все тѣло наклоняется съ видомъ покорности.

Кротость. Правая рука тихо поводитъ внѣшнюю сторону лѣвой. Замѣчательно, что глухо-нѣмые смѣшиваютъ въ своей пантомимѣ два слова *кротость* и *добродѣтель*, подобно тому, какъ выражаютъ знакомъ почти одинаковымъ *гнѣвъ* и *грѣхъ*.

Скромность. Глаза потуплены къ землѣ и обѣ руки кладутся одна на другой на груди.

Состраданіе. Какъ-будто смотришь на зрѣлище страданія; глаза, кажется, отъ этого тронуты; кулакомъ давишь сердце.

Милосердіе, великодушіе, прощеніе обидъ. Оба указательные пальца угрожаютъ кончиками грудь, и вдругъ обѣ открытыя руки дѣлаютъ движеніе впередъ, и кажется, выпускаютъ и отбрасываютъ какую-то вещь, въ нихъ бывшую.

Терпѣніе. Правая рука нѣсколько разъ проходитъ по сердцу, какъ-будто-бы усмиряя и укрощая его.

Трудолюбіе. Обѣ руки какъ-будто опираются на плугъ и надъ нимъ тяготятъ съ усиліемъ.

Воздержаніе. Изображаешь дѣйствіе ѣды и обѣ открытыя руки, ладонью внизъ, приближаются одна наравнѣ съ другою, что есть знакъ мѣры и равенства.

Пороки могутъ вообще изображаться знакомъ противоположной имъ добродѣтели, сопровождая оный знакомъ отрицанія.

Нѣкоторые пороки имѣютъ впрочемъ также свои собственные знаки.

Ложь. Указательный палецъ скользитъ лукаво поперегъ рта, которымъ тогда на него дышишь; глаза въ то же время выражаютъ недовѣрчивость.

Гнѣвъ. Пальцами правой руки чертишь кругъ по мѣсту сердца, считаемаго гнѣздилищемъ онаго; въ то же время зубы судорожно сжимаются; въ глазахъ раздраженіе.

Гордость. Лице надувается, принимая видъ важности, а обѣ руки, которыя держишь въ томъ положеніи, какъ-бы хотѣлъ обнять ими обѣ щеки, удаляются по мѣрѣ этого надуванья. Такой же знакъ, сопровождаемый отрицаніемъ, означаетъ противоположную ей добродѣтель.

Лѣность. Обѣ руки безпечно опускаются вдоль тѣла; физіогномія остается страдательною.

Лукавство, хитрость. Большой и указательный пальцы обѣихъ рукъ изображаютъ надъ верхнею губою длинные усы кошки, междутѣмъ какъ лице дышитъ недовѣрчивостью.

Зависть. Указательный палецъ, согнутый въ крюкъ у сердца, кажется, манитъ къ себѣ какой-то предметъ, который въ то же время будто пожираешь глазами.

Мщеніе. Правый кулакъ сильно опирается на лбу, что значитъ память; поднятый указательный палецъ грозитъ; губы сжаты; глаза суровы.

Умственныя способности и чувствованія души.

Понятливость. Кончикъ указательнаго пальца стремится ко лбу, какъ дротикъ.

Разумъ. Указательный палецъ нѣсколько разъ стучитъ слабо на лбу.

Сужденіе. Указательный палецъ, какъ-будто прильнувшій кончикомъ ко лбу, подражаетъ на немъ движенію буравчика, которымъ будто хотятъ сверлить что-нибудь.

Мысль. Указательный палецъ остается съ минуту какъ-бы приставшимъ ко лбу, глаза смотрятъ пристально, видъ лица задумчивый.

Разсужденіе. Дѣлаешь знакъ предъидущій, придавая физіогноміи видъ глубокаго размышленія и слегка покачивая головою.

Память. Закрытый кулакъ нѣсколько разъ ударяется о лобъ.

Воображеніе. Указательный палецъ быстро скачетъ по лбу и оттуда бѣжитъ вправо, какъ-будто пробѣгая звенья цѣпи. Сей послѣдній знакъ выражаетъ разнообразіе вещей или образовъ.

Геній, талантъ въ высшей степени. Знакъ разума; большой палецъ одинъ живо поднимается съ видомъ вызова.

Воля. Обѣ руки подносятся къ сердцу, откуда косвенно наклоняются къ землѣ, что и выражаетъ стремленіе сердца къ предмету, возбуждающему его хотѣніе.

Отвращеніе. Обѣ открытыя руки отталкиваютъ къ лѣвой предметъ, причиняющій сіе чувствованіе, между-тѣмъ какъ и голова отворачивается къ правой, чтобъ не глядѣть на него.

Радость. Оба угла полу-открытаго рта легко корчатся; глаза и лице будто сіяютъ радостію; правая рука живо гладитъ грудь.

Скорбь. Оба кулака сжимаютъ сердце, голова опускается на грудь, глаза пристально углубляю въ землю.

Отчаяніе. Обѣ руки и голова, только-что поднимавшіяся къ небу, тяжело опускаются внизъ; все тѣло остается неподвижнымъ.

Удивленіе. Ротъ открытъ, глаза пристальны, руки дѣлаютъ легкое движеніе вверхъ передъ грудью, тѣло нѣсколько подается назадъ.

Страхъ. Открытыя руки и все тѣло, кажется, хотятъ отступить назадъ съ трепетомъ; взоръ безпокоенъ.

Насмѣшливость. Верхняя губа корчится такъ, что выказываетъ зубы, ею покрываемые; между тѣмъ указательный палецъ устремляется къ предмету насмѣшки, и дѣлаешь какъ-будто издѣваешься надъ нимъ шутливымъ смѣхомъ.

Одобреніе. Цѣлуешь правую руку, легко кланяешься, и рукоплещешь.

Охужденіе. Глаза стремятся къ предмету, возбуждающему такое чувствованіе, видъ лица строгъ, голова киваетъ на обѣ стороны.

Побужденіе. Оба указательные пальца направляютъ свои оконечности, какъ двѣ стрѣлки, къ предмету, который слѣдуетъ побудить,

и голова, кажется, утверждаетъ ихъ движеніе.

Угроженіе. Знакъ запретительный поднятаго указательнаго пальца, усугубляемый угрожающимъ взглядомъ.

Власть. Натягиваешь правую руку горизонтально передъ собою, а указательный палецъ нѣсколько наклоняется къ лѣвой, какъ-будто объявляешь какое-либо приказаніе.

Списокъ сего разряда словъ слишкомъ длиненъ, чтобъ мы испытали представить его въ цѣлости; довольно будетъ сихъ примѣровъ, дабы доказать, что различныя чувствованія, которыя мы можемъ испытать, не требуютъ большаго искусства, чтобы сдѣлать ихъ вразумительными безъ помощи языковъ, и всѣ имѣютъ собственное свое названіе въ томъ невольномъ движеніи, которое ихъ обнаруживаетъ.

Отвлеченные термины, относящіеся къ миру физическому.

Мы прежде уже замѣтили, что отвлеченныя слова, независимо отъ переноснаго ихъ смысла и духовнаго знаменованія, суть впрочемъ, говоря грамматически, только выраженія качествъ, предлагаемыхъ подъ видомъ, свойственнымъ существамъ; такимъ образомъ, что дать

объясненіе случайнаго или собственнаго качества какого-нибудь предмета, значитъ опредѣлить отвлеченную его сущность. Письменное слово различествуетъ, но мысленное составленіе знака должно быть одинакимъ для существительнаго, какъ и для прилагательнаго.

Величина. Правая рука поднимается, или обѣ руки отдаляются одна отъ другой, смотря по понятію величины, которую хотятъ выразить. Противныя идеи означаются и противными знаками.

Глубина. Правая рука вертикально спускается сколько можно ближе къ землѣ.

Толщина. Обѣ руки съ минуту держишь одну противъ другой, смотря по толстотѣ, которую имѣешь въ виду.

Ширина. Обѣ руки удаляются одновременно одна отъ другой къ сторонамъ.

Длинота. Смотря по длинотѣ, какую надлежитъ выразить, правая рука удаляется отъ лѣвой, или опускаясь внизъ къ землѣ или передъ грудью.

Движеніе. Указательный палецъ качается наподобіе маетника.

Отдыхъ. Обѣ руки, открытыя и горизонтально лежащія одна возлѣ другой, останавливаются неподвижно передъ грудью.

Скорость. Большой палецъ удерживаетъ ука-

зательный кончикомъ, и вдругъ пускаетъ его впередъ.

Доброта. Пальцы правой руки, соединенные, подносятся ко рту, и быстро удаляются отъ него съ видомъ удовольствія.

Худое качество. Дѣлаешь, какъ-будто держишь что-нибудь въ пальцахъ правой руки и отбрасываешь влѣво, между-тѣмъ какъ голова нѣсколько отклоняется къ правой сторонѣ.

Разстояніе, удаленность. Правая рука отдаляется впередъ, какъ можно далѣе, отъ лѣвой.

Прохожденіе. Открытая правая рука горизонтально проходитъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ лѣвой.

Вставка. Пальцы правой руки перпендикулярно проходятъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ лѣвой.

Равенство. Оба лежащіе указательные пальца приближаются, чтобъ соединиться въ совершенномъ уравненіи.

Разность. Оба указательные пальца, касающіеся между собою кончиками, взаимно отдаляются.

Мы въ другомъ мѣстѣ изложили знаки цвѣтовъ. Знаки же формъ, какъ округлости, четыреугольности, и проч., не имѣютъ никакой нужды въ описаніи, и вообще изобрѣтеніе всякаго знака, относящагося къ тѣлесному мі-

ру, зависитъ только отъ понятливости и привычки.

Слова географическія.

Земной шаръ. Обѣ руки изображаютъ шаръ.

Материкъ. Обѣ руки распространяются въ обѣ стороны по земной поверхности; прибавляется знакъ твердости, стуча кулаками одинъ о другой.

Море. Правая рука горизонтально волнуется.

Островъ. Знакъ «земли, окруженной водою». Знакъ «окружности» дѣлается очерченіемъ указательнымъ пальцемъ горизонтальнаго круга.

Полуостровъ. Оба указательные пальца описываютъ двѣ половины круга и при точкѣ соединенія раздѣляются, не прикоснувшись одинъ другаго.

Перешеекъ. Знакъ вставки и твердости.

Проливъ. Знакъ вставки и моря.

Рѣка. Сперва дѣлается знакъ воды, послѣ чего обѣ открытыя и вертикально лежащія руки идутъ впередъ по двумъ параллельнымъ линіямъ.

Озеро. Знакъ воды и окружности.

Заливъ. Знакъ воды; потомъ обѣ руки соединяются по концамъ пальцевъ, и такимъ образомъ составляютъ острый уголъ, коего точка пересѣченія обращена впередъ.

Мысъ. Знакъ предъидущій, замѣняя знакъ воды знакомъ твердости.

Гора. Правая рука подымается и потомъ опускается, изображая тѣмъ двойную покатость горы.

Волканъ. Знакъ горы; оба указательные пальца нѣсколько разъ стремятся вверхъ, чтобы дать понимать изверженіе волкана.

Источникъ. Знакъ «рѣки» и знакъ «начала«. Сей послѣдній дѣлается, поднимая кончикъ указательнаго пальца правой руки изъ-за указательнаго лѣвой, лежащаго горизонтально.

Устье. Знакъ рѣки и обѣ руки вдругъ какъ-бы переливаются въ сторону.

Востокъ. Указательный палецъ описываетъ окружность лица, что значитъ солнце; вдругъ правая рука перпендикулярно восходитъ изъ-за лѣвой.

Западъ. Знакъ солнца, и тотчасъ правая рука вертикально спускается за лѣвую.

Югъ. Знакъ теплоты.

Сѣверъ. Знакъ холода.

Четыре главныя точки чаще еще означаются тѣмъ мѣстомъ, которое занимаютъ онѣ на картѣ; и такъ рука или поднимается или опускается, чтобъ назначить сѣверъ и югъ, и уклоняется или вправо или влѣво, чтобъ выразить востокъ и западъ.

*

ГЛАВА XXIII.

ЗНАКИ ОПИСАННЫЕ Г-мъ ДЕЖЕРАНДО. (*)

§ 1.

Знаки собранные у глухо-нѣмыхъ, не имѣвшихъ образованія и никакого сношенія съ другими глухо-нѣмыми.

a) Знаки, которыми сіи глухо-нѣмые различествуютъ между собою.

1. *Дитя.* Большая часть изъ глухихъ, для означенія его, дѣлаютъ знакъ малаго, вмѣстѣ съ знакомъ кормить грудью; нѣкоторые изображаютъ его знакомъ качать; другіе наконецъ *подражаютъ ношенію дитяти на рукахъ.*

(*) Представляя эти мимическія описанія Г-на Дежерандо, намѣреніе наше есть не одно только сравненіе знаковъ; мы желаемъ особенно умножить пользу оныхъ описаній, сопровождая ихъ нѣкоторыми объясненіями, кои кажутся намъ необходимыми, въ особенности потому, что указываютъ логическую причину, служащую основаніемъ всякому мимическому выраженію, безъ знанія коей пантомима ничего не значитъ.

Г. Дежерандо назначаетъ два главнѣйшія раздѣленія знаковъ: тѣ, которые собраны были у глухо-нѣмыхъ, лишенныхъ образованія и всякаго сообщенія съ себѣ подобными, и знаки глухо-нѣмыхъ образованныхъ и составляющихъ общество. Въ первомъ классѣ этихъ знаковъ онъ различаетъ тѣ, въ коихъ глухо-нѣмые различествуютъ между собою, тѣ въ коихъ они согласуются и, наконецъ, онъ отличаетъ еще знаки, изобрѣтенные глухо-нѣмыми

Соотвѣтствующіе имъ знаки, собранные мною у глухо-нѣмыхъ образованныхъ и необразованныхъ, постоянно употребляющихъ пантомиму.

1. (*) Обѣ открытыя руки передъ грудью представляютъ, будто держатъ дитя.

женскаго пола. Это различіе въ пантомимѣ глухо-нѣмыхъ, принадлежащихъ къ разнымъ разрядамъ, ни мало не происходитъ отъ личныхъ ихъ обстоятельствъ, но есть необходимое слѣдствіе природы пантомимнаго языка, въ которомъ находятся разные знаки для выраженія одного и того же предмета. Конечно глухо-нѣмые не всегда съ самаго начала встрѣчаются въ составленіи своихъ знаковъ, но несравненно еще рѣже случается, чтобъ они вовсе различествовали въ своей пантомимѣ и наконецъ не встрѣтились другъ съ другомъ въ мимическомъ изображеніи всякаго чувственнаго предмета, по мѣрѣ того, какъ потребуешь отъ нихъ многихъ сряду знаковъ для его выраженія.

(*) Такъ какъ эти описанія идутъ паралельно съ противулежащими, то мы почитали излишнимъ повторять описанныя слова.

2. *Быкъ.* Одни представляютъ его *изображая его рога*; другіе означая его употребленіе; иные чрезъ *величину его*, силу и обыкновенный цвѣтъ шерсти; нѣкоторые тяжелымъ его ходомъ и движеніемъ челюсти его въ жвачкѣ.

3. *Лошадь.* Многіе означаютъ ее движимостію ея ушей; нѣкоторые, полагая указательный и средній пальцы правой руки верхомъ на указательномъ лѣвой; весьма небольшое число, влагая одинъ палецъ въ ротъ, чтобъ изобразить мундштукъ, подражая въ тоже время человѣку скачущему и понукающему свою лошадь.

4. *Собака.* Движеніемъ ея головы когда лаетъ, или дѣлая какъ-будто кличешь ее.

5. *Птица.* Изображая ея клёвъ двумя первыми пальцами лѣвой руки, между-тѣмъ какъ правая будто даетъ ей кормъ; или дѣлая знаки клевать и улетѣть при приближеніи человѣка; или еще знакъ лѣзть на дерево, похитить тамъ молодую птичку, положить ее запазуху и оказать радость, произведенную такою добычею.

6. *Рыба.* Изображая рукою косвенныя ея движенія, или полагая указательный палецъ въ ротъ, такъ чтобъ изобразить тѣмъ уду, зацѣпляющую за небо алчную рыбу.

7. *Хлѣбъ.* Одни представляютъ разныя пріуготовленія хлѣба при превращеніи его въ пи-

2. Оба указательные пальца кладутся на лобъ въ видѣ роговъ, а правая рука тотчасъ поднимается, означая тѣмъ величину животнаго.

3. Кисти обѣихъ рукъ съ сжатыми и согнутыми пальцами подражаютъ скачкѣ лошади.

4. Правая рука опускается всторону и первыми тремя пальцами дѣлаешь, какъ-будто манишь къ себѣ собаку.

5. Согнутый указательный палецъ подносится къ носу, чтобъ изобразить клёвъ птицы; потомъ держа по бедрамъ тѣла обѣ руки открытыя подражаешь маханію ея крыльевъ.

6. Указательный палецъ подносится на высоту рта кончикомъ впередъ и въ горизонтальномъ положеніи, и такимъ образомъ подвигается впередъ рѣзвясь наподобіе рыбки.

7. Открытая правая рука, представляющая

щу; другіе дѣлаютъ знакъ голода, вмѣстѣ съ знакомъ *рѣзанія и поднесенія ко рту.*

8. *Вода.* Показывая немного слюны; подражая гребущему человѣку; передразнивая водоноса; изображая качающаго воду изъ насоса, и проч. Къ каждой изъ сихъ пантомимъ прибавляютъ они знакъ питья.

9. *Орѣхъ.* Одни будто *подносятъ его между зубовъ, подражая тому, который грызетъ его;* другіе дѣлаютъ будто сбиваютъ ихъ съ дерева и собираютъ; многіе передразниваютъ женщинъ, которыя облупаютъ ихъ на улицахъ Парижскихъ.

10. *Ножъ.* Изображая обѣими руками составъ клинка и ручки, или дѣлая будто держишь его и хочешь имъ рѣзать, или подражая тому, кто зарѣзываетъ животное.

11. *Стаканъ.* Знаками полосканія и питья, или его фигурою и прозрачностію.

12. *Стулъ.* Знакомъ соломы и знакомъ садиться, или описывая форму его обоими указательными и потомъ подражая садящемуся человѣку.

ножъ, скользитъ поперечно по ладони лѣвой, дѣлая какъ-бы рѣжешь кусокъ хлѣба.

8. Открытая правая рука, съ пальцами отдаленными одинъ отъ другаго, на высотѣ глазъ, ладонью внутри, нѣсколько разъ бросается сверху внизъ къ лицу, изображая этимъ дождь. Чаще прибавляется такъ же знакъ умовенія лица или питья.

9. Ноготь большаго пальца давитъ послѣдній суставъ указательнаго тойже руки, который берешь между боковыхъ зубовъ, какъ орѣхъ, который хочешь разгрысть.

10. Указательный палецъ правой руки, изображающій ножъ, крестообразно скользитъ на указательномъ другой руки, какъ-будто съ тѣмъ чтобъ рѣзать его.

11. Большой и указательный пальцы раздвоены, какъ-будто-бы мѣрили высоту стакана; въ такомъ положеніи наклоняются ко рту, и дѣлаютъ будто вливаютъ въ него какое-то питье.

12. Обѣ открытыя руки съ ладонью внизъ опускаются по бедрамъ до обыкновенной высоты стула, потомъ оба указательные восходятъ по поясницѣ до спины, представляя тѣмъ спинку стула.

13. *Письмо.* Знаками писанія и *запечатыванія*, знаками распечатыванія и чтенія, или *четвероугольною фигурою письма* и его надписью.

14. *Домъ.* Нѣкоторые дѣлаютъ знакъ, употребляемый въ Институтѣ, который состоитъ въ томъ, что *руки кладутся нѣсколько разъ одна на другую*, подражая этимъ строящему человѣку, и соединяются потомъ *изображая видъ кровли*; другіе дѣлаютъ знакъ обширнаго, потомъ знакъ отворить дверь, взойти и опять запереть за собою; нѣкоторые не имѣютъ другаго средства, какъ только указывая на одинъ домъ.

15. *Солнце.* Одни дѣлаютъ знаки освѣщенія и согрѣванія, смотря на небо; другіе изображаютъ круглость его и отдаленность; иные смотрятъ также на небо и представляются ослѣпленными.

16. *Хорошій.* Нѣкоторые подносятъ ко рту ладонь и тотчасъ ее удаляютъ отъ него; другіе медленно какъ-будто ласкаютъ грудь рукою, вздыхая съ видомъ удовольствія.

17. *Порожній*, *полный.* Нѣкоторые дѣлаютъ будто глядятъ въ сосудъ и ничего въ немъ не видятъ; другіе роются въ карманѣ и вытаскиваютъ изъ него пустую руку, чтобъ выразить первое слово; а для втораго, одни подражаютъ

13. Оба указательные пальца описываютъ оконечностію своею четвероугольную фигуру, на которой правая рука будто прилагаетъ печать, принимаемую ладонью лѣвой руки.

14. Руки полагаются нѣсколько разъ одна на другую, поднимаясь; потомъ соединяются наподобіе кровли оконечностями пальцевъ.

15. Правый указательный палецъ описываетъ очеркъ лица, межь тѣмъ какъ смотришь на небо.

16. Пальцы правой руки, соединенные оконечностями, прикладываются къ губамъ, откуда быстро удаляются, открываясь.

17. Для перваго соединенные пальцы правой руки погружаются въ пустоту лѣвой, округленной въ видѣ сосуда, и скоро вынимаются изъ него, между-тѣмъ какъ дуешь въ нихъ съ подобною гримасою, какую дѣлаешь когда те-

человѣку, который неся полный сосудъ, ходитъ осторожно и старается какъ-бы не уронить; другіе будто кладутъ многія вещи въ лѣвую руку, и дѣлаютъ видъ, что въ нее больше нельзя ничего положить.

18. *Старый.* Большая часть подражаетъ невѣрной походкѣ старика, тяжело опирающагося на посохъ; нѣкоторые дѣлаютъ знакъ плѣшиваго: они для того трогаютъ голову и палецъ рукою, и прибавляютъ еще потомъ знаки другіе, болѣе или менѣе смѣшанные, коими хотятъ выразить, что осталось еще на головѣ нѣсколько сѣдыхъ волосъ.

19. *Спать.* Нѣкоторые подражаютъ человѣку, опускающему впередъ или на плечо отягощенную свою голову; большая часть *наклоняетъ голову на руку зажмуривая глаза.*

20. *Быть нездоровымъ.* Многіе дѣлаютъ страждущій видъ и *щупаютъ себѣ пульсъ*; нѣкоторые наклоняютъ голову, зажмуриваютъ вполовину глаза и испускаютъ легкіе крики; иные дѣлаютъ какъ-будто-бы лежатъ въ постелѣ и принимаютъ цѣлебное питье.

21. *Быть здоровымъ.* Большая часть дѣлаютъ знакъ сильнаго человѣка, то-есть крѣпко натягиваютъ мышцы рукъ, представляютъ смѣлое

бя въ чемъ - нибудь обмануть. Для втораго, лѣвая рука, внутреннимъ краемъ вверхъ, и имѣя пальцы расположенные въ кругъ наподобіе сосуда, слегка касается плоскостію правой руки, которая быстро проходитъ надъ нею съ лѣвой стороны къ правой, какъ будто уравнивая содержащееся въ ней.

18. Правая рука закрыта, кромѣ большаго пальца, который щиплетъ щеку вмѣстѣ съ указательнымъ, чтобъ означить морщины лица; въ то же время голова наклоняется вмѣстѣ съ тѣломъ и киваетъ къ землѣ.

19. Голова наклоняется въ сторону на плоскость руки, какъ-бы на подушку.

20. Щупаешь себѣ пульсъ съ страждущимъ видомъ.

21. Знакъ предъидущій съ знакомъ отрицательнымъ.

тѣлоположеніе и радостное лице; немногіе щупають себѣ пульсъ, пялять глаза и прибавляють какой-нибудь знакъ одобренія.

22. *Для отрицанія.* Одни качають головою; другіе *подносятъ оконечность большаго пальца подъ верхніе передніе зубы, чтобы тотчасъ отдалить отъ нихъ;* иные отдаляють открытыя руки, притворяясь будто смотрятъ и ничего не видятъ; прочіе дуютъ въ ладонь и принимаютъ подобную физіогномію.

23. *Для утвержденія.* Нѣкоторые дѣлаютъ проницательный взглядъ и качаютъ головою; другіе подаютъ впередъ правую руку съ видомъ довѣренности, какъ-будто ударяя ею о предметъ находящійся на маломъ отъ нихъ разстояніи и на высотѣ груди.

24. *Для распросовъ.* Многіе выражаютъ два противорѣчащія предложенія, и смотрятъ потомъ съ нерѣшительнымъ видомъ на того, къ кому обращаются; нѣкоторые довольствуются выражая оба противоположные термина предложенія и бросая на васъ вмѣстѣ зоркій и нерѣшительный взглядъ.

25. *Для означенія будущаго.* Одни жмурятъ глаза и указываютъ рукою на отдаленный предметъ; другіе нѣсколько разъ повторяютъ знакъ «приложенія головы къ подушкѣ» и «вставанія.»

22. Наши глухо-нѣмые равномѣрно дѣлаютъ всѣ указанные о-бокъ знаки и другіе еще подобные.

23. Всѣ эти знаки также въ употребленіи у нашихъ глухо-нѣмыхъ.

24. Глаза смотрятъ пристально, голова легко отдвигается назадъ, между-тѣмъ какъ обѣ открытыя руки съ ладонью вверхъ живо направляются къ тому, къ кому обращаемся.

25. Правая рука открытая и вертикально лежащая обращается впередъ.

26. *Знать.* Одни ударяютъ нѣсколько разъ ладонью въ лобъ, дѣлая знакъ утвержденія; другіе употребляютъ знаки прошедшаго и воспоминанія.

b) **Знаки, въ которыхъ тѣ же самые глухо-нѣмые между собою согласны.**

27. *Обезьяна.* Подражая ея коверканію и тѣлодвиженіямъ.

28. *Пѣтухъ.* Подносятъ руку на голову, изображая пѣтушій гребень и принимая видъ высокомѣрный и вмѣстѣ веселый.

29. *Башмачникъ, столяръ.* Передразнивая движенія перваго, когда онъ шьетъ; и втораго, когда пилитъ или стругаетъ.

30. *Супъ.* Придавая рукѣ видъ ложки, и повторяя движенія человѣка хлебающаго.

31. *Виноградъ.* Дѣлая будто держишь кисть винограда въ лѣвой рукѣ и ѣшь его по ягодкамъ.

32. *Табакъ.* Передразнивая человѣка нюхающаго; нѣкоторые прибавляютъ еще къ тому знакъ чиханія.

26. Окопечность праваго указательнаго пальца ударяетъ въ лобъ съ видомъ увѣренности.

27. Пять пальцевъ каждой руки соединены окончностями вверхъ передъ лицемъ; въ семъ положеніи обѣ руки ходятъ попеременно снизу вверхъ какъ-будто ихъ трешь одну о другую.

28. Знакъ птицы, и первые три пальца правой руки поднятые кладутся на голову въ видѣ гребешка.

29. Для перваго обѣ руки сильно отдаляются въ сторону, подражая движенію башмачника когда онъ продергиваетъ нить; а для втораго руки будто держатъ стругъ и давятъ его толкая впередъ.

30. Правая рука какъ-будто держитъ ложку, которую подноситъ нѣсколько разъ ко рту.

31. Одинакій знакъ.

32. Тожъ.

33. *Ключъ.* Подражая движенію руки когда мы отпираемъ или запираемъ.

34. *Часы.* Будто вынимая часы изъ кармана и подводя ихъ къ уху.

35. *Книга.* Поднося обѣ руки на высоту глазъ, наподобіе открытой книги, и подражая движеніямъ головы читающаго человѣка.

36. *Ружье.* Будто наведя это оружіе, чтобъ застрѣлить животное.

37. *Монета.* Подражая человѣку, считающему деньги; въ то же время пучатъ глаза и качаютъ головою, чтобъ выразить значительность денегъ. Если хотятъ означить качество монеты, которую имѣютъ въ виду, то назначаютъ ея цвѣтъ, указывая на подобный цвѣтъ, а чтобъ дать понятіе о цѣнѣ ея стараются представить ея объемъ.

38. *Большой, малый.* Для перваго слова они поднимаютъ руку и глядятъ вверхъ; для втораго опускаютъ ее къ землѣ и физіогноміею своею выражаютъ презрѣніе.

39. *Худой.* Дѣлаютъ будто отвѣдываютъ чего-то и тотчасъ строятъ гримасу, качая головою.

40. *Красивый, дурной.* Они будто смотрятъ пристально на какой-то предметъ, принимаютъ довольный и веселый видъ, и пробѣгаютъ лице рукою, чтобъ выразить первое; тогда какъ

33. Тожъ.

34. Тожъ.

35. Тожъ.

36. Тожъ.

37. Первые три пальца правой руки, съ большимъ пальцемъ приложеннымъ къ двумъ другимъ, нѣсколько разъ слегка стучатъ о ладонь лѣвой руки.

38. Сіи два слова, смотря по предметамъ, къ которымъ они относятся, принимаютъ различные знаки, уже въ другомъ мѣстѣ описанные.

39. Дѣлаешь какъ будто держа что-нибудь въ рукѣ, живо отбрасываешь влѣво, отворачивая голову съ отвращеніемъ.

40. Большой и указательный пальцы правой руки, расширившись, опускаются каждый особо по обѣимъ щекамъ, чтобы соединиться у рта, имѣющаго видъ жеманности, что озна-

*

для втораго дѣлаютъ легкую гримасу, нѣсколько отворачивая голову.

41. *Теплый, холодный.* Для перваго, тепло вдыхая въ руку съ видомъ удовольствія; для другаго, дуя на оконечности соединенныхъ пальцевъ, и подражая дрожащему отъ стужи человѣку.

42. *Числа.* Показываютъ столько открытыхъ пальцевъ, сколько единицъ хотятъ выразить.

43. *Въ большомъ числѣ.* Открываютъ постепенно всѣ пальцы, быстро и нѣсколько разъ.

44. *Ночь, день.* Двигаютъ кистью накрестъ предъ глазами, которые въ то же время зажмуриваются, а чтобъ лучше выразить мысль свою, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ будто ходятъ ощупью — это ночь. Они открываютъ большіе глаза, смотрятъ вокругъ себя съ видомъ довольства и смѣлости; это день.

45. *Прошедшее.* Всѣ бросаютъ руку по нѣскольку разъ надъ плечомъ.

46. *Видѣть, смотрѣть.* Они направляютъ свое зрѣніе посредствомъ указательнаго и средняго пальцевъ одной руки, чтобъ выразить дѣйствіе »глядѣть«; между тѣмъ какъ для вы-

часть «красивый»; для втораго объ закрытыя руки подносятся къ щекамъ, которыя онѣ будто дергаютъ, одна внизъ, другая вверхъ.

41. Знаки подобные: для перваго принимаешь въ руку теплое свое дыханіе; для другаго обѣ руки какъ-будто трепещутъ отъ холода.

42. Пальцы открываются постепенно начиная съ большаго.

43. Одинакій знакъ, подтверждаемый игрою физіогноміи.

44. Правая рука съ расширенными пальцами внутренно прилагается къ лицу, которое покрываетъ она какъ маскою, между-тѣмъ какъ глаза почти зажмурены: это ночь. Чтобъ выразить »день«, пять пальцевъ каждой руки, соединенныхъ оконечностію, подносятся къ глазамъ, которые, будучи сперва закрыты, живо открываются, между-тѣмъ какъ пальцы быстро удаляются отъ нихъ разъединяясь.

45. Одинакій знакъ.

46. Тожъ.

раженія дѣйствія «видѣть», тѣ же самые пальцы направляются отъ предмета къ глазамъ.

47. *Терять.* Дѣлаютъ будто уронили что-то и ищутъ напрасно.

48. *Говорить.* Они стараются подражать движеніямъ говорящаго человѣка, и показываютъ движеніемъ указательнаго пальца, какъ-бы выходящаго изъ - подъ подбородка, что выпускаютъ что-то изо рта.

49. *Слышать.* Направляютъ указательный палецъ къ уху и вздрагиваютъ какъ-будто пораженные какимъ-либо впечатлѣніемъ.

50. *Быть голоднымъ.* Принимаютъ видъ изнеможенія, сжимаютъ непріятно ротъ и описываютъ терзанія желудка, движеніями пальцевъ, положенныхъ на нижней части груди.

51. *Быть довольнымъ.* Лице постепенно дѣлается веселымъ; нѣсколько разъ гладятъ сердце открытою рукою.

52. *Быть печальнымъ.* Лице печально, видъ унылъ; подносятъ правый кулакъ къ сердцу, сильно вздыхая.

53. *Забыть.* Быстро гладятъ лобъ рукою, поднимаютъ плеча, лице остается суровымъ.

54. *Вспомнить.* Принимаютъ видъ размышленія, потомъ вдругъ вздыхаютъ и подносятъ указательный палецъ ко лбу, чтобы довольно

47. Тожъ.

48. Двигаешь губами, какъ будто говоришь; указательный палецъ дастъ замѣтить это движеніе.

49. Одинакій знакъ.

50. Пальцы давятъ животъ оконечностями; къ чему прибавляется знакъ ѣды.

51. Подобный знакъ, поглаживая грудь рукою.

52. Одинакіе знаки.

53. Подобный знакъ: правая рука будто стираетъ что-то со лбу.

54. Закрытый кулакъ нѣсколько разъ прижимается на лбу.

сильно прижать его, и приподнимая въ то же время голову; лице развеселяется.

в) Знаки замѣченные у глухо-нѣмыхъ женскаго пола, и въ которыхъ не согласуются.

55. *Перо.* Однѣ ограничиваются подражаніемъ дѣйствію писать; другія прибавляютъ къ тому длину пера; другія будто обмакиваютъ перо въ чернильницу и пишутъ; или дѣлаютъ какъ-будто чинятъ оное и потомъ имъ пишутъ, или наконецъ дѣлаютъ всѣ эти знаки вмѣстѣ.

56. *Дерево.* Онѣ означаютъ его, то знакомъ какого-либо предмета, возвышающагося надъ землею до значительной высоты и знакомъ собирать плоды; то зелеными его листьями и многочисленными извилистыми его вѣтвями, или тѣнью имъ производимою и дѣйствіемъ прибѣжать къ ней, дабы предохранить себя отъ солнечныхъ лучей.

57. *Яблоко.* Круглою его формою и дѣйствіемъ кусать его, или очистить и потомъ кушать; иногда его свѣжимъ цвѣтомъ и пріятнымъ вкусомъ.

58. *Роза.* Однѣ дѣлаютъ знакъ срыванія цвѣтка, прибавляютъ къ этому краску его и пріятный запахъ; другія означаютъ его форму, дѣлая знакъ, будто срываютъ его, нюхаютъ съ

55. Первые три пальца правой руки какъ-будто пробѣгаютъ снизу вверхъ длину пера, которое держитъ лѣвая рука, и дѣлаешь будто пишешь.

56. Лѣвая рука поддерживаетъ локоть правой, перпендикулярно поднятую съ расширенными пальцами, которые двигаются вверхъ.

57. Правый кулакъ подносится ко рту, дѣлаешь какъ-бы кусаешь его, и вмѣстѣ удаляешь его впередъ снизу вверхъ.

58. Пять пальцевъ соединенныхъ вмѣстѣ подносятся къ носу, какъ-будто-бы это былъ цвѣтокъ, котораго запахъ мы хотѣли-бы узнать; потомъ располагаются они въ кругъ. Прибавляется, если нужно, знакъ краснаго.

удовольствіемъ и прикалываютъ къ платью; иногда и всѣ эти знаки дѣлаютъ постепенно.

59. *Кошка.* Онѣ дѣлаютъ знакъ длинныхъ ея усовъ, или ногтей и употребленія оныхъ, или плавной ея походки и способности гнуть спину наподобіе лука; или представляютъ ее стерегущую мышь, ловящую ее и пожирающую; или наконецъ онѣ будто носятъ ее на рукахъ, ласкаютъ ее и играютъ ея хвостомъ.

г) Знаки, въ которыхъ оныя глухо-нѣмыя согласны между собою.

60. *Любить.* Выражается всѣми, кладя руку на сердце, съ радостію въ лицѣ, и указывая на предметъ любви.

61. *Отрицаніе.* Означается всѣми, тряся головою.

62. *Утвержденіе.* Наклоняя голову передъ собою, и опять приводя ее тотчасъ въ прежнее положеніе.

63. *Усталость.* Опуская безпечно руки вдоль тѣла.

64. *Ходить* означается самымъ дѣйствіемъ.

65. *Ѣсть* поднесеніемъ какой-либо пищи въ ротъ, ея жеваніемъ и глотаніемъ.

59. Знакъ ея усовъ, которые большой и указательный пальцы обѣихъ рукъ будто тянутъ въ разныя стороны.

60. Правая рука открытая подносится сперва ко рту, оттуда къ сердцу.

61. См. выше № 21.

62. См. № 22.

63. Одинакій знакъ.

64. Оба указательные пальца идутъ впередъ, подражая движенію ногъ.

65. Одинакіе знаки.

66. *Бросать*, производя движеніе руки при метаніи.

---

§ II.

Примѣры знаковъ, принятыхъ глухонѣмыми Парижскаго Института.

1. *Гора.* Рука ладонью внизъ изображаетъ сзади впередъ и снизу вверхъ курсивную букву *s*, извиваясь.

2. *Вино.* Дѣлается начальная буква слова «вино» ручною азбукою, и вертишь пальцами на щекѣ, какъ-будто представляя цвѣтъ его.

3. *Молоко.* Одна рука беретъ указательный палецъ другой, потомъ пускаетъ его послѣ легкаго усилія.

4. *Зеркало.* Будто глядишься въ одну руку.

5. *Мыслить.* Указательный палецъ изображаетъ на срединѣ лба нѣсколько маленькихъ кружковъ.

66. Тожъ.

---

1. Одинакій знакъ.

2. Правый указательный палецъ трогаетъ губу, чтобъ дать замѣтить ея цвѣтъ, и дѣлаешь какъ-будто пьешь.

3. Обѣ закрытыя руки, кромѣ большихъ пальцевъ открытыхъ, разными перемѣнными движеніями, сверху внизъ и одна подлѣ другой, подражаютъ дѣйствію доенія.

4. Подобный знакъ. Правая рука, открытая и косвенно стоящая, нѣсколько разъ двигается потихоньку передъ глазами, какъ зеркало.

5. Указательный палецъ съ минуту остается приложеннымъ ко лбу; видъ лица задумчивый.

6. *Дѣйствіе.* У всякаго дѣйствія есть свой знакъ, который есть не что иное, какъ родъ болѣе или менѣе близкаго повторенія онаго.

7. *Мужчина.* Обѣ кисти рукъ, открытыя въ полукругѣ, опускаются внизъ параллельно и симетрически по бокамъ впередъ.

8. *Мѣлъ.* Правый указательный палецъ вертится между большимъ и среднимъ пальцами, которые прижимаютъ его.

9. *Дрова.* Дѣлаешь будто пилишь дрова и представляешь знакъ огня, подражая движеніемъ пальцевъ обѣихъ рукъ движимости пламени.

10. *Стружки.* Обѣ согнутыя въ крюкъ руки, съ пальцами соединенными по кончикамъ, взаимно касаются оконечностію пальцевъ и удаляются одна отъ другой какъ-будто-бы развертываютъ стружки.

11. *Трость.* Будто держишь ее въ правой рукѣ и подражаешь движенію, какое дѣлается ею.

12. *Зонтикъ.* Обѣ руки, кажется, держатъ зонтикъ; потомъ правая рука дѣлаетъ знакъ дождя и быстро носится въ бокъ съ опрокинутою ладонью, какъ будто устраняя дождь.

13. *Цѣпь.* Указательный и большой пальцы правой руки составляютъ съ указательнымъ и

6. Десять пальцевъ движутся всѣ вмѣстѣ почти какъ на клавишахъ фортепьяна.

7. Дѣлаешь будто подносишь руку къ шляпѣ, чтобы снять ее.

8. Дѣлается знакъ бѣлаго и какъ-будто пишешь на стоящей передъ тобою доскѣ.

9. Открытая правая рука, представляющая топоръ, нѣсколько разъ ударяетъ поперечно внѣшнимъ краемъ въ ладонь лѣвой, также открытой.

10. Знакъ одинакій, вмѣстѣ съ знакомъ стругація, см. N 28.

11. Дѣлаешь будто держишь трость и на нее опираешься.

12. Обѣ закрытыя руки положены одна на другую передъ грудью, какъ-будто-бы онѣ поддерживали ручку зонтика; поднимаются нѣсколько въ этомъ положеніи, какъ чтобы дать замѣтить то, что держатъ.

13. Одинакій знакъ; но только повторяя нѣ-

большимъ лѣвой два звена, взаимно зацѣпившіяся.

14. *Булавка.* Указательный палецъ правой руки представляетъ булавку и его будто втыкаешь въ рукавъ лѣвой руки.

15. *Футляръ.* Правая рука съ неразнятыми пальцами обхватываетъ указательный палецъ лѣвой, и подражаетъ дѣйствію открыванія футляра.

16. *Сукно.* Обѣ руки поднимаются, какъ-будто-бы берутъ кусокъ сукна, потомъ, кажется, щупаютъ его, чтобъ узнать доброту.

17. *Свѣча.* Указательный палецъ подносится ко рту, который на него дуетъ, и подражаетъ дѣйствію опустить и вдругъ быстро поднять погашенную свѣчу, чтобы опять зажечь ее.

18. *Салфетка.* Обѣ руки будто держатъ салфетку и, кажется, вытираютъ ею ротъ.

19. *Тарелка.* Знакъ крѣпкаго, знакъ круглаго.

20. *Горчица.* Знакъ желтаго; правая рука, пальцами соединенными по оконечности, вер-

сколько разъ попеременно положеніе двухъ пальцевъ, составляющихъ кольца.

14. Делаешь какъ-будто держишь булавку между большимъ и указательнымъ пальцами и прикалываешь ее сверху внизъ на груди.

15. Оба кулака, положенные одинъ подъ другимъ, какъ-будто-бы держатъ обе половины футляра, подражаютъ движенію, которое делается, когда хотимъ открыть его.

16. Щиплешь рукавъ своего платья, потомъ обе закрытыя руки приближаются одна къ другой и делаютъ какъ-будто держатъ кусокъ сукна и трясутъ его, растягивая, дабы увериться въ его доброте.

17. Знакъ подобный; указательный палецъ сперва поднятъ передо ртомъ, который дуетъ на него; потомъ наклоняется, чтобъ тронуть левый указательный, и опять поднимается вертикально.

18. Одинакій знакъ.

19. Оба указательные пальца описываютъ горизонтальный кругъ, потомъ делаешь какъ-будто берешь что-нибудь съ тарелки правою рукою и подносишь ко рту.

20. Знакъ желтаго, и тотчасъ правая рука подносится къ носу и делаешь гримасу.

тится около рта, какъ-будто означая ѣдкость горчицы.

21. *Щавель.* Указательный и средній пальцы правой руки, соединенные одинъ подлѣ другаго, трутъ зубы.

22. *Спаржа.* Указательный палецъ правой руки, кажется, вертится въ соусѣ, потомъ подносится ко рту и скользитъ по губамъ.

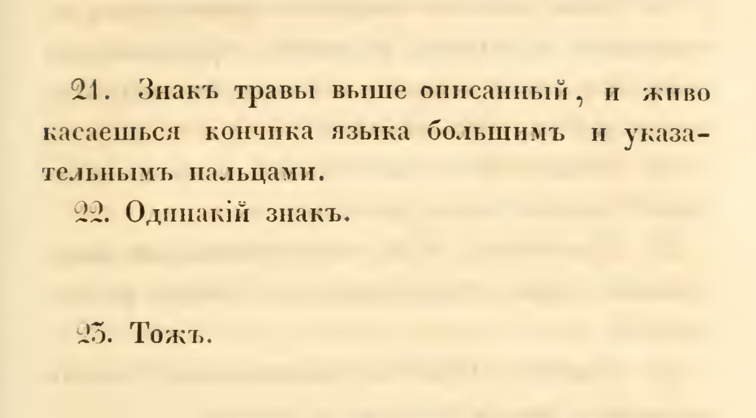
23. *Водка.* Указательный правой руки чешетъ горло, означая тѣмъ ѣдкую силу сего крѣпкаго напитка.

24. *Козелъ.* Правая рука опускается внизъ отъ подбородка означая его бороду; потомъ указательный и средній пальцы, отдаленные одинъ отъ другаго въ видѣ роговъ, подносятся ко лбу.

25. *Слонъ.* Правая рука опускается внизъ, описывая спиральную линію, и представляетъ хоботъ слона когда онъ что-нибудь беретъ и подноситъ ко рту.

26. *Тюрьма.* Знакъ дома; оба кулака полагаются накрестъ одинъ на другой, какъ-будто-бы руки были вмѣстѣ связаны; глухо-нѣмые даже ограничиваются симъ послѣднимъ знакомъ.

27. *Сжатый.* Обѣ закрытыя руки сжимаются одна къ другой, локти стѣсняютъ бока, физіогномія выражаетъ принужденность.

21. Знакъ травы выше описанный, и живо касаешься кончика языка большимъ и указательнымъ пальцами.

22. Одинакій знакъ.

23. Тожъ.

24. Тожъ.

25. Тожъ.

26. Руки положены накрестъ, сжавъ кулаки.

27. Одинакій знакъ.

*

28. *Одинъ только.* Закрытая правая рука, съ поднятымъ большимъ пальцемъ, приближается важно съ лѣвой стороны къ правой, какъ-бы привлекая на себя вниманіе.

29. *Равный.* Оба указательные пальца полагаются одинъ подлѣ другаго.

30. *Различный.* Оба указательные пальца, лежащіе одинъ подлѣ другаго, быстро раздѣляются.

31. *Ложный.* Правый указательный палецъ проходитъ поперечно передо ртомъ.

32. *Завистливый.* Правый указательный палецъ кладется между передними зубами, физіогномія выражаетъ зависть.

33. *Лукавый.* Правый указательный подносится ко лбу оконечностію и повертывается самъ на себѣ; брови нахмуриваются; прижмуренные глаза выражаютъ лукавство.

34. *Скорый.* Согнутая правая рука, съ соединенными пальцами, быстро и нѣсколько разъ проходитъ подъ подбородкомъ.

35. *Новый.* Правая рука быстро поднимается за лѣвою, вертикально простертою, съ пальцами обращенными къ правой.

36. *Гордый.* Правая рука, съ раздѣленными

28. Тожъ.

29. Тожъ.

30. Тожъ.

31. Тожъ.

32. Правый указательный палецъ, согнутый въ крюкъ, подносится къ сердцу и оттуда разными движеніями, кажется, манитъ къ себѣ предметъ зависти. Физіогноміи и особенно гла-замъ надлежитъ докончить остальное.

33. Кромѣ подобной игры физіогноміи, изображаются длинные усы кошки.

34. Кончикъ указательнаго пальца, удерживаемый большимъ пальцемъ, быстро убѣгаетъ отъ него впередъ.

35. Одинакій знакъ.

36. Лице, кажется, надувается и обѣ руки

пальцами и ладонью наружу, поднимается по сердцу; въ то же время голова гордо возвышается.

37. *Купить.* Правая рука даетъ деньги, между тѣмъ какъ лѣвая закрывается, какъ-бы принявъ что-нибудь и удаляется.

38. *Продать.* Обѣ руки поднятыя надъ головою махаютъ, какъ то дѣлаютъ торговщики, которые держа платокъ за два угла, машутъ имъ, заманивая къ себѣ покупателей.

39. *Водить.* Правая закрытая рука носится горизонтально съ правой стороны впередъ, какъ будто-бы водила кого за руку.

40. *Выходить.* Протянутая лѣвая рука находится въ вертикальномъ положеніи ладонью внутри; правая рука, также протянутая, идетъ къ ладони лѣвой; пальцы показываются внизу.

41. *Отправиться.* Знакъ предъидущій, только движеніе правой руки болѣе сильно.

42. *Убѣжать.* Знакъ слова »выходить«; но рука прикладывается нѣсколько разъ и съ живостію; голова обращена вправо, какъ-будто смотритъ она на кого-нибудь находящагося за нею; физіогномія выражаетъ опасеніе.

43. *Кончить.* Правая рука, вертикально протянутая, внѣшнею частію наружѣ, быстро носится сверху внизъ за лѣвую руку, также

удаляются въ сторону, какъ-бы сопровождая это движеніе; голова гордо поднимается.

37. Одинакій знакъ.

38. Дѣлаешь какъ-будто отдаешь что кому-либо и отъ него получаешь деньги, которыя означаешь считая оныя на ладони лѣвой руки и кладя потомъ въ карманъ.

39. Одинакій знакъ.

40. Подобный знакъ, получающій особенно значеніе свое отъ ударенія внѣшней стороны правой руки, опрокинутой, о ладонь лѣвой.

41. Правая рука, ударяя о лѣвую, какъ мы сейчасъ сказали, совсѣмъ отдѣляется отъ нея впередъ.

42. Почти какъ знакъ предъидущій, съ тѣмъ только, что онъ живѣе и нѣсколько разъ повторяется.

43 Подобный знакъ. Правая рука, какъ-будто остреё какого - нибудь орудія, кажется, отсѣкаетъ долготу пальцевъ лѣвой.

протянутую, и въ такомъ же положеніи, но только съ пальцами направленными къ противной сторонѣ.

44. *Повиноваться.* Обѣ открытыя руки, ладонью вверхъ и съ протянутыми пальцами, идутъ впередъ опускаясь; въ то же время тѣло слѣдуетъ сему движенію а голова наклоняется.

45. *Забыть.* Правая рука протянутая гладитъ лобъ; физіогномія выражаетъ недоумѣніе.

46. *Ошибаться.* Закрытая рука, кромѣ большаго пальца и мизинца, быстро подносится подъ носъ, а голова подается назадъ.

47. *Насмѣхаться.* Обѣ руки открытыя, ладонью вверхъ и съ отдѣленными пальцами, одна передъ другою, идутъ нѣсколько разъ впередъ; опускаясь. Физіогномія выражаетъ презрѣніе.

48. *Стыдиться.* Правая рука третъ правую щеку внѣшнею частію, голова наклоняется, глаза потуплены; физіогномія выражаетъ замѣшательство.

49. *Изумляться.* Правая рука прикладывается плашмя на нижнюю часть груди; тѣло наклоняется впередъ; физіогномія такая же, какъ для предъидущаго знака.

50. *Не мое дѣло.* Обѣ руки, внѣшнею частію наружѣ, съ пальцами соединенными и обра-

44. Одинакій знакъ.

45. Тожъ.

46. Указательный палецъ поперечно проходитъ передо ртомъ, оттуда направляется къ груди, и тогда рука, кажется, сама собою падаетъ, какъ-бы отказываясь отъ какого-либо дѣла.

47. Оба указательные пальца, кажется, въ ярости цѣлятъ колкими своими кончиками въ предметъ насмѣшки, который какъ-бы находится въ низкомъ мѣстѣ на лѣвой сторонѣ.

48. Подобный знакъ. Правая рука также третъ щеку, чтобъ означить румянецъ, которымъ стыдъ краситъ лице.

49. Ротъ и глаза открываются, обѣ руки также открыты съ ладонью впередъ, и нѣсколько поднимаются предъ грудью; тѣло слегка отодвигается назадъ.

50. Одинакій знакъ, только тѣло нѣсколько уклоняется взадъ.

щенными внизъ, трогая слегка грудь, быстро отъ нея отдаляются, и тотчатъ пальцы разъединяются впередъ, какъ-бы отрицая что-нибудь; плеча легко поднимаются; физіогномія выражаетъ безпечность.

51. *Онъ меня все тревожитъ.* Глухо-нѣмой направляетъ указательный палецъ къ тому, на кого жалуется, потомъ быстро и нѣсколько разъ подноситъ руку къ груди.

52. *Чтобы показать отвращеніе отъ чего-нибудь.* Ротъ полу-открытъ, языкъ положенный на нижней губѣ выражаетъ невкусность; въ то же время правая открытая рука, съ отдѣленными одинъ отъ другаго пальцами и внѣшнею частію наружѣ, подноситъ указательный палецъ подъ нижнюю губу, и оттуда кидается впередъ, какъ-бы выбрасывая слюну на что-нибудь.

53. *Здоровы ли вы?* Правая рука щупаетъ пульсъ; потомъ прикладывается ко рту и удаляется отъ него, опускаясь внизъ; физіогномія выражаетъ недоумѣніе; глаза стремятся къ лицу, къ которому обращена рѣчь, какъ-бы ожидая отъ него отвѣта.

54. *Мы оба вмѣстѣ.* Правая рука, закрытая кромѣ большаго и указательнаго пальцевъ, силь-

51. Глухо-нѣмой въ самомъ дѣлѣ направляетъ сперва указательный палецъ на того, на кого жалуется, потомъ обращаетъ къ груди своей оба вмѣстѣ указательные, которые будто угрожаютъ ее нѣсколько разъ своими оконечностями.

52. Кромѣ описаннаго здѣсь знака, наши глухо-нѣмые правую открытую руку, ладонью внизъ, проводятъ поперечно подъ подбородкомъ съ лѣвой стороны къ правой, такъ чтобъ она внутреннимъ краемъ коснулась горла; въ то же время голова отклоняется на право съ видомъ отвращенія.

53. Одинакій знакъ.

54. Тожъ.

но отдаленныхъ, направляетъ указательный палецъ къ особѣ, къ которой обращается, а большой къ груди говорящаго; потомъ оба поднятые указательные пальца прикладываются одинъ къ другому и направляются впередъ въ горизонтальномъ положеніи.

55. *Ничего нѣтъ.* Лѣвая рука протянутая находится въ горизонтальномъ положеніи; правая рука, распростертая на извѣстномъ разстояніи надъ лѣвою вверхъ, опускается до нея.

56. *Бѣдный.* Протянуть правую руку, потомъ быстро сложить обѣ руки съ печальнымъ видомъ.

57. *Сопровождать.* Обѣ закрытыя руки, съ поднятыми большими пальцами, прикладываются одна къ другой, и въ этомъ положеніи идутъ впередъ.

58. *Терять.* Руки закрытыя передъ грудью, ладонью вверхъ, опускаются внизъ и открываются, кидаясь впередъ.

59. *Воздухъ.* Махаешь рукою передо ртомъ, вдыхая воздухъ.

60. *Кофе.* Дѣлаешь будто мелешь его, подражая однимъ кулакомъ мельницѣ, а другимъ движенію ручки.

55. Знакъ похожій. Правою рукою проводишь по плоскости лѣвой, какъ-будто хочешь что-нибудь соскоблить съ оной; между тѣмъ дуешь на нее.

56. Протягиваешь правую руку, полуоткрытую, къ лѣвой сторонѣ груди.

57. Знакъ подобный. Обѣ открытыя руки, вертикально лежащія, такъ что внѣшняя сторона правой почти трогаетъ ладонь лѣвой, подвигаются въ семъ положеніи впередъ, одна за другою. Подвигаешь еще, если хочешь, лѣвый поднятый указательный палецъ передъ правымъ.

58. Одинакій знакъ.

59. Знакъ подобный. Даешь замѣтить рукою выходящій изо рта воздухъ.

60. Одинакій знакъ.

61. *Другъ.* Обѣ кисти, поставленныя одна на другой, подлѣ сердца, въ горизонтальномъ положеніи, ладонью наверхъ, удаляются и приближаются попеременно къ сердцу, чтобъ изобразить изліянія сердца и ихъ взаимность.

62. *Кротость.* Пальцы правой руки, отделенные и согнутые по высотѣ лица, медленно опускаются, соединяясь своими кончиками; физіогномія содѣйствуетъ выраженію сего качества.

63. *Учтивость.* Между тѣмъ какъ правый локоть подвигается къ тѣлу, закрытая рука носится къ лѣвому плечу, кругомъ двигаясь снаружи внутрь; голова наклоняется.

64. *Вспыльчивость.* Пальцы правой руки, отдѣленные и согнутые, носятся нѣсколько разъ снизу вверхъ къ груди; глаза сверкаютъ, тѣло трясется.

65. *Время.* Правая рука кидается поверхъ плеча, потомъ носится впередъ.

66. *Продолженіе.* Кладешь большой правый палецъ крестомъ на лѣвой, и носишь ихъ въ такомъ положеніи впередъ, такъ далеко, какъ только руки могутъ протянуться.

67. *Истина.* Кладешь правую руку на сердце, потомъ протягиваешь ее въ знакъ увѣренности.

68 *Сомнѣніе.* Обѣ опрокинутыя руки кача-

61. Правая рука полагается съ давленіемъ въ лѣвую.

62. Пальцы правой руки тихо ласкаютъ внѣшнюю сторону лѣвой.

63. Правая рука опускается съ головы вправо, описывая кривую линію впередъ, какъ-будто-бы снимаешь шляпу церемонно; голова и тѣло наклоняются.

64. Соединенные пальцы правой руки подносятся къ сердцу и живо удаляются, разъединяясь.

65. Правый указательный палецъ описываетъ вертикальный кругъ.

66. Внѣшній край правой руки, кажется, медленно и постепенно размѣряетъ длину лѣвой руки отъ кисти до локтя.

67. Правый указательный палецъ носится впередъ опускаясь, и вдругъ, кажется, останавливается твердо на предстоящемъ предметѣ.

68. Одинакій знакъ.

ются на высотѣ плечъ и голова наклоняется, то въ правую, то въ лѣвую сторону. Плеча поднимаются.

69. *Подозрѣніе*. Правый указательный палецъ подносится ко лбу, потомъ нѣсколько трясется влѣво; глаза, немного прижмуренные, устремлены въ ту же сторону.

70. *Невѣжество*. Правая рука, съ указательнымъ и среднимъ пальцами, отдаленными одинъ отъ другаго, подносится ко лбу, внѣшнею частію внутри.

71. *Наука*. Правая рука, оконечностію соединенныхъ пальцевъ, ударяетъ нѣсколько разъ въ лобъ и поднимается потомъ, открываясь выше головы.

72. *Геній*. Правая рука подноситъ указательный палецъ ко лбу, потомъ поднимается надъ головою, открываясь и двигая пальцами въ подражаніе пламени.

69. Одинакій знакъ, или какъ предъидущій, между-тѣмъ какъ глаза выражаютъ недовѣрчивость.

70. Оба указательные пальца прилагаются къ вискамъ наподобіе ослиныхъ ушей.

71. Правый указательный палецъ прилагается ко лбу, физіогномія выражаетъ важность.

72. Указательный палецъ нѣсколько разъ ударяетъ въ лобъ, и тотчасъ поднимается правая рука съ отважнымъ видомъ выше головы, съ закрытыми пальцами кромѣ большаго, который стоитъ одинъ.

ГЛАВА XXIV.

ПАНТОМИМА МОЛИТВЫ *ОТЧЕ НАШЪ*, ОПИСАННАЯ Г-мъ ДЕЖЕРАНДО.

Представляемъ здѣсь молитву Отче нашъ, какую читаетъ глухо-нѣмой на своемъ языкѣ. Вмѣсто того, чтобы переводить слова знаками, мы старались описать всѣ движенія, какія дѣлаетъ глухо-нѣмой, потомъ поставимъ подлѣ каждаго частнаго описанія соотвѣтствующее ему слово на нашемъ языкѣ; такимъ образомъ, мы изображаемъ здѣсь не «Отче нашъ», переведенный на мимическій языкъ, но напротивъ, пантомиму сей молитвы, буквально переведенную на нашъ языкъ. Этотъ ходъ показался намъ предпочтительнѣе, потому-что синтаксисъ пантомимнаго языка различествуетъ отъ синтаксиса нашего языка, и слѣдовательно, если-бъ мы описывали сію молитву слово въ слово, надлежало-бы пожертвовать превращеніями мимики въ пользу нашего словорасположенія, и мы не достигли-бы своей цѣли, представить образчикъ мимическаго языка, его эллипсисовъ и свойственнаго духа.

Та же молитва, переведенная въ духъ пантомимы глухо-нѣмыхъ.

Составляя пантомиму сей молитвы, глухо-нѣмые, съ помощію наставника, старались сближать какъ можно болѣе выраженіе знаковъ съ значеніемъ письменныхъ словъ; они, если вамъ угодно, и сдѣлали нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ словъ, опустили слова не такъ нужныя и съ трудомъ переводимыя, но общій ходъ фразы остался тѣмъ же самымъ. Чтобы вѣрно судить объ оригинальности и настоящемъ синтаксисѣ мимическаго языка, надобно-бъ было взять для примѣра какой-либо изъ тѣхъ произвольныхъ и самостоятельныхъ разговоровъ, которые глухо-нѣмые импровизируютъ промежь собою; это даже единственное средство оцѣнить всѣ превращенія и эллипсисы, которыя, сравнительно съ нашими языками, изобилуютъ въ пантомимѣ глухо-нѣмыхъ. Но здѣсь, повторяемъ, знаки могутъ быть только болѣе или менѣе свободнымъ переводомъ письменныхъ словъ.

*

Нашъ	1. Указательный палецъ правой руки носится съ лѣвой стороны къ правой, описывая горизонтально кривую линію.
Отче	2. Обѣ руки прикладываются выше бедръ, и косвенно опускаются на брюхо сближаясь.
Небо	3. Обѣ руки поднятыя на высотѣ головы, положенныя одна на другой и представляющія вогнутый видъ, раздѣляются описывая каждая по половинѣ свода.
Въ,	4. Правая рука погружается на той же высотѣ въ полуоткрытую лѣвую.
(Мы желаемъ) чтобы	5. Обѣ опрокинутыя руки, съ согнутыми и отдѣленными пальцами, дѣлаютъ одна предъ другою движеніе къ сердцу.
Твое	6. Правый указательный палецъ указываетъ на небо.
Имя	7. Указательный палецъ правой руки ударяетъ накрестъ, раза два, указательный лѣвой.
Да святится;	8. Правая рука, въ косвенномъ положеніи, съ пальцами обращенными къ лѣвой, опускается отъ лба, удаляясь отъ тѣла кривою линіею; между тѣмъ голова наклоняется.
(Мы желаемъ) чтобы	9. См. № 5.

1. *Отче.* Нѣжно цѣлуешь внѣшнюю сторону правой руки.

2. *Нашъ.* Правая рука внутренно прикладывается къ груди, и потомъ описываетъ горизонтальную кривую линію съ лѣвой стороны къ правой, съ внѣшнею стороною впереди. Сей знакъ означаетъ обладаніе, сперва *для* говорящаго лица и во-вторыхъ *для* его сообладателей.

3. *Иже еси.* Эти два слова имѣютъ знаки чисто грамматическіе, уже сказанные выше. Глухо-нѣмые ими чаще пренебрегаютъ.

4. *На.* Это слово также употребляется рѣдко глухо-нѣмыми. Какимъ образомъ выражается оно мимически, было изложено въ статьѣ о предлогахъ.

5. *Небесѣхъ.* Правый указательный палецъ описываетъ вертикальный сводъ слѣво на право.

6. *Да.* Обѣ руки открытыя подносятся на высоту сердца пальцами внизъ и опускаются отъ него косвенно къ землѣ. Этотъ знакъ выражаетъ желаніе.

7. *Святится.* Соединенные пять пальцевъ каждой руки подносятся къ глазамъ, потомъ удаляются отдѣляясь по обѣимъ сторонамъ висковъ, желая тѣмъ изобразить лучи славы у Святыхъ.

8. *Имя.* Правая рука будто пишетъ какое-то имя на ладони лѣвой.

9. *Твое.* Открытая правая рука, съ ладонью обращенною къ груди, направляется впередъ противъ говорящаго.

Твое	10. См. № 6.
(На душахъ)	11. Указательный палецъ подносится ко лбу и потомъ къ сердцу.
Царство	12. Обѣ руки, носящіяся впередъ и закрытыя какъ-будто держатъ вожжи, кажется, поперемѣнно тащутъ къ себѣ и послабляютъ оныя.
(Провидѣніе)	13. Обѣ руки, носящіяся впередъ, ладонью также впередъ, качаются въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.
Да прійдетъ;	14. Правый указательный палецъ направляется къ небу; потомъ, опрокинувшись, возвращается на лѣвую сторону груди.
(Мы желаемъ) чтобы	15. См. № 5.
Твоя	16. См. № 6.
Воля	17. Указательный палецъ правой руки удаляется ото рта, который въ то же самое время открывается и закрывается; потомъ быстро бросается въ лѣвую, потомъ въ правую сторону.
(Да исполнится)	18. Оба указательные пальца, положенные параллельно впередъ, отдаляются, опускаясь внизъ и опять восходя по кривой линіи, чтобы соединиться горизонтально одинъ съ другимъ. Голова наклоняется.
На небеси	19. См. № 3.
На землѣ	20. Обѣ руки слегка согнутыя носятся впередъ, одна возлѣ другой, и раздѣляются описывая сферу.

10. *Да* См. № 6

11. *Прійдетъ.* Оба указательные пальца вертятся одинъ вокругъ другаго, подходя горизонтально снаружи къ груди.

12. *Царствіе.* Оба указательные пальца, поставленные накрестъ, держатся надо лбомъ, чтобъ означить корону; потомъ дѣлаешь будто держишь обѣими руками вожжи.

13. *Твое.* См. № 9.

14. *Да.* См. № 6.

15. *Будетъ.* Правая рука, вертикально лежащая, скользитъ впередъ.

16. *Воля.* Обѣ открытыя руки, ладонью внутри и пальцами внизъ у сердца, косвенно опускаются къ землѣ, правая за лѣвою, какъ-будто желая схватить какую-либо вещь. Такимъ образомъ воля наклоняетъ сердце; такъ стремится оно черезъ нее къ предмету своего желанія.

17. *Твоя.* См. № 9.

18. *Яко.* Оба указательные пальца, лежащіе, приближаются одинъ къ другому.

19. *На Небеси.* См. № 4. и 5.

20. *И.* Знакъ грамматическій; оба указательные пальца соединяются въ крюкъ.

21. *На.* Правая открытая рука полагается внутренно на внѣшнюю сторону открытой лѣвой.

22. *Земли.* Обѣ открытыя руки, ладонью внизъ, отдаляются одна отъ другой, каждая въ свою сторону, опускаясь внизъ, параллельно съ землею.

23. *Хлѣбъ.* Открытая правая рука, изображающая ножъ, скользитъ внутреннимъ краемъ по плоскости лѣвой.

Яко	21. Оба указательные пальца прикладываются одинъ къ другому.
Мы тебѣ молимся	22. Руки сложенныя предъ лицемъ косвенно опускаются на грудь, глаза стремятся къ небу.
Хлѣбъ	23. Внѣшній край правой руки поперечно опускается на заднюю сторону полу-закрытой лѣвой.
Насущный	24. Поднятый большой палецъ правой руки съ другими пальцами закрытыми, слегка тронувъ щеку, обращается снизу вверхъ, и сзади впередъ описываетъ, съ лѣвой стороны къ правой, вертикальный кругъ, потомъ дѣлаетъ поперемѣнныя движенія сзади впередъ, подходя горизонтально вправо.
Сего дня	25. Обѣ опрокинутыя руки протянутыя опускаются съ легкимъ трясеніемъ предъ тѣломъ.
Намъдать;	26. Правая рука закрывается, носится впередъ и открывается.
Мы тебѣ молимся	27. См. № 22.
Наши согрѣшенія	28. Соединенные пальцы правой руки ударяютъ оконечностію своею нижнюю часть груди.
(Противъ тебя)	29. Оба указательные пальца быстро направляются одинъ къ другому; но правый, вмѣсто того чтобы встрѣтиться съ лѣвымъ, проходитъ надъ нимъ и указываетъ на небо.
Намъ	30. См. № 1.

24. *Нашъ* См. № 2.

25. *Насущный.* Большой палецъ правой руки отдѣляетъ одинъ за другимъ всѣ пальцы закрытой лѣвой, начиная съ большаго, какъ-будто считаетъ ихъ; къ чему прибавляется знакъ свѣта, какъ у № 22.

26. *Даждь.* Обѣ открытыя руки соединяются сперва оконечностями своихъ пальцевъ, нѣсколько опускаясь, что значитъ прошеніе; потомъ правая рука закрытая будто держитъ что-нибудь и отдаетъ говорящему.

27. *Намъ.* Указательный палецъ направляется къ груди говорящаго, потомъ идетъ кругомъ впередъ съ лѣвой стороны къ правой.

28. *Днесь.* Обѣ открытыя руки, ладонью вверхъ, нѣсколько останавливаются передъ грудью, одна подлѣ другой, какъ-бы поддерживая какой-либо предметъ, дѣйствительно находящійся подъ глазами; потомъ пять соединенныхъ пальцевъ каждой руки подносятся къ закрытымъ глазамъ, которые вдругъ открываются вмѣстѣ со всѣми пальцами; этотъ послѣдній знакъ выражаетъ свѣтъ.

29. *И.* См. № 20.

30. *Остави.* Обѣ руки, одна подлѣ другой полу-закрытыя, которыя держишь низко, несутся впередъ, какъ-будто что-нибудь вдругъ выбрасывая.

31. *Намъ.* См. № 27.

32. *Долги.* Соединенные пальцы правой руки описываютъ маленькіе круги на сердцѣ, считаемомъ въ семъ случаѣ гнѣздилищемъ всякаго зла; потомъ правый указательный направляет-

Прощать,	31. Правая рука гладитъ нѣсколько разъ внутренность лѣвой опрокинутой.
Яко	32. См. № 21.
Другимъ	33. Правая рука, на высотѣ плеча, нѣсколько разъ кидается въ сторону.
Насъ обижающимъ	34. Правая рука закрывается, и вдругъ опять открываясь сильно устремляется къ груди.
Мы	35. См. № 1.
Простимъ,	36. См. № 31.
Мы тебѣ молимся	37. См. № 22.
Покушеніямъ	38. Оконечность указательнаго пальца нѣсколько разъ ударяетъ изъ-подъ низу лѣвой руки, которую держишь передъ грудью.
Подпасть	39. Обѣ опрокинутыя руки косвенно опускаются влѣво, въ то же время тѣло наклоняется въ ту же самую сторону.
Не заставлять насъ;	40. Обѣ руки, которыя держишь въ лѣвой сторонѣ ладонью внѣ, быстро носятся впередъ; въ то же время тѣло отодвигается назадъ.
Но	41. Обѣ руки быстро бросаются къ плечамъ ладонью наружу; голову отодвигаешь нѣсколько назадъ.
Отъ зла	42. Ладони рукъ соединяются продолжая подниматься.
Насъ освободить	43. Кулаки, положенные накрестъ, отдаляются съ усиліемъ.
(Мы желаемъ) да будетъ	44. См. № 5.
Такъ.	45. См. № 21.

ся къ лѣвому и не коснувшись его, стремится къ небу. Сіи три одновременные знака могутъ быть переведены такъ: «согрѣшеніе противъ Бога.»

33. *Наши.* См. № 2.

34. *Яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ.* См. № 18. 27. 29. 31. и 2.

35. *И.* См. № 20.

36. *Не.* Знакъ отрицанія, трогая ногтемъ большаго пальца остреё одного изъ переднихъ верхнихъ зубовъ, и быстро отдаляя руку.

37. *Введи.* Закрытая правая рука, кажется, держитъ кого за воротъ и ведетъ его отъ правой стороны къ лѣвой.

38. *Насъ.* См. № 27.

39. *Во.* Знакъ грамматическій; соединенные пальцы правой руки погружаются въ ладонь лѣвой полу-закрытой.

40. *Искушеніе.* Знакъ зла; обѣ руки подвигаются къ лѣвой сторонѣ, и вмѣстѣ голова отклоняется съ отвращеніемъ вправо.

41. *Но.* Знакъ грамматическій. См. предлоги.

42. *Избави.* Оба кулака, поставленные накрестъ, раздѣляются съ усиліемъ, какъ-будто разрывая цѣпи.

43. *Насъ.* См. № 27.

44. *Отъ.* Согнутые пальцы правой руки скользятъ наподобіе грабли, съ лѣвой стороны къ правой, на ладони лѣвой руки.

45. *Лукаваго.* Знакъ дьявола, изображая рога и глубину ада.

46. *Аминь.* Знакъ утвержденія или истины, подвигая впередъ указательный палецъ и будто подпирая его на предстоящемъ предметѣ.

ГЛАВА XXV.

СИМВОЛЪ ВѢРЫ, ЧИТАЕМЫЙ НАШИМИ ГЛУХОНѢМЫМИ НА ИХЪ ПАНТОМИМНОМЪ ЯЗЫКѢ.

1. *Вѣрую.* Лѣвая рука покрываетъ глаза, между тѣмъ какъ правый указательный палецъ носится впередъ опускаясь и твердо останавливается на предстоящемъ будто предметѣ.

2. *во.* Соединенные пальцы правой руки погружаются въ глубокую ладонь полу-закрытой лѣвой (*).

3. *единаго.* Большой палецъ правой руки одинъ только поднятъ и слегка трясешь куламъ, чтобы дать это лучше замѣтить.

4. *Бога.* Указательный палецъ направляется къ небу, физіогномія выражаетъ почтеніе.

5. *Отца.* Цѣлуешь внѣшнюю сторону правой руки.

6. *Вседержителя.* Обѣ руки, расположенныя какъ двѣ полусферы, одна противъ другой, какъ-будто обводятъ, начиная съ верхняго по-

---

(*) Мы предпочли войти въ нѣкоторыя повторенія, чѣмъ безпрестанно прерывать читателя слишкомъ многочисленными ссылками.

люса, объемъ шара, и соединяются потомъ у нижняго полюса: это значитъ *все*; потомъ обѣ руки сильно натягиваются съ сжатыми кулаками, чтобъ означить *держитель* или могущественный.

7. *Творца.* Дѣлается первый знакъ предъидущаго нумера; потомъ лѣвая рука открывается и лежитъ вертикально, ладонью противъ груди, а правая неожиданно выходитъ изъза нее.

8. *Небу.* Правый указательный палецъ вертикально описываетъ съ лѣвой стороны къ правой сводъ небесный.

9. *и.* Оба указательные пальца соединяются въ крюкъ.

10. *земли.* Обѣ открытыя руки, ладонью внизъ, отдаляются каждая въ свою сторону и параллельно съ земною поверхностію.

11. *видимымъ.* Раздѣленные указательный и среднiй пальцы отдѣльно подносятся къ глазамъ, потомъ опрокидываются впередъ, какъ-будто сопровождая лучи зрѣнія.

12. *же.* Частица чисто грамматическая и не выражается.

13. *всѣмъ.* См. № 6.

14. *и.* См. № 9.

15. *невидимымъ.* Знакъ нумера 11 и знакъ отрицанія.

16. *и во единаго.* См. нумера 9, 2 и 3.

17. *Господа Іисуса Христа.* Оба указательные указываютъ попеременно знаки гвоздей въ ладоняхъ.

18. *Сына.* Обѣ руки, открытыя и внутренно обращенныя одна къ другой, полагаются на высотѣ бедръ, откуда опускаются косвенно и приближаясь.

19. *Божія.* См. № 4.

20. *единороднаго.* См. № 3.

21. *иже.* См. № 9.

22. *отъ.* Пять пальцевъ правой руки, соединенные и согнутые, скользятъ отъ лѣвой стороны къ правой по плоскости другой руки.

23. *Отца.* См. № 5.

24. *рожденнаго.* Повторяется знакъ нумера 18.

25. *прежде.* Обѣ открытыя руки, пальцами вверхъ и ладонью внѣ, нѣсколько носятся предъ грудію.

26. *всѣхъ.* См. № 6.

27. *вѣкъ.* Указательный палецъ быстро описываетъ нѣсколько вертикальныхъ круговъ, потомъ рука нѣсколько разъ бросается назадъ надъ плечомъ.

28. *свѣта.* Пальцы обѣихъ рукъ, соединенные по оконечностямъ, подносятся къ глазамъ, которыя на минуту зажмуриваются, чтобы

вдругъ открыться, въ то время какъ пальцы разъединятся, удаляясь въ разныя стороны.

29. *отъ свѣта*. См. № 22 и 28.

30. *Бога*. См. № 4.

31. *Истина*. Правый указательный палецъ носится впередъ, опускаясь, и, кажется, съ твердостію опирается на предстоящемъ предметѣ.

32 *Отъ Бога Истина рождена*. См. № 22, 4, 31 и 18.

33. *не сотворена*. Всѣ пальцы, какъ обыкновенное орудіе всякаго дѣла и творенія, двигаются вмѣстѣ, какъ-будто по клавишамъ фортепіана; прибавляется знакъ отрицанія.

34. *единосущна*. Это мистическое слово не имѣетъ другаго знака, кромѣ знака совершеннаго равенства, который изображается самымъ твердымъ и быстрымъ приближеніемъ обоихъ указательныхъ пальцевъ, горизонтально лежащихъ и какъ-будто составляющихъ одно цѣлое.

35. *Отцу*. См. № 5.

36. *имъ же*. Дѣлаютъ сперва знакъ силы, натягивая обѣ руки впередъ нѣсколько внизъ, и потомъ знакъ отношенія, держа правый указательный палецъ на лѣвомъ, что представляетъ отношеніе сего мѣстоименія къ своему предъидущему.

37. *вся*. См. № 6.

38. *быша.* Дѣлается знакъ слова творить, описанный въ № 33.

39. *насъ.* Указательный палецъ направляется къ груди, потомъ описываетъ горизонтальный полукругъ съ лѣвой стороны къ правой.

40. *ради.* Знакъ помощи; обѣ руки носятся впередъ, какъ-бы предлагая подпору свою слабому человѣку и желая поддержать его.

41. *человѣкъ.* Дѣлается двойной знакъ мужчины и женщины. См. эти знаки выше.

42. *и нашего ради.* См. № 9, 39 и 40.

43. *спасенія.* Обѣ руки, какъ-будто готовыя поймать, опускаются впередъ, потомъ идутъ вверхъ закрываясь, какъ-бы мы сдѣлали, вытаскивая изъ волнъ утопшаго человѣка.

44. *Сшедшаго.* Оба указательные пальца, горизонтально лежащіе одинъ противъ другаго, по высотѣ головы, опускаются къ груди, вертясь одинъ около другаго.

45. *съ небесъ и.* См. № 22, 8 и 9.

46. *воплотившагося.* Обѣ открытыя руки прибѣгаютъ сверху внизъ весь объемъ тѣла, по бокамъ груди къ животу.

47. *отъ.* См. № 22.

48. *Духа Свята.* Пальцы правой руки, соединенные вмѣстѣ, подносятся ко рту, и отдаляются отъ него раскрываясь вверхъ, какъ-будто сопровождая выходящее дыханіе: это зна-

чить «духъ»; потомъ дѣлается знакъ святаго, подноси соединенные пальцы каждой руки къ глазамъ и раскрывая ихъ вдругъ на высотѣ висковъ, чтобы изобразить лучи славы.

49. *и.* См. № 9.

50. *Маріи Дѣвы.* Дѣлаются знаки »матери« и «Бога».

51. *и.* См. № 9.

52. *вочеловѣчшагося.* Оба указательные пальца, лежащіе параллельно между собою и въ небольшомъ разстояніи, взаимно мѣняются мѣстами, и правый огибаетъ сверху лѣвый, — движеніе похожее на то, когда мы перевертываемъ верхъ дномъ какую-либо плоскую вещь. Прибавляется знакъ человѣка. Эти два знака буквальный переводъ двухъ словъ: «сдѣлался человѣкомъ».

53. *Распятаго.* Оба указательные пальца указываютъ взаимно мѣсто гвоздей въ ладоняхъ, потомъ обѣ руки подражаютъ положенію распятаго на крестѣ.

54. *же.* Оба указательные пальца горизонтально приближаются одинъ къ другому.

55. *за.* Указательный палецъ поднятъ на высотѣ лба и кулакъ обращается на самомъ себѣ полукругомъ.

56. *ны.* См. № 39.

57. *при Понтійстѣмъ Пилатѣ.* Дѣлаешь знакъ приказанія, протягивая открытую правую руку впередъ, какъ-будто объявляя какое-нибудь повелѣніе, потомъ будто пишешь какое-то имя на ладони лѣвой руки.

58. *и.* См. № 9.

59. *страдавша.* Голова наклоняется вбокъ, физіогномія принимаетъ выраженіе страданія.

60. *и.* См. № 9.

61. *погребенна.* Обѣ открытыя руки полагаются крестомъ на груди и потомъ опускаются къ землѣ, какъ-будто погружаясь въ могилу, голова между-тѣмъ слегка откидывается назадъ.

62. *и.* См. № 9.

63. *воскресшаго.* Обѣ руки полагаются крестомъ на груди, — это смерть; потомъ оба кулака, какъ-бы связанные вмѣстѣ, отдаляются съ усиліемъ и съ торжественнымъ видомъ.

64. *въ.* См. № 2. знакъ грамматическій.

65. *третій.* Три первые пальца подняты и дѣлаютъ быстрое движеніе съ лѣвой стороны къ правой, что отличаетъ число порядочное отъ количественнаго; потомъ дѣлается знакъ дня, то-есть свѣта, какъ это было сказано въ нумерѣ 28.

66. *по.* Лѣвая рука открыта съ ладонью впереди, а указательнымъ пальцемъ правой руки

повелительно указываешь что-то будто написанное на ней.

67. *писаніемъ.* Дѣлаешь какъ-будто пишешь на ладони лѣвой руки, къ чему прибавляется знакъ святаго, выше описанный.

68. *и.* См. № 9.

69. *восшедшаго.* Оба указательные пальца вертятся горизонтально одинъ около другаго, поднимаясь.

70. *на.* Правая рука, открытая, полагается на лѣвую, также открытую.

71. *небеса.* См. № 8.

72. *сѣдяща.* Обѣ руки опускаются по бокамъ тѣла съ ладонью обращенною къ землѣ, до обыкновенной высоты стула, и тѣло слегка наклоняется, какъ-будто хочешь сѣсть.

73. *о.* Дѣлается знакъ указанія или стремленія, направляя впередъ указательный палецъ.

74. *десную.* Лѣвая рука подносится къ правой и раза три ударяетъ ее объ локоть, чтобы заставить замѣтить это движеніе.

75. *Отца.* См. № 5.

76. *и.* См. № 9.

77. *паки.* Большой и указательный пальцы правой руки подняты, и та же рука быстро скользитъ съ правой стороны къ лѣвой по ладони другой руки.

*

78. *грядущаго.* Оба указательные пальца приближаются снаружи къ груди, вертясь горизонтально одинъ около другаго.

79. *со.* Локоть приближается къ боку какъ-будто идешь съ кѣмъ рука-объ-руку.

80. *славою.* Соединенные пальцы каждой руки подносятся къ глазамъ, откуда быстро разсыпаются, между-тѣмъ-какъ пялишь глаза; лице выражаетъ важность.

81. *судити.* Обѣими руками дѣлаешь какъ-будто держишь по концамъ коромысло вѣсовъ въ равновѣсіи.

82. *живымъ.* Обѣ открытыя руки ,съ ладонью вверхъ, одна подлѣ другой и возлѣ груди, слегка поднимаются нѣсколько разъ съ краткимъ трепетаніемъ, которое кажется сообщаютъ всему тѣлу.

83. *и.* См. № 9.

84. *мертвымъ.* Обѣ руки сложены на груди; глаза зажмуриваются; голова наклоняется назадъ.

85. *его же.* Дѣлается знакъ грамматическій третьяго лица посредствомъ мизинца, который бросается къ сторонѣ, будто указывая постороннее присутствующее лице. Частица *же* здѣсь не переводится.

86. *царствію.* Оба указательные пальца, сложенные крестомъ, поднимаются надо лбомъ,

что значитъ крестъ царской короны; потомъ объ руки будто держатъ вожжи.

87. *не будетъ.* Знакъ отрицанія и знакъ будущаго, который дѣлается двигая впередъ открытую и вертикально лежащую руку.

88. *конца.* Правая рука открытая быстро бросается внизъ, такъ чтобы задѣть оконечность пальцевъ лѣвой.

89. *и въ Духа Святаго Господа.* См. № 9, 2 и 48.

90. *животворящаго.* Дѣлается сперва знакъ нумера 82, потомъ, правая рука, какъ-будто держа что-нибудь, приближается къ груди, чтобы отдать оное.

91. *иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ.* См. № 9, 22, 5, 44, 9, 79, 5, 9 и 18.

92. *спокланяема.* Обѣ открытыя руки опускаются впередъ къ землѣ; тѣло слѣдуетъ за симъ движеніемъ какъ-будто-бы хотѣло оно повергнуться.

93. *и славима.* См. № 9 и 80.

94. *глаголавшаго.* Двигаешь губами будто говоришь и указательный палецъ какъ-будто выводитъ исходящее изъ устъ слово.

95. *Пророки.* Соединенные пальцы правой руки носятся передо лбомъ съ оконечностію наружѣ, и нѣсколько разъ дѣлаютъ небольшія

движенія впередъ, какъ-будто желая перенести въ голову другаго то, что почерпнули въ своей. Прибавляется знакъ «Бога.» Эта пантомима можетъ быть переведена словами: «Наставникъ Божественный.»

96. *во единую Святую.* См. № 2, 3 и 48.

97. *Соборную.* Дѣлается первый знакъ описанный въ нумерѣ 6, давая обводу рукъ сколько можно болѣе протяженія.

98. *и.* См. № 9.

99. *Апостольскую.* См. № 96.

100. *Церковь.* Дѣлаются два знака дома и молитвы. Сей послѣдній выражается изображеніемъ знака креста и благоговѣйнымъ поклономъ.

101. *исповѣдую.* Дѣлается знакъ глагола N. 94, только ротъ открывается болѣе, и указательный палецъ, давая это замѣтить, описываетъ длинную кривую линію впередъ, означая этимъ, что слово здѣсь и болѣе громко и раздается вдали.

102. *едино.* См. № 3.

103. *крещеніе.* Оба указательные пальца, сложенные крестомъ, опускаются внизъ, какъ-будто погружаясь въ купель.

104. *во.* См. № 2.

105. *оставленіе.* Обѣ руки въ одно время

бросаются впередъ понижаясь, и будто опускаютъ держанный ими предметъ.

106. *грѣховъ.* Соединенные пальцы правой руки описываютъ маленькіе кружки на сердцѣ; потомъ оба указательные идутъ одинъ на встрѣчу другому, но не касаясь, а правый изъ нихъ поднимается къ небу. Эти три знака значатъ: «согрѣшеніе противъ Бога».

107. *чаю.* Обѣ открытыя руки, съ ладонью внизъ, одна подлѣ другой, медленно опускаются и поднимаются нѣсколько разъ, подобно тому, когда мы уговариваемъ кого имѣть терпѣніе.

108. *воскресеніе мертвыхъ и жизни.* См. № 63, 84, 9 и 82.

109. *будущаго вѣка.* Указательный палецъ быстро описываетъ нѣсколько вертикальныхъ круговъ, а правая рука тотчасъ протягивается впередъ во всю длину.

110. *Аминь.* Указательный палецъ опускается впередъ и твердо останавливается, какъ-будто встрѣтивъ предстоящій предметъ.

ГЛАВА XXVI.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТИСТИКИ ГЛУХО-НѢМЫХЪ, ОБНАРОДОВАННОЙ ПАРИЖСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

Статистическія изслѣдованія о глухо-нѣмыхъ суть чрезвычайной важности и заслуживаютъ все наше вниманіе. Обнаруживая весь объемъ ихъ недуга, они вызываютъ въ то же время всѣ средства ему на помощь.

Врачебное искусство было доселѣ неспособно къ опредѣленію причинъ глухоты; статистика, быть можетъ, наконецъ его замѣнитъ, когда представитъ довольно значительное количество свѣдѣній. Сближеніе числа глухо-нѣмыхъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, съ разсмотрѣніемъ мѣстоположенія, можетъ со временемъ доставить нѣкоторыя указанія объ этомъ недугѣ.

Прусское правительство, лучше другихъ умѣвшее оцѣнить всю важность статистики глухо-нѣмыхъ, сдѣлало, въ три разныя эпохи, ревизію всѣхъ глухо-нѣмыхъ въ государствѣ. Послѣдняя изъ нихъ, бывшая въ 1828 году, представляетъ слѣдующій результатъ:

ПРОВИНЦІИ.	Народонаселеніе.	Глухо-нѣмые.	Пропорція.
1. Пруссія Восточная .	1,216,154	1,128	1: 1078
2. — — — Западная .	792,207	547	1: 1448
3. Бранденбургъ, не считая Берлина	1,302,762	963	1: 1352
4. Берлинъ	236,830	143	1: 1656
5. Померанія	877,555	648	1: 1354
6. Силезія	2,396,551	1,696	1: 1413
7. Познань	1,064,506	641	1: 1661
8. Саксонія	1,409,388	990	1: 1424
9. Вестфалія	1,228,548	532	1: 2309
10. Юлихъ-Клеве-Бергъ	1,075,025	378	1: 2844
11. Нижне-Рейнская . .	1,127,297	557	1: 2024
Итого .	12,726,823	8,223	1: 1548

И такъ, между-тѣмъ какъ въ цѣлой Пруссіи считается одинъ глухо-нѣмой между 1548 жителями, Восточная Пруссія представляетъ одного глухо-нѣмаго между 1078 жителями, а Провинція Юлихъ-Клеве-Бергъ имѣетъ только одного на 2844, то-есть едва третью часть глухо-нѣмыхъ, находящихся въ первой. Замѣтили, что Прусскія провинціи, въ которыхъ образованіе болѣе распространено, и которыя пользуются въ высшей степени житейскими удобствами, также представляютъ, въ большей части случаевъ, меньшее число глухо-нѣмыхъ, нежели провинціи, гдѣ просвѣщеніе менѣе разлито.

Прусское правительство не ограничилось тѣмъ, чтобы опредѣлить число глухо-нѣмыхъ въ каждой провинціи; оно кромѣ того сдѣлало ихъ распредѣленіе между всѣми округами Королевства, расположивъ ихъ по лѣтамъ и означая отношеніе ихъ къ народонаселенію каждаго округа. Результатъ этого труда заключается въ слѣдующей таблицѣ.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

О ВСѢХЪ ГЛУХО-НѢМЫХЪ ВЪ ПРУССІИ ПО РЕВИЗІИ, СДѢЛАННОЙ ВЪ 1823 ГОДУ.

	НАЗВАНІЯ ОКРУГОВЪ.	Съ 1 года до 5 лѣтъ.	Съ 5 до 10.	Съ 10 до 15.	Съ 15 до 20.	Съ 20 до 25	Съ 25 до 30.	Съ 30 до 35.
1	Кенигсбергъ	34	104	149	89	63	54	41
2	Гумбиненъ	14	55	92	82	60	59	31
3	Данцигъ	10	46	50	43	37	21	9
4	Маріенвердеръ	12	52	59	42	33	29	15
5	Берлинъ	8	22	55	33	12	10	7
6	Потсдамъ, исключая Берлинъ	19	64	70	41	59	53	37
7	Франкфуртъ	18	71	90	67	48	70	42
8	Штеттинъ.	20	61	45	38	40	27	22
9	Кёслинъ.	8	28	43	35	26	26	15
10	Стральзундъ	»	14	11	12	10	9	8
11	Бреславль.	17	103	155	130	106	92	58
12	Лигницъ	13	46	77	64	60	55	58
13	Оппелнъ	17	64	67	63	61	48	45
14	Познань.	14	66	102	76	83	57	40
15	Бромбергъ	4	15	22	20	13	10	2
16	Мерзебургъ	9	38	52	51	43	42	26
17	Магдебургъ	10	47	55	66	42	45	29
18	Эрфуртъ	9	39	42	46	29	26	15
19	Минстеръ	3	12	20	18	17	11	9
20	Минденъ	5	24	22	24	29	19	15
21	Арнсбергъ	7	27	22	29	33	34	13
22	Дюссельдорфъ.	8	25	39	31	46	19	13
23	Кёлнъ	»	31	23	23	22	19	6
24	Кобленцъ	9	28	35	32	33	19	10
25	Ахенъ	5	9	16	23	25	11	5
26	Трирь	2	27	29	42	33	26	12
	Итого . .	275	1118	1400	1220	1063	891	565

Съ 35 до 40.	Съ 40 до 45.	Съ 45 до 50.	Съ 50 до 55.	Съ 55 до 60.	Съ 60 до 65.	Съ 65 до 70.	Съ 70 до 75.	Съ 75 до 80.	Съ 80 до 85.	Съ 85 до 90.	Итого.	Жителей на одного глухо-нѣмаго.
26	16	24	11	17	8	»	»	»	»	»	656	1109
25	15	20	10	29	»	»	»	»	»	»	492	1039
11	10	7	6	2	2	2	1	»	»	»	257	1284
16	6	11	2	5	3	2	3	»	»	»	290	1594
2	4	3	4	2	»	»	1	»	»	»	143	1656
18	15	11	14	8	16	»	»	»	»	»	425	1501
40	17	30	16	8	21	»	»	»	»	»	538	1236
18	19	15	4	7	11	3	3	»	»	»	333	1252
8	8	9	3	6	2	1	1	»	1	»	220	1416
9	8	3	2	2	4	2	1	»	»	»	95	1568
44	33	29	18	11	10	7	3	2	1	»	797	1183
33	21	14	9	4	9	4	2	»	»	»	449	1693
27	24	19	8	1	3	2	1	»	»	»	450	1543
27	12	15	18	5	5	3	3	2	2	»	550	1279
6	4	4	1	3	5	»	2	»	»	»	111	3004
22	11	9	14	7	9	4	3	»	»	1	341	1717
26	17	22	10	10	5	1	»	»	»	»	385	1426
22	7	11	5	6	3	2	1	1	»	»	264	1041
6	4	4	6	3	1	2	»	1	»	»	117	3357
13	13	13	19	»	»	»	»	»	»	»	200	1939
11	8	12	7	7	4	»	»	»	1	»	215	2083
10	16	8	8	2	4	1	»	1	»	»	231	2996
6	3	14	»	»	»	»	»	»	»	»	147	2605
21	9	8	7	18	»	»	»	»	»	»	229	1800
7	5	4	1	1	2	1	1	»	»	»	116	3005
12	10	10	5	2	1	1	»	»	»	»	212	1729
466	317	331	208	166	128	58	26	7	5	1	8223	1548

Изъ этой таблицы еще яснѣе видно означенное уже нами неравенство въ распредѣленіи глухо-нѣмыхъ между разными округами.

И такъ, принимая двѣ самыя крайнія точки, округъ Гумбинненъ считаетъ одного глухо-нѣмаго на 1059 жителей, между-тѣмъ какъ Минстерскій округъ считаетъ только одного на 3357 жителей, то-есть даже и не третью часть перваго, относительно къ собственному народонаселенію.

Можетъ быть, удивятся малому числу глухо-нѣмыхъ въ таблицѣ отъ 1 до 5 лѣтъ, сравнительно съ числомъ глухо-нѣмыхъ отъ пяти до десяти годовъ и отъ десяти до пятнадцати; эта разница происходитъ отъ двухъ причинъ: первая, что весьма трудно удостовѣриться въ существованіи глухоты въ первыхъ годахъ; вторая, что многія дѣти дѣлаются глухими до пятилѣтняго возраста, и даже послѣ онаго, и сія послѣдняя причина одна можетъ изъяснить значительное число глухо-нѣмыхъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, въ сравненіи съ числомъ сихъ несчастныхъ отъ пяти до десяти годовъ.

Во многихъ Швейцарскихъ кантонахъ дѣлали ревизію глухо-нѣмыхъ. Она имѣла слѣдующій результатъ.

КАНТОНЫ.	Народонаселеніе.	Глухо-нѣмые.	Пропорція
Цюрихскій	220,000	225	1: 1,000
Вадтскій	155,000	152	1: 1,000
Базельскій	50,000	100	1: 500
Аргауcкій	120,000	300	1: 400
Бернскій	350,000	1,000	1: 350

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что Швейцарія есть страна, гдѣ глухо-нѣмые въ наибольшемъ количествѣ; что, съ другой стороны, они въ ней, какъ и въ Пруссіи, весьма неровно распредѣлены между различными кантонами.

Мы замѣтимъ объ этомъ съ Г. Шмальцомъ, что кантоны Цюрихскій и Вадтскій, имѣющіе весьма мало высокихъ горъ, безъ глубокихъ долинъ, содержатъ и меньшее число глухо-нѣмыхъ, между-тѣмъ какъ Бернскій кантонъ, покрытый напротивъ высокими горами и обильный глубокими лощинами, представляетъ самое большое число глухо-нѣмыхъ.

Достойно замѣчанія множество тупоумныхъ, находящихся между глухо-нѣмыми въ Швейцаріи; такъ, что изъ сорока этихъ несчастныхъ, которые были разсматриваемы въ Базельскомъ кантонѣ, трое только признаны были способными къ полученію образованія, и

эти трое были исключены изъ институтовъ Ивердена и Бахтелена по неспособности.

Скопленіе глухо-нѣмыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы не можетъ, во всякомъ случаѣ, сравниться съ фактомъ, объявленнымъ однимъ Нью-Іоркскимъ журналомъ (въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки), который утверждаетъ, что въ Штатѣ Нью-Гемпшейръ, пропорція глухо-нѣмыхъ между Неграми содержится какъ 1 : 50. На всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, между 12 милліонами душъ считалось шесть тысячъ глухо-нѣмыхъ.

Мы весьма сожалѣемъ, что ревизія глухо-нѣмыхъ, начатая во Франціи въ слѣдствіе распоряженія правительства, не приведена была къ окончанію; подобный трудъ могъ-бы доставить самыя любопытныя свѣдѣнія.

Мы включимъ въ слѣдующей таблицѣ разныя статистическія свѣдѣнія, которыя доселѣ имѣемъ въ рукахъ.

СТРАНЫ.	Народонаселеніе.	Глухо-нѣмые.	Пропорція.
Швейцарія: Кантонъ Цюрихскій, — — — Вадтскій, — — — Базельскій, — — — Ааргаускій, — — — Бернскій .	895,000	1,777	1: 503
Германія: Великое Герцогство Баденское	1,108,060	1,983	1: 559
Виртембергъ	1,550,215	1,250	1: 1240
Баварія	4,037,000	2,908	1: 1388
Пруссія	12,726,823	8,223	1: 1548
Курфиршество Гессенъ	550,000	400	1: 1375
Герцогство Нассау .	300,000	210	1: 1428
Герцогство Брауншвейгъ	206,000	176	1: 1170
Бельгія . . . . Голландія	6,166,854	2,166	1: 2847
Данія	1,800,000	1,260	1· 1714
Ирландія	6,000,000	3,500	1: 1714
Соединенные Штаты . .	12,000,000	6,000	1: 2000
Итого . .	47,339,952	29,853	1: 1585

Изъ ревизій глухо-нѣмыхъ, сдѣланныхъ въ разныхъ странахъ, довольно вѣрно можно вывести отношенія обоихъ половъ, и это представляетъ любопытные факты.

Въ ревизіи 1825 года нѣкоторые округи въ Пруссіи доставили объ этомъ предметѣ свѣдѣнія, которыя сообщаемъ въ слѣдующей таблицѣ.

ОКРУГИ.	Глухо-нѣмые.	Мальчики.	Дѣвочки.	Пропорція.
Франкфуртъ.	549	327	222	3: 2
Потсдамъ, выключая Берлинъ.	321	192	129	3: 2
Стральзундъ.	97	44	53	5: 6
Бреславль	708	396	312	5: 4
Лигницъ.	283	161	122	4: 3
Мюнстеръ.	100	55	45	5: 4
Арнсбергъ.	221	116	105	10: 9
Кёльнъ	116	61	55	10: 9
Кобленцъ	256	138	118	7: 6
Триръ.	168	101	67	3: 2
Итого . .	2,819	1,591	1,228	4: 3

Швейцарія, Данія и Соединенные Штаты представляютъ также нѣкоторыя данныя касательно отношенія между обоими полами глухонѣмыхъ; присоединяя и ихъ къ доставленнымъ Пруссіею доводамъ, получимъ слѣдующій результатъ.

СТРАНЫ.	Глухо-нѣмые.	Мальчи-ки.	Дѣвоч-ки.	Пропор-ція.
Кантонъ Цюрихскій .	206	111	95	7: 6
Пруссія	2,819	1,591	1,228	4: 3
Данія	607	325	282	8: 7
Штатъ Нью-Іоркъ . .	569	289	280	32: 31
Итого . .	4,201	2,316	1,885	6: 5

Изъ этого исчисленія видно, что у глухо-нѣмыхъ, мужескій полъ пятою частію многочисленнѣе женскаго.

Статистика не должна ограничиться сообщеніемъ извѣстій только о числѣ глухо-нѣмыхъ, отношеніемъ ихъ къ цѣлому народонаселенію, ихъ распредѣленіемъ въ разныхъ мѣстахъ и отношеніемъ между обоими полами, она можетъ еще доставить указанія касательно естества и причинъ глухоты.

Уже многіе Институты направляютъ свои изслѣдованія къ сему предмету. Съ своей стороны Парижскій Институтъ глухо-нѣмыхъ напечаталъ бюллетень вопросовъ, который каждый изъ воспитанниковъ, при опредѣленіи своемъ, обязанъ принести въ училище вмѣстѣ съ отвѣтами. Вотъ онъ.

Рядъ вопросовъ относительно къ свѣдѣніямъ, которыя воспитанникъ обязанъ о себѣ сообщить при вступленіи въ Парижскій Институтъ.

1. Дитя было-ли глухимъ при рожденіи, или сдѣлалось таковымъ послѣ?

2. Въ первомъ случаѣ, какія обстоятельства предшествовали его рожденію, сопровождали его или за нимъ послѣдовали?

Во второмъ случаѣ, на которомъ году отъ роду дитя сдѣлалось глухимъ?

3. Со дня рожденія до потери слуха, страдало ли оно какою либо болѣзнію и не испытало ли какой немощи?

4. Въ слѣдствіе ли этой болѣзни или этого случая лишилось оно слуха?

5. Кромѣ глухоты имѣетъ-ли оно какой иной недостатокъ?

6. Въ такомъ случаѣ, сей недостатокъ предшествовалъ ли глухотѣ, или послѣдовалъ за нею, и черезъ сколько лѣтъ?

7. Говорило ли дитя до потери слуха?

8. Сколько дѣтей въ томъ семействѣ, и между этими дѣтьми сколько глухо-нѣмыхъ?

9. Не глухи ли сами отецъ и мать, или не имѣютъ ли они какого-либо другаго недостатка?

10. Какихъ лѣтъ были отецъ и мать во время рожденія дитяти?

11. Какого они званія?

12. Мѣсто, гдѣ обитаютъ родители, въ ровной странѣ, гористой или болотистой? Подвержено ли оно сырости или какому-иному атмосферическому вліянію?

Въ слѣдствіе сей мѣры, Парижскій Институтъ получилъ сто два бюллетеня, коихъ извлеченіе представляетъ слѣдующіе результаты:

между ста двумя глухо-нѣмыми, о которыхъ родители доставили свѣдѣнія, пятьдесятъ два были глухи съ самаго рожденія, а тридцать семь сдѣлались таковыми послѣ рожденія; касательно остальныхъ тринадцати не имѣется вѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи ихъ недуга. Между тридцати семью дѣтьми, удрученными случайною глухотою, семеро лишились слуха въ первомъ году своего существованія, тринадцать на второмъ, семь на третьемъ, одинъ на четвертомъ, пятеро на пятомъ, и четыре на осьмомъ.

Разсматривая причины глухоты, видимъ, что восемь случаевъ открылось сильными судорогами, причиненными прорѣзываніемъ зубовъ, или какимъ-либо испугомъ, десять эрратическою, мозговою, нервическою, воспалительною, желчною, простудною лихорадками и скарлатиною; въ двухъ случаяхъ открылась глухота въ слѣдствіе кори, въ шести послѣ нарыва подъ ухомъ, сильной ангины, паденія, простуды и сильной офтальміи, происшедшей отъ золотухи; семь случаевъ глухоты приписываются сильнымъ болѣзнямъ, природа которыхъ не означена родителями. Наконецъ, четверо изъ дѣтей лишились слуха такъ, что не возможно отнести этого лишенія къ какой-либо важной болѣзни; извѣстно только,

что они не были глухи при рожденіи, потому что они говорили, прежде чѣмъ замѣтили у нихъ глухоту.

Между сими ста двумя несчастными, двадцать одинъ глухо-нѣмой принадлежитъ семействамъ, въ которыхъ нѣсколько дѣтей страждущихъ тѣмъ же самымъ недугомъ; есть одно семейство, которое въ числѣ десяти дѣтей считаетъ семь глухо-нѣмыхъ. Но важнѣйшее замѣчаніе, что исключая одного брата и одну сестру, лишившихся слуха послѣ своего рожденія, всѣ дѣти, принадлежащія семействамъ, гдѣ есть нѣсколько глухо-нѣмыхъ, удручены были природною глухотою.

Многіе случаи глухоты сопровождаются обстоятельствами, которыя заслуживаютъ, чтобъ ихъ означить. Въ одномъ семействѣ отецъ сочетался бракомъ во второй разъ: онъ имѣлъ трехъ глухо-нѣмыхъ дѣтей отъ первой жены, а четырехъ слышащихъ отъ второй. Въ другомъ семействѣ, которое изъ осьми дѣтей считаетъ пятерыхъ глухо-нѣмыхъ отъ рожденія, всѣ пятеро родились въ сыромъ домѣ, въ которомъ и прежніе жильцы имѣли трехъ дѣтей, изъ коихъ двое глухо-нѣмыя.

Институтъ города Гертфорда представляетъ свѣдѣнія, не менѣе заслуживающія вниманіе. Вступившіе въ оный, со времени его учрежде-

нія до 1829 года, двѣсти семьдесять девять воспитанниковъ, происходили отъ двухъ сотъ сорока семи семействъ, изъ коихъ сорокъ семь имѣли каждое больше одного глухо-нѣмаго дитяти, а между прочими одно имѣло семеро дѣтей, пораженныхъ глухотою. Въ одномъ изъ сихъ семействъ отецъ глухо-нѣмъ, вмѣстѣ съ четырьмя изъ своихъ дѣтей; въ другомъ отецъ также глухо-нѣмъ, съ двумя изъ дѣтей. Эти два примѣра единственные въ семъ родѣ, между тѣмъ, какъ есть семейства, въ которыхъ отецъ или мать, или даже оба глухо-нѣмы, а дѣти пользуются совершеннымъ чувствомъ слуха. Изъ этого можно заключить, что сей недостатокъ не наслѣдственъ; онъ однако, кажется, постигаетъ нѣкоторыя семейства въ ихъ боковой линіи. Такимъ образомъ въ Гертфордскомъ Институтѣ находятся двѣ сестры, у которыхъ четырнадцать двоюродныхъ братьевъ или сестеръ, удрученныхъ, какъ и онѣ, глухо-нѣмотою.

Всѣ эти шестнадцать особъ происходятъ отъ одной и той-же прабабки, и это дѣлаетъ случай тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что дѣти и внуки сей послѣдней пользуются совершеннымъ чувствомъ слуха и словомъ.

Если изъ приведенныхъ нами фактовъ, мы еще не въ правѣ заключать, что случайная

глухота чаще встрѣчается, нежели природная, можно по крайней мѣрѣ вывести, что первая обыкновеннѣе, нежели какъ думаютъ, и что надобно питать надежду, что при помощи многочисленныхъ изысканій, дойдутъ со временемъ до познанія причинъ сего недостатка.

Помѣщаемъ здѣсь самую полную таблицу, доселѣ обнародованную о числѣ училищъ, посвященныхъ образованію глухо-нѣмыхъ.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ИНСТИТУТОВЪ И УЧИЛИЩЪ ГЛУХО-НѢМЫХЪ

ВЪ ЕВРОПѢ, АМЕРИКѢ И АЗІИ.

СТРАНЫ.	ЗАВЕДЕНІЯ.	Годъ учрежде-нія.	РОДЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Португаллія	Лиссабонъ	1824	Королевское. . . .
Испанія.	Мадритъ.	1800	Также . . . . . .
Италія	Неаполь	»	Частное . . . . .
	Низа	»	Для вольноприходящихъ, на счетъ казны . . . .
	Генуа	1801	Содержимое частію казною, частію акціями. . . . . .
	Туринъ	»	Частное . . . . .
	Миланъ	1805	Для вольноприходящихъ, на счетъ казны. . . . . .
Швейцарія.			
Кантонъ Женевскій .	Женева	1822	Для вольноприход. на счетъ города . . .
Вадтскій. .	Ивердонъ	1810	Частное . . . . . .
Бернскій.	Бахтеленъ	1822	Кантонское . . . .
	Бруннадеръ	1826	Частное . . . . . .
Цюрихскій .	Цюрихъ	»	Содержимое Кантономъ и акціями . .
Великое Герцогство Баденское	Карльсруэ	1780	Герцогское . . . .
	Пфорцгеймъ	1826	Также . . . . . .
	Фрейбургъ.	»	Частное . . . . .
Виртембергъ . . .	Гмюндъ	1807	Королевское. . . .
	Эслингенъ	1825	Для вольноприх., присоединенное къ Семинаріи . . . . . .
	Виннеденъ	»	Частное и безплатное
	Тюбингенъ	1829	Подписками . . . .
Баварія	Мюнхенъ.	1804	Королевское. . . .
	Байрейтъ	1821	Частное . . . . . .
	Пассау.	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .
	Регенсбергъ	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .
	Аншпахъ	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .
	Аугсбургъ	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .
	Вирцбургъ.	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .
	Шпейеръ	1823	Для вольноприх., присоединенныя къ школамъ . . . . . .

ДИРЕКТОРЫ И УПРАВЛЯЮЩІЕ УЧЕНІЕМЪ.	Учители.	Репетиторы.	Учительницы.	Репетитриссы.	Число воспитанниковъ. Мальчики.	Число воспитанниковъ. Дѣвицы.	Какихъ лѣтъ они принимаются.	Время ихъ пребыванія.
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Докторъ Гернандезъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Пеціоли ди Сіена.	»	»	»	»	24		» »	» »
Аббатъ Боззелли.	2	»	2	«	29	34	» »	» »
Скальотти.	»	»	»	»	10		» »	» »
Аббатъ Багутти	4	»	»	»	30		» »	» »
Шомель, глухо-нѣмой.	»	»	1	»	18		» »	» »
Нефъ	2	»	»	»	10		7— 8	6 лѣтъ.
Стуки.	1	»	»	»	18	»	» »	» «
Г-жа вдова Брюннеръ.	»	»	»	»	»	16	» »	» »
Шеръ	»	1	»	1	18		9—13	5
Кенигъ	»	»	»	»	2	2	» »	» »
Неймайеръ.	2	»	»	»	20	10	9	6 и 5
Фрей	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Іегеръ	3	1	»	»	21		7—12	6 по край-
Гессъ	1	»	»	»	10	»	» »	ней мѣрѣ.
Шмидтъ.	»	»	»	»	28		» »	» »
Рикертъ.	»	»	»	»	6		» »	» »
Эрисдорферъ.	2	»	»	»	30		6— 8	6
Поландъ								

СТРАНЫ.	ЗАВЕДЕНІЯ.	Годъ учрежденія	РОДЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Австрія	Вѣна	1779	Императорское
	Линцъ	1812	Для вольноприх.
Моравія	Брюннъ	1829	Частное
Богемія	Прага	1786	Подписками
	Коммото	»	. . . .
Венгрія	Вайтценъ	1802	Подписками
Пруссія	Берлинъ	1788	Королевское
	Берлинъ	»	Частное
	Бреславль	1799	Подписками и на счетъ казны
	Кёнигсбергъ	1820	Королевское
	Мюнстеръ	1829	Также
	Кведлинбургъ	18 1	Частное
	Эрфуртъ	1818	Провинціальное
	Гальберштатъ	1825	Также
	Крефелдъ	»	. . . .
	Магдебургъ	»	Провинціальное
	Вейсенфельсъ	»	Тоже
	Бюренъ	»	Провинціальное, присоединенное къ Семинаріи
	Брюль	»	Тоже
	Петерсгагенъ	»	Тоже
	Анкламъ	»	. . . .
	Штеттинъ	1826	Частное
	Кёльнъ	1828	Содержимое Магистратомъ и подаяніями
	Барленъ	»	. . . .
Саксонія	Лейпцигъ	1778	Королевское
	Дрезденъ	1828	Присоединенное къ Семинаріи
	Кётенъ	»	. . . .
	Фридрихштатъ	1830	Присоединенное къ Семинаріи
	Веймаръ	1825	Присоединное къ обыкновенной школѣ
Курфиршест. Гессенъ	Кассель	»	Частное
Герцогство Нассау	Камбергъ	1820	Для вольноприх., содерж. изъ капиталовъ, опредѣленныхъ Правительствомъ

ДИРЕКТОРЫ И УПРАВЛЯЮЩІЕ УЧЕНІЕМЪ.	Учители.	Репетиторы.	Учительницы.	Репетитриссы.	Число воспитанниковъ. Мальчики.	Дѣвицы	Какихъ лѣтъ они принимаются.	Время ихъ пребыванія.
Венусъ.	3	»	»	»	48	16	7—14	6 до 8
Бирингеръ.	»	»	»	»	40		» »	» »
Гандшу	»	»	»	»	10		» »	» »
Мюке	2	»	1	»	26	17	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Шварцеръ	1	»	»	»	30		» »	» »
Грасгофъ.	3	»	»	»	60		7—15	6 до 9
Симонъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Шретеръ	2	»	1	»	35		8—12	6
Нейманъ	2	»	1	»	22		» »	» »
Вейднеръ.	»	»	»	»	16		» »	» »
Гауеръ.	»	»	»	»	24		» »	» »
Шульцъ	1	»	»	»	25		» »	» »
Эплиніусъ	»	»	»	»	12		» »	» »
Гейнике	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Гарпунгъ	»	»	»	»	15		» »	» »
Шульцъ	»	»	»	»	15		» »	» »
Вирфель	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Бетхеръ.	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Гроневалдъ.	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Рейхъ	3	»	»	»	32	19	8—12	6 до 9
Цанъ	»	1	»	»	9	1	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Оттo.	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Вольрадтъ	»	»	»	»	3	»	» »	» »
Вигандъ	»	»	»	»	4	»	» »	» »
Шупъ, глухо-нѣмой.	2	»	»	»	48		8—12	6

СТРАНЫ.	ЗАВЕДЕНІЯ.	Годъ учрежденія.	РОДЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Княжество Липпе-Шаумбургъ. . .	Брукгофъ	»	. . . .
Королевство Гановеръ	Гильдесгеймъ. . . .	1829	На счетъ казны. . .
Герцогство Брауншвейгъ	Брауншвейгъ. . . .	1827	Подписками . . . .
— — — Ольденбургское	Вильдесгаузенъ. . .	1820	Тоже . . . .
Вольные города . .	Франкфуртъ	1827	Частное . . . . . .
	Гамбургъ	»	Частное содерж. подп.
	Бременъ.	1828	Тоже . . . .
Бельгія	Гентъ.	»	. . . .
	Гентъ.	»	. . . .
	Лиштихъ	1820	Подписками . . . .
Голландія	Грёнингенъ.	1790	Національное . . . .
	Бергенъ	»	Частное . . . . . .
Данія	Копенгагенъ	1804	Королевское. . . . .
	Шлезвигъ	1810	Тоже . . . .
Швеція.	Штокгольмъ. . . .	»	Тоже . . . .
Россія	Санктпетербургъ .	1806	Императорское . . .
Польша.	Варшава	»	На акціяхъ . . . .
Велико-Британія. Англія . .	Лондонъ	1792	Тоже . . . .
	Эджбастонъ	1815	Тоже . . . .
	Манчестеръ	1824	Тоже . . . .
	Донкастеръ	1829	Тоже . . . .
	Ливерпуль	1825	Тоже . . . .
	Экзетеръ	1827	Частное . . . . . .
Шотландія.	Эдинбургъ	1810	Акціями . . . . . .
	Несли	1817	Тоже . . . .
	Гласговъ.	1819	Тоже . . . .
	Эбердинъ	»	Частное . . . . . .
	Перть	»	. . . .
	Донди	»	. . . .
Ирландія .	Клеремонтъ	1816	Акціями . . . . . .
	Коркъ	«	Частное . . . . . .

ДИРЕКТОРЫ И УПРАВЛЯЮЩІЕ УЧЕНІЕМЪ.	Учители.	Репетиторы.	Учительницы.	Репетитриссы.	Число воспитанниковъ: Мальчики.	Дѣвицы.	Какихъ лѣтъ они принимаются.	Время ихъ пребыванія.
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	
Кюльгацъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Альбрехтъ.	»	»	3	»	9	11	8—14	» »
Гауманъ.	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Козель.	«	»	»	»	»	»	» »	» »
Сенсъ	1	«	»	»	26		6—16	» »
Орипгисъ.	»	»	»	»	30		» »	» »
Бургой и Ванъ-Кюйкъ.	»	»	»	»	21	»	» »	» »
Г-жи Верпгульстъ и Віене . . .	»	»	»	»	»	47	» »	» »
Вуплэнъ	»	»	»	»	»	»	» »	» «
Гюіо	4	6	»	»	80—71		8—15	7 до 8
Ваннерсъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Шоу	5	1	2	1	120		8—15	7— 8
Гензенъ	4	»	1	»	70		6— 8	7— 8
Кавалеръ де Боргъ.	»	»	»	»	40		» »	» «
Флёри и Гурцовъ	2	1	1	1	36	25	7—12	10
Аббатъ Фальховскій	»	»	»	»	46		» »	» »
Ватсонъ, сынъ.	»	»	»	»	220		11	6
Дю Пюже.	»	1	»	»	24	16	8—13	5
Вауганъ	1	»	»	»	50		» »	5
Бекеръ	»	»	»	»	30		8—12	» »
Скоттъ.	»	»	»	»	20		» »	» »
Бингамъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Кинборъ, отецъ	3	»	»	»	72		9—14	5
Митчель	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Кинборъ, сынъ.	1	»	»	»	20	20	9—14	5
Телоръ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	«	»	»	»	»	» »	» »
. . . .	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Гумфрисъ	2	»	»	»	72		8 12	5
. . . .	»	»	»	»	14		» »	» »

СТРАНЫ.	ЗАВЕДЕНІЯ.	Годъ учрежденія.	РОДЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Америка. Соединен. Штаты. Коннектикутъ	Гертфордъ	1816	На счетъ казны и акціями
Нью-Іоркъ	Нью-Іоркъ	1818	Тоже
	Канаджори	»	Тоже
Пенсильванія	Филадельфія	1820	Тоже
Кентуки	Денвиль	1824	Тоже
Огіо	Колумбусъ	»	
Виргинія		»	
Канада	Квёбекъ	1831	
Мексико	Мексико	1830	
Азія. — Бенгалія	Калькутта	1828	
Франція.			
Департаменты:			
Сенскій	Парижъ	1760	Королевское
Жирондскій	Бордо	1786	Тоже
Верхне-Гаронскій	Тулуза	1826	Департаментальное
Тарнскій	Альби	»	
Аверонскій	Родезъ	»	Департаментальное
Устьевъ-Рона	Марсель	1819	Тоже
Верхне-Лоарскій	Ле-Пюи	»	Тоже
Пюи-де-Домскій	Клермонъ	»	Тоже
Верхне-Віенскій	Лиможъ	»	Тоже
Лоарскій	С. Этіенъ	1815	Тоже
	С. Этіенъ	1828	
Ронскій	Ліонъ	1824	Департаментальное
Віенскій	Шапеллеро	»	
Менъ-е-Лоарскій	Анже	1780	Частное
Морбиганскій	Оре	1807	Пансіонъ
Маіенскій	Лаваль	1820	Для вольноприход. и соединенное съ обыкновенною школою.
Ёръ-и-Лоарскій	Ножанъ-ле-Ротру	1808	Департаментальное
Кальвадоскій	Канъ	1816	Тоже
	Кондè-сюръ-Ноаро	»	Частное
Нижне-Сенскій	Руанъ	1780	Частное и безплатное
Па-де-Калескій	Аррасъ	1817	Департамент.
Верхне-Марнскій	Лангръ	1828	Тоже
Мёртскій	Нанси	1828	Тоже

ДИРЕКТОРЫ И УПРАВЛЯЮЩІЕ УЧЕНІЕМЪ.	Учители.	Репетиторы.	Учительницы	Репетитриссы.	Число воспитанниковъ.		Какихъ лѣтъ они принимаются.	Время ихъ пребыванія.
					Мальчики.	Дѣвицы.		
Вельдъ	9	»	»	»	150		10—14	» »
Пинь	2	1	»	»	86		» »	» »
Грейффинъ	»	»	»	»	40		» »	» »
Гоптонъ	4	»	»	»	90		» »	» »
Джакобсъ	»	»	»	»	56		» »	» »
Гоббель	»	»	»	»	»	»	» »	» »
	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Макъ-Дональдъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Роже, глухо-нѣмой	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Никольсъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Дезире-Ординеръ	5	5	4	4	100	56	9—15	6
Аббатъ Гиль	2	5	»	»	60		» »	6
Аббатъ Шазотъ	»	»	»	»	20	10	» »	» »
	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Аббатъ Перьс	»	»	»	»	56		» »	» »
Б риаръ	»	»	»	»	15	8	« »	» »
	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Конгрегація женщинъ	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Б рипанъ, глухо-нѣмой	»	»	»	»	»	»	» »	» »
Міора	»	»	»	»	20		» »	» »
Конгрегація женщинъ	»	»	2	»	»	22	» »	» »
Комбери, глухо нѣмой	3	»	2	»	45	20	5—15	6
	»	»	»	»	»	»	» »	» »
М-ль Блуэнъ	»	»	»	«	32		» »	» »
Конгрегація женщинъ	»	»	»	»	40		» »	» »
Сенегонъ	»	»	»	»	8		» »	» »
Аббатъ Бѣле	»	»	»	»	»	»	« »	» »
Аббатъ Жаме	1	»	»	»	60		» »	» »
Дюдезеръ	»	»	»	»	12		» »	» »
Аббатъ Гюби	»	»	»	»	11		» »	» »
Дезоньи	»	»	»	»	31		» »	» »
М-ль Попье	»	»	»	»	»	4	» »	» »
Пиру	»	2	»	»	24	10	10—16	» »

СТРАНЫ.	ЗАВЕДЕНІЯ.	Годъ учрежденія.	РОДЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
Дубскій	Безансонъ	1819	Департаментъ. . . .
	Безансонъ	1824	Тоже . . . .
Верхне Рейнскій . .	Кольмаръ	»	Частный пансіонъ. .
Нижне-Рейнскій .	Страсбургъ	1825	Для вольноприх., частное и безплатное .
	Куттолсгеймъ . . .	1830	Для вольноприх. и соединенное съ перво начальною школою.

ДИРЕКТОРЫ И УПРАВЛЯЮЩІЕ УЧЕНІЕМЪ.	Учители.	Репетиторы.	Учительницы.	Репетитриссы.	Число воспитанниковъ.		Какихъ лѣтъ они принимаются.	Время ихъ пребыванія.
					Мальчики.	Дѣвицы.		
Сестра Рузо.	»	»	»	»	40		» »	» »
Бонифусъ, глухо-нѣмой.	»	1	»	»	30		» »	» »
Жакупо.	»	»	1	»	9	7	» »	» »
Рейснеръ	»	»	»	»	3		» »	» »
Зопфманъ	»	»	»	»	2		» »	» »

Между 128 училищами, о которыхъ упоминается въ сей таблицѣ, 84, въ коихъ мы знаемъ число воспитанниковъ, содержатъ три тысячи двѣсти девяносто двухъ глухо - нѣмыхъ; прочія 44 большею частію маловажны, и хотя мы не знаемъ точнаго числа ихъ воспитанниковъ, но думаемъ, что не слишкомъ удалимся отъ истины, положивъ ихъ до 440, то-есть среднимъ числомъ до десяти воспитанниковъ въ училищѣ. И такъ эти 128 заведеній содержатъ около трехъ тысячъ семи сотъ тридцати двухъ глухо-нѣмыхъ.

Теперь можемъ при помощи довольно обширныхъ статистическихъ свѣдѣній, нами собранныхъ, если не точно, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить пропорцію глухонѣмыхъ, которые въ каждой странѣ пользуются благотворнымъ образованіемъ, и тѣхъ которые лишены онаго.

Въ самомъ дѣлѣ, ревизія глухо-нѣмыхъ была уже сдѣлана въ народонаселеніи 47,339,952 душъ и дала результатомъ двадцать девять тысячъ восемь сотъ пятьдесятъ трехъ глухонѣмыхъ, то-есть по одному на 1585 жителей; вѣроятно впрочемъ, что сіе отношеніе глухонѣмыхъ къ цѣлому народонаселенію, взятое среднимъ числомъ, не можетъ много измѣниться отъ дальнѣйшихъ ревизій. Эта же пропор-

ція (одинъ глухо-нѣмой на 1,585 жителей) можетъ служить основою, чтобы вывести изъ оной число сихъ несчастныхъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не было сдѣлано имъ ревизіи (*).

По этому исчисленію, Франція имѣетъ при народонаселеніи 32,000,000 жителей, двадцать тысячъ сто восемьдесятъ девять глухо-нѣмыхъ. Австрія, изъ народонаселенія 26,444,000 жителей, считаетъ шестнадцать тысячъ шесть сотъ восемьдесятъ четырехъ сего рода несчастныхъ. Европейская Россія слѣдственно должна считать двадцать семь тысячъ восемь сотъ тридцать четыре глухо-нѣмыхъ между 44,118,000 своихъ жителей.

По этому же самому исчисленію, тѣ страны въ Европѣ, которыя имѣютъ заведенія, если ихъ соединимъ съ тѣми, гдѣ сдѣлана была ревизія, представляютъ на народонаселеніе 199,786,952 душъ, сто двадцать девять тысячъ девять сотъ шестьдесятъ шесть глухо-нѣмыхъ. Чтобы опредѣлить число глухо-нѣмыхъ во всей Европѣ, надобно только составить геометрическую пропорцію, и слѣдовательно Европа, считающая

(*) Нѣкоторыя страны, какъ Греція, Бразилія, кажется, имѣютъ весьма мало глухо-нѣмыхъ, но это исключеніе можетъ имѣть только самое слабое вліяніе на цифру среднимъ числомъ, принятую нами при исчисленіи отношенія глухо-нѣмыхъ къ народонаселенію всего земнаго шара.

214,000,000 жителей, должна заключить въ себѣ сто тридцать девять тысячъ двѣсти двѣнадцать глухо-нѣмыхъ, слѣдовательно отношеніе 1 : 1537.

Присоединяя къ 214,000,000 жителей, составляющихъ народонаселеніе Европы, 12,000,000 жителей Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ ревизія представила шесть тысячъ глухо-нѣмыхъ, мы будемъ имѣть, на народонаселеніе 226,000,000 душъ, сто сорокъ пять тысячъ двѣсти двѣнадцать глухо-нѣмыхъ; весь земной шаръ, считающій 850,000,000 душъ, долженъ такимъ образомъ заключать въ себѣ пять сотъ сорокъ шесть тысячъ сто пятьдесятъ одного глухо-нѣмаго, то-есть одного на 1556 жителей среднимъ числомъ, которое немного удаляется отъ соотношенія, представляемаго Пруссіею, гдѣ глухо-нѣмые къ цѣлому народонаселенію содержатся какъ 1 : 1548.

Постараемся теперь опредѣлить отношеніе глухо-нѣмыхъ, получающихъ образованіе, къ глухо-нѣмымъ, лишеннымъ онаго.

Если каждый годъ глухо-нѣмые, по мѣрѣ того какъ достигаютъ десятилѣтняго возраста, могли-бы вступить въ училища, то всѣ они постепенно были бы образованы въ теченіе одного поколѣнія. И такъ, здѣсь дѣло идетъ объ опредѣленіи съ одной стороны числа глу-

хо-нѣмыхъ десятилѣтнихъ, а съ другой числа воспитанниковъ, которое ежегодно принимаютъ заведенія. Изъ сравненія сихъ двухъ чиселъ само собою проистечетъ отношеніе образованныхъ глухо-нѣмыхъ къ необразованнымъ.

Но, въ Пруссіи, считающей восемь тысячъ двѣсти двадцать трехъ глухо-нѣмыхъ, число тѣхъ, которымъ десять лѣтъ отъ роду, простирается до двухъ сотъ восьмидесяти, то-есть оно къ цѣлому числу, какъ $1 : 29^{568}/_{1000}$. Итакъ мы можемъ взять это отношеніе за основаніе нашихъ вычисленій, и раздѣливъ цѣлое число глухо-нѣмыхъ всѣхъ странъ на $29^{568}/_{1000}$, узнаемъ число глухо-нѣмыхъ десятилѣтняго возраста; для опредѣленія числа глухо-нѣмыхъ, поступающихъ ежегодно въ училища, стоитъ только раздѣлить число воспитанниковъ, которое заключаютъ оныя, на пять: ибо, хотя многія заведенія и удерживаютъ воспитанниковъ своихъ болѣе пяти лѣтъ, но они всегда возобновляются почти пятою частію, принимая въ разсмотрѣніе число умирающихъ или исключаемыхъ по неспособности и по болѣзни.

Такимъ образомъ, раздѣливъ двадцать тысячъ сто восемьдесятъ девять глухо-нѣмыхъ, которыхъ содержитъ Франція на $29^{568}/_{1000}$, находимъ шесть сотъ восемьдесятъ семь глухо-нѣмыхъ десяти лѣтъ. Заведенія заключаютъ въ

себѣ семь сотъ девяносто восемь воспитанниковъ; они ежегодно принимаютъ пятую часть, то-есть, сто пятьдесятъ девять. Изъ сравненія цифръ 159 и 687, явствуетъ, что глухо-нѣмые, получающіе воспитаніе и лишенные онаго содержатся между собою какъ 1 : 4 $^1/_3$. И такъ, чтобы дать образованіе всѣмъ глухо-нѣмымъ во Франціи, надобно, вмѣсто ста пятидесяти девяти воспитанниковъ, ежегодно принимать въ училища шесть сотъ восемьдесятъ семь; то-есть, чтобы вмѣсто семи сотъ девяноста осьми воспитанниковъ, образовались всегда три тысячи четыреста пятьдесятъ восемь.

Европа, которая между своимъ народонаселеніемъ состоящимъ изъ 214,000,000 душъ, имѣетъ сто тридцать девять тысячъ двѣсти двѣнадцать глухо-нѣмыхъ, считаетъ четыре тысячи семь сотъ сорокъ сихъ несчастныхъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Заведенія заключаютъ въ себѣ три тысячи двѣсти девяносто воспитанниковъ; слѣдственно, принимаютъ каждый годъ шесть сотъ пятьдесятъ восемь учениковъ. Изъ сравненія сего числа съ четырьмя тысячами семью стами сорока слѣдуетъ, что въ Европѣ воспитаніе доставляется одному только глухо-нѣмому на 7$^1/_3$; и такъ необходимо, чтобы вмѣсто трехъ тысячъ двухъ сотъ девяноста воспитанниковъ,

заведенія постоянно заключали въ себѣ двадцать три тысячи семь сотъ.

На всемъ земномъ шарѣ, который между народонаселеніемъ 850,000,000 душъ, считаетъ пять сотъ сорокъ шесть тысячъ сто пятьдесятъ одного глухо-нѣмаго, осьмнадцать тысячъ пять сотъ девяносто шесть достигаютъ ежегодно десятилѣтняго возраста. Заведенія содержатъ въ себѣ три тысячи семь сотъ тридцать двухъ воспитанниковъ, а принимаютъ ежегодно семь сотъ сорокъ шесть; но, 746 : 18,596 : : 1 : $24^{9}/_{10}$; и такъ одинъ только глухо-нѣмой изъ $24^{9}/_{10}$ получаетъ образованіе; а чтобы всѣ глухо-нѣмые въ свѣтѣ могли постепенно вступить въ училища, сіи послѣднія должны-бъ были быть гораздо пространнѣе, чтобы дать пріютъ девяноста двумъ тысячамъ девяти стамъ восьмидесяти воспитанникамъ.

Мы составили таблицу, представляющую число глухо-нѣмыхъ во всякой странѣ, отношеніе ихъ къ народонаселенію, число тѣхъ, кои входятъ въ десятилѣтній возрастъ, число заведеній и воспитанниковъ содержимыхъ ими и ежегодно поступающихъ въ оныя, наконецъ пропорцію между глухо-нѣмыми образованными и необразованными. Эта таблица лучше всего покажетъ, какія страны оказываютъ наибольшую попечительность о сихъ несчастныхъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

КОТОРЫЕ ВЪ КАЖДОЙ СТРАНѢ ПОЛУЧАЮТЪ ОБРА-

СТРАНЫ.	Народонаселеніе.	Число глухонѣмыхъ.
Португаллія	3,815,800	2,407
Испанія	11,500,000	7,255
Франція	32,000,000	20,189
Италія	20,000,000	12,618
Швейцарія	2,000,000	3,976
Великое Герцогство Баденское	1,108,060	1,983
Виртембергъ	1,550,215	1,250
Баварія	4,037,000	2,908
Австрія	26,444,000	16,684
Пруссія	12,726,823	8,223
Саксонія	1,400,000	883
Великое Герцогство Саксенъ-Веймарское	226,000	142
Курфиршество Гессенъ	550,000	400
Герцогство Нассау	300,000	210
Княжество Липпе-Шаумбургъ	25,500	16
Королевство Ганноверъ	1,500,000	946
Герцогство Брауншвейгское	206,000	176
— — — — Ольденбургское	240,000	151
Франкфуртъ	75,000	47
Гамбургъ	137,700	86
Бреславль	50,000	31
Бельгія / Голландія	6,166,854	2,166
Данія	1,800,000	1,260
Швеція и Норвегія	3,800,000	2,597
Европейская Россія	44,118,000	27,834
Польша	3,700,000	2,334
Велико-Британія: Англія	12,000,000	7,570
Велико-Британія: Шотландія	2,100,000	1,324
Велико-Британія: Ирландія	6,000,000	3,500
Европа	214,000,000	139,212
Соединенные Штаты въ Америкѣ	12,000,000	6,000
Весь Земной шаръ	850,000,000	546,151

ГЛУХО - НѢМЫХЪ,

ЗОВАНІЕ И ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ЛИШЕНЫ ОНАГО.

Отношеніе глухо-нѣмыхъ къ народонаселенію.	Число глухо-нѣмыхъ десятилѣтнихъ.	Число заведеній.	Число воспитанниковъ, ими содержимыхъ.	Число воспитанниковъ, ежегодно принимаемыхъ въ оныя.	Отношеніе глухонѣмыхъ, получающихъ воспитаніе къ тѣмъ, которые лишены онаго.
1: 1,585	82	1	20	4	1: 20 1/2
1,585	247	1	30	6	41 1/6
1,585	687	28	798	159	4 1/3
1,585	429	5	147	29	14 4/5
503	135	5	80	16	8 7/16
559	67	3	44	8	8 3/8
1,240	42	4	68	14	3
1,588	99	8	70	14	7 1/14
1,585	568	6	197	39	14 22/39
1,548	280	18	314	62	4 1/2
1,585	30	4	71	14	2 1/7
1,585	4	1	3	3/5	6 2/5
1,375	13	1	4	4/5	16 1/4
1,428	7	1	48	9	всѣ могутъ быть образованы.
1,585	1/2	1	6	1	Тоже.
1,585	32	1	10	2	16
1,170	6	1	20	4	1 1/2
1,585	5	1	10	2	2 1/2
1,585	1 3/5	1	10	2	всѣ могутъ быть образованы.
1,585	2	1	26	5	Тоже.
1,585	1	1	30	6	Тоже.
2,847	74	5	249	50	1 1/2
1,714	43	2	190	38	1 5/38
1,585	81	1	40	8	10 1/8
1,585	948	1	61	12	43 1/11
1,585	79	1	46	9	8 7/9
1,585	257	6	410	82	3 1/8
1,585	45	6	152	30	1 1/2
1,714	119	2	86	17	7
1,537	4,740	118	3,290	658	7 1/5
2,000	204	7	411	82	2 1/2
1,556	18,596	128	3,732	746	2 9/10

ГЛАВА XXVII.

РУЧНОЕ ЧИСЛЕНІЕ, УПОТРЕБЛЯЕМОЕ ГЛУХОНѢМЫМИ.

Начинаешь открывать постепенно всѣ пальцы, принимая большой палецъ правой руки за знакъ единицы: это то же, что у насъ численіе изустное; на бумагѣ же изображаешь количество посредствомъ требуемаго числа маленькихъ перпендикулярныхъ чертъ, которыя отмѣчаешь попеременно пятками *надъ* или *подъ* линіею, проведенною горизонтально. Во-вторыхъ, можно упражнять дитя замѣненіемъ этихъ маленькихъ чертъ, изображающихъ пальцы, равномѣрнымъ числомъ горошинокъ и обратно. Въ-третьихъ наконецъ, заставляешь его выучить наизусть арабскія цифры наряду съ упомянутыми упражненіями. По мѣрѣ того, какъ дойдешь до десятковъ, сотней, тысячъ и проч. дитя безъ труда замѣтитъ постепенно возрастущую силу сихъ цифръ, идя справа влѣво, если только осмотрительно требуешь отъ него, чтобъ оно непремѣнно писало цифрами всѣ числа, по крайней мѣрѣ, до тысячи; это упраж-

неніе должно быть часто повторяемо. И наилучшее средство пріучить дитя быть внимательнымъ и работать головою, будетъ требовать отъ него, чтобъ оно употребляло взаимно и съ равною быстротою цифры, какъ письменныя, такъ и ручныя; чтобы по указанію пальцевъ, оно могло составить соотвѣтственныя числа, даже самыя значительныя, а съ другой стороны представить тѣ же самыя числа ручною нумераціею. Дальнѣйшее же замѣненіе чиселъ написанныхъ буквами не представитъ послѣ этого хорошо исполненнаго труда уже никакого другаго затрудненія.

Вотъ въ подробности какимъ образомъ можно будетъ приняться за это дѣло.

I	Большой палецъ правой руки одинъ поднятъ	1.
II	Большой палецъ съ указательнымъ	2.
III	Тоже, плюсъ средній палецъ .	3.
IIII	Тоже, плюсъ четвертый палецъ	4.
IIIII	Пять пальцевъ подняты. . .	5.
IIIII / I	Подняты пять пальцевъ правой руки, также и большой лѣ-	

вой, который прилагается къ ладони правой. . . . . . . 6.

IIII / II	Тоже, плюсъ указательный палецъ лѣвой руки, который прилагается къ ладони правой	7.
IIII / III	Тоже, плюсъ средній палецъ лѣвой руки	8.
IIII / IIII	Тоже, плюсъ четвертый палецъ .	9.
IIII / IIIII	Пять соединенныхъ пальцевъ правой руки касаются оконечностями соединенныхъ пальцевъ лѣвой	10.
IIII I / IIII	Знакъ десяти, плюсъ одинъ .	11.
IIII II / IIII	Десять, плюсъ два	12.
IIII III / IIII	Десять, плюсъ три	13.
IIII IIII / IIII	Десять, плюсъ четыре	14.
IIII IIIII / IIII	Десять, плюсъ пять	15.
IIII IIII / IIIII I	Десять, плюсъ шесть	16.
IIII IIII / IIII II	Десять, плюсъ семь.	17.
IIII IIII / IIII III	Десять, плюсъ восемь	18.
IIII IIII / IIII IIII	Десять, плюсъ девять	19.
IIII IIII / IIII IIII	Большой и указательный пальцы правой руки подняты и дѣлаютъ вращательное движеніе съ лѣвой стороны къ правой,	

какъ-будто чертишь нуль въ воздухѣ . . . . .20.

Знакъ двадцати, плюсъ одинъ .21.

Двадцать, плюсъ два . . . .22.

Двадцать, плюсъ три . . . .23.

Двадцать, плюсъ четыре . . .24.

Двадцать, плюсъ пять. . . .25.

Двадцать, плюсъ шесть . . .26.

Двадцать, плюсъ семь. . . .27.

Двадцать, плюсъ восемь . . .28.

Двадцать, плюсъ девять . . .29.

Тридцать. Три первые пальца правой руки подняты и описываютъ нуль, какъ то сказано уже было для двадцати .30.

Сорокъ. Четыре пальца, плюсъ нуль . . . . . . 40.

Пятьдесятъ. Пять пальцевъ, плюсъ нуль . . . . . . 50.

Шестьдесятъ. Шесть пальцевъ расположены какъ для цифры шесть, и пять пальцевъ правой руки довольствуются, чтобы изобразить нижнюю кривую линію нуля полуобращеніемъ снизу вверхъ. 60.

Семьдесять. Семь пальцевъ, плюсъ предъидущій знакъ . 70.

Восемьдесять. Восемь пальцевъ, и тотъ же самый знакъ. 80.

Девяносто. Девять пальцевъ, и тотъ же знакъ. . . . . 90.

Сто. Означается посредствомъ Римской цифры, то-есть изображая букву *С.* См. въ концѣ книги ручную азбуку . . . . 100.

Тысяча. Выражается также посредствомъ Римской цифры, то-есть, изображая маленькій Французскій *m.* См. ручную азбуку . . . . 1,000.

Десять тысячъ. Знаки десяти и тысячи . . . . . . 10,000.

Сто тысячъ. Знаки ста и тысячи . . . . 100,000.

Милліонъ. Означается изображеніемъ буквы *м.* . . . 1,000,000.

Десять милліоновъ. Знакъ десяти и милліона . . . . 10,000,000.

Сто милліоновъ. Знаки ста и милліона. . . . . . . 100,000,000.

Тысяча милліоновъ. Означается Французскою буквою *b*, по имени билліона . . . 1,000,000,000.

Билліонъ. Выражается Французскою буквою *t*, начальною въ словѣ трилліонъ. См. Французскую ручную азбуку . . 1,000,000,000,000.

Четыре ариѳметическія дѣйствія изображаются слѣдующимъ образомъ:

Сложеніе. Держишь обѣ руки открытыми одна противъ другой и съ расширенными пальцами, и вдругъ ихъ придвигаешь, чтобъ соединить ихъ по оконечности пальцевъ, соединяющихся вмѣстѣ.

Вычитаніе. Пальцы правой руки, согнутые въ крюкъ, проходятъ съ лѣвой стороны къ правой на ладони другой руки, какъ-будто вынимая что-либо изъ оной.

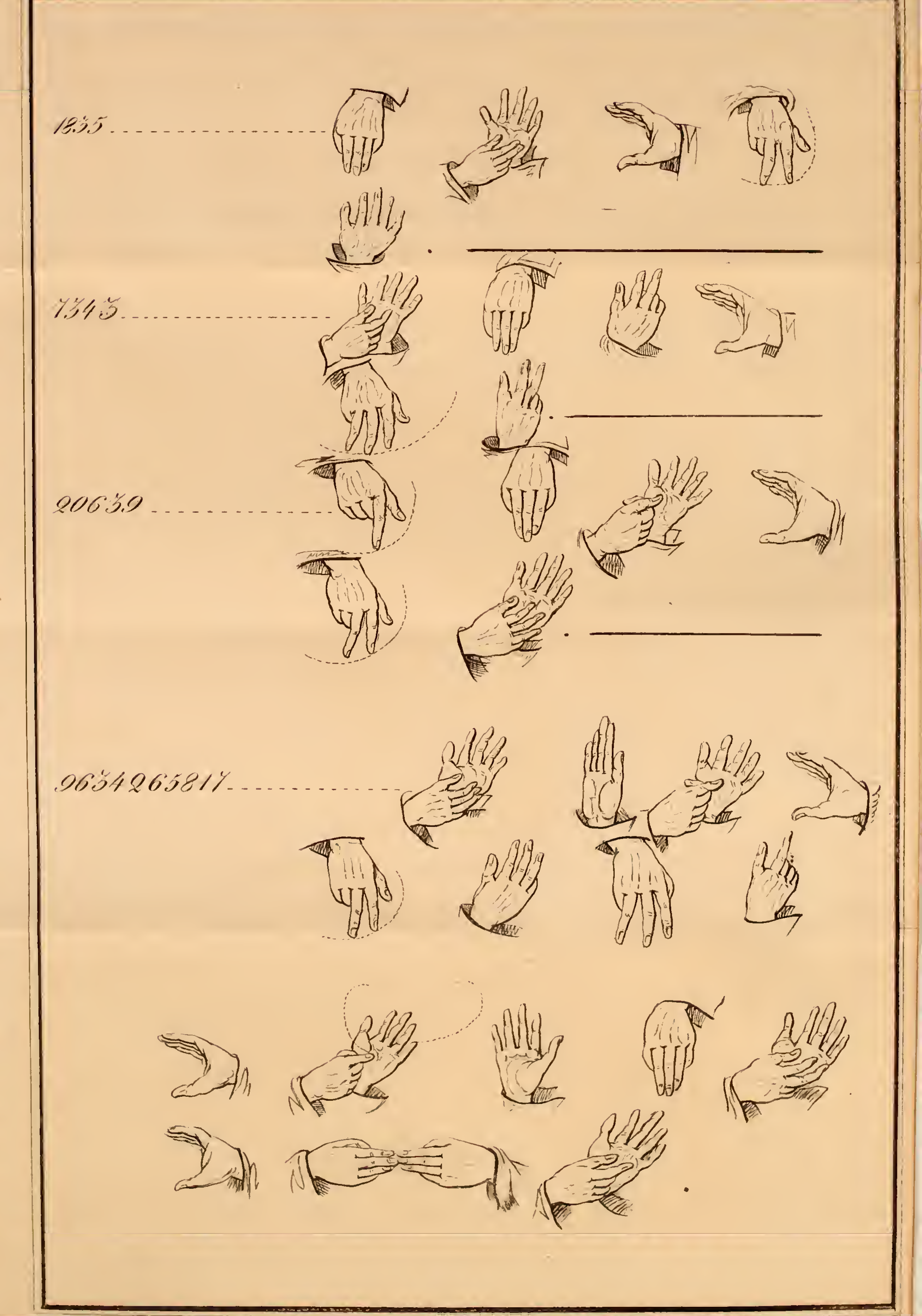
Умноженіе. Обѣ руки горизонтально открыты и ладонями обращены одна къ другой, не трогаясь; въ семъ положеніи правая рука подни-

мается надъ лѣвою, которая остается неподвижною.

Дѣленіе. Оба указательные пальца, коснувшись оконечностями, отдаляются одинъ отъ другаго.

Вотъ нѣсколько примѣровъ приложенія ручной нумераціи къ даннымъ числамъ.

(См. слѣдующій за симъ литографическій листъ).

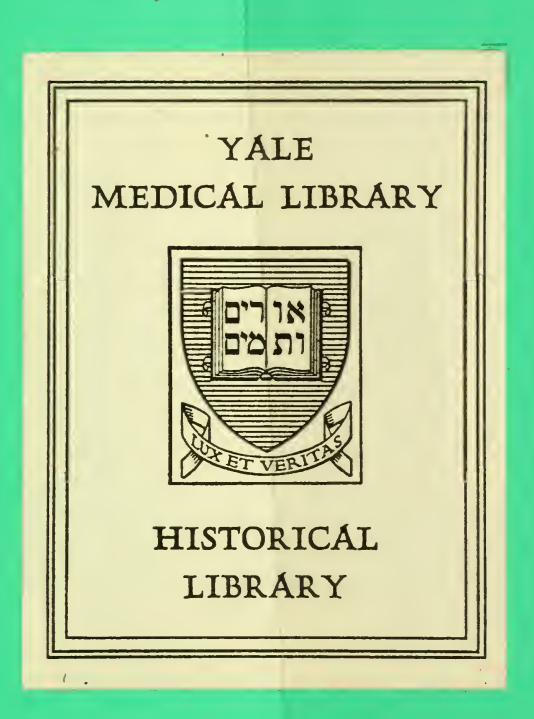
1835
7343
20639
9634265817

Русская Азбука!

Alphabet Français.

YALE
MEDICAL LIBRARY
LUX ET VERITAS
HISTORICAL
LIBRARY

